

18+

ЖИЗНЬ

ГОРЬКАЯ...

ЖЕСТОКАЯ...

Сборник автобиографических романов

ВЛАДЛЕН АНЖЕЛО

Владлен Анжело

Жизнь Горькая... Жестокая...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64092711
ISBN 9785449824288*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В моих шести автобиографических романах продолжительностью в... столетие (!) описана жизнь автора, полная жестокого драматизма, как в бывшем Советском Союзе, так и за его пределами (в Израиле и Канаде), завершившаяся счастливым финалом. В книге помещена также историко-публицистическая повесть «Трагедия Большой алии». Владлен Анжело

Содержание

Сирота	8
Предисловие	8
Пролог	11
Глава 1. Трагедия родителей мамы	15
Глава 2. Замужество мамы	17
Глава 3. Трагедия мамы	19
Глава 4. Отравленное детство	28
Глава 5. Новая жизнь	43
Глава 6. Первые радости	47
Глава 7. Война	52
Глава 8. Бегство	67
Глава 9. На чужбине	74
Глава 10. Возвращение	83
Глава 11. Кем быть?	104
Глава 12. «Тяжела ты, шапка Мономаха...»	111
Глава 13. Любовь первая – безответная...	119
Глава 12. Девушка моей судьбы	128
Глава 15. Беда...	139
Глава 16. Преступление и наказание	143
Глава 17. Голубая мечта	147
Глава 18. Беда не приходит одна...	151
Глава 19. Мадина и её «уроки»...	162
Глава 20. Поездка в Батуми	182

Глава 21. Женидьба	188
Глава 22. Пяшьдесять третий год	192
Конец ознакомительного фрагмента.	208

Жизнь Горькая... Жестокая...

Владлен Анжело

© Владлен Анжело, 2021

ISBN 978-5-4498-2428-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владлен Анжело

ЖИЗНЬ ГОРЬКАЯ... ЖЕСТОКАЯ...
(АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ РОМАНЫ)
1920—2019 годы
(Украина, Россия, Израиль, Канада)

Жизнь прожить – не поле перейти.

Всё хорошо, что хорошо кончается.

Надо бояться прожить гладенькую, благополучную
жизнь.

Виктория Токарева.

Повесть «Звезда в тумане»

Сирота

(Детство. Отрочество. Юность)

1920—1953 годы

*Светлой памяти моей мамы Раисы Яковлевны
Анжело посвящаю.*

Автор

*Потребность в раскаянии и исповеди есть
подлинная потребность человеческой души.*

Евгения Гинзбург. «Крутой маршрут»

Предисловие

9 апреля 1994 года я начал писать свой автобиографический роман. В условиях тяжелейшего периода иммиграции в Канаду мои чувства достигли апогея... Вместе с тем у меня возникла потребность обрести обитель моей души, чтобы я имел возможность разгружать свою психику, которая испытала в марте 1991 года, во время пребывания в Израиле, сокрушительную психологическую травму...

С той поры минуло... четверть века! 9 апреля 2019 года мне исполнилось... 90 лет! Вместо одного романа я написал... шесть автобиографических романов! Первые пять

из них я посвятил светлой памяти моей мамы.

1. Роман первый. «Сирота (Детство. Отрочество. Юность)», 1920—1953 годы.

2. Роман второй. «Отравленная жизнь (Исповедь узника искалеченного брака)», 1954—1990 годы.

3. Роман третий. «Историческая ловушка (Заложники. Прорыв. Бегство)», 1990—1991 годы.

4. Роман четвёртый. «Вдали от Родины (Тяжелейшая иммиграция в Канаду)», 1992—2005 годы.

5. Роман пятый. «Прощай, отравленная жизнь! (Сильнейшее потрясение. Путь к свободе)», 2005—2014 годы.

Свой шестой (заключительный) роман «Здравствуй, новая жизнь! (Проза жизни. Поэзия любви)» я посвятил своей второй жене Алле Сергеевне Мелихановой (в девичестве Будниковой).

Мои романы написаны под моим литературным псевдонимом – Владлен Анжело. Владлен – имя, данное мне при рождении (в честь В. И. Ленина). Анжело – девичья фамилия моей покойной мамы... Мои подлинные имя и фамилия – Владимир Зусман.

* * *

За период с октября 1992 года по март 2012 года мною были опубликованы в русскоязычной прессе Канады десятки историко-публицистических статей, рассказов и повесть «Отец Русской революции». Эта повесть печаталась

в 1999 году в Торонто, в газете «Янг стрит ревью», в двенадцати номерах. Спустя двенадцать лет, в апреле 2011 года, я начал писать трилогию с аналогичным названием.

В конце июня 2019 года эта трилогия будет опубликована в издательстве «Ридеро», в Санкт-Петербурге.

* * *

Я признателен моей жене Алле Сергеевне за её чуткое понимание состояния моей души, а также за её замечательный подарок к моему 90-летию: современный компьютер!

Я также благодарен младшему сыну моей жены Станиславу Львовичу Мелиханову за его наставничество в деле освоения компьютера, а также за его инициативу и посредничество в публикации моих литературных произведений в издательстве «Ридеро».

Пролог

Идея написания книги о собственной жизни возникла в ночь с 8 на 9 апреля 1994 года. Вот как это произошло.

...Весна 1994 года. Город Монреаль. Минуло более двух лет с того дня, как я и моя жена подали прошение о предоставлении нам статуса беженцев. На конец апреля 1994 года был назначен Иммиграционный суд... Я находился тогда в состоянии тяжелейшей депрессии...

Именно в то время в моей толстой тетради, в которой собрано свыше... ста стихотворений и поэм, появились следующие стихотворные строки:

Часто среди ночи просыпаюсь.
Знаю: мне теперь уж не уснуть...
Долго я ворочаюсь и маюсь,
И пытаюсь веки я сомкнуть,
Но не спится: думаю о маме,
О её трагической Судьбе...
Пласт десятилетий между нами...
Боль, печаль соседствуют во мне...

Приближалось 9 апреля – день моего 65-летия. На душе было беспокойно, тревожно...

В полночь с 8 на 9 апреля я поднялся с постели и, достав из тумбочки фотографии моей покойной мамы, стал их вни-

мательно рассматривать. Из глаз полились слёзы...

Во мне пробудилось неодолимое желание обратиться к маме, написать ей письмо. Вот что я написал:

«Дорогая моя мамочка! Я, твой сын Владик, впервые в своей жизни обращаюсь к тебе.

Эти строки я пишу в знаменательный для нас обоих день – 9 апреля. Ровно 65 лет тому назад ты дала мне жизнь. Всего полтора года ты меня растила, а потом тебя не стало... Каждый раз, когда я думаю о тебе, меня охватывает невыразимое горе... До сих пор я никак не могу смириться с тем, что ты совсем ещё юной ушла из жизни...

В последнее время я особенно часто думаю о тебе. Мамочка! Дорогой ты мой человек! Как мне донести до тебя мою пламенную любовь к тебе?! Как мне высказать свои горечь и сострадание? Страшно подумать: я прожил почти три твоих жизни...

Я смотрю на единственный снимок, где мы с тобой вдвоём сфотографированы. Ты держишь меня, трёхмесячного малыша, крепко прижав к себе. Эта единственная фотография стала первой в моей жизни и последней – в твоей жизни...

Дорогая моя мамочка! Я безмерно тебя люблю! Я горжусь тобой! В тяжелейшее для тебя время ты, собрав последние силы, вырвалась из неприятного и враждебного к тебе окружения...

Я восхищаюсь твоим мужеством! Я преклоняюсь перед тобой! До конца дней моих твой образ высокой нравствен-

ной чистоты всегда будет жить в моей душе! Ты стала моей путеводной звёздочкой, утешительницей моей истерзанной души, целительницей моего израненного сердца... Сегодня, в день моего рождения, я отмечаю День Памяти твоей – день Великой Скорби и неизбывного горя...

Сегодня я оплакиваю ужасную трагедию твоей короткой жизни. Одновременно я оплакиваю и свою собственную жизнь, которая оказалась сломанной, отравленной, а судьба – искалеченной...

Пройдёт ещё несколько лет, и я тоже уйду из жизни... Но сейчас, как никогда ранее, я испытываю неодолимое желание рассказать о своей несчастливой жизни, о том, как были прожиты шесть с половиной десятилетий. Я решил написать книгу – Исповедь, которую я посвящу тебе.

Сегодня, в день моего 65-летия, я поднимаюсь с колен, чтобы оставшиеся мне годы жизни прожить с вечной любовью к тебе. Вся жизнь я жил с мыслью: у меня БЫЛА мама. Сегодня я говорю: у меня ЕСТЬ мама!

Дорогая моя мамочка! Я слишком поздно пришёл к тебе... Одно меня утешает: в своей долгой жизни я не совершил ни одного преступления, за которое мне бы пришлось краснеть перед тобой. Совесть моя чиста! Я не чувствую за собой никакой вины!

К величайшему сожалению, я не смог распорядиться собственной жизнью так, как мне бы этого хотелось... Я не знал жизни, не было тебя рядом со мной, и поэтому я совершил

величайшую ошибку, связанную с выбором спутницы жизни... За эту роковую ошибку мне пришлось расплатиться собственной жизнью...

Если бы мне пришлось начать жизнь снова, я бы прожил совсем другую жизнь, более счастливую... Но в любом случае я бы никогда не был полностью счастлив, так как с младенчества я был лишён твоей ласки, твоей заботы, твоей материнской любви...

Не так давно я придумал сказку о СТРАНЕ ВЕЧНОСТИ, где ты сейчас живёшь и куда со временем я тоже приду. Я мысленно представил себе, как ты встретишь меня на пороге своей обители, как я, пав на колени, буду целовать твои руки, а ты будешь гладить мою седую голову...

Сегодня для меня начался последний, завершающий этап моей жизни, и каждый день будет прожит с мыслью о тебе! Сегодня – день нашего с тобой духовного единения. От тебя я унаследовал чувство гордости и человеческого достоинства. Я благодарю тебя за то, что ты дала мне жизнь.

Твой образ высокой нравственной чистоты – источник моих духовных сил. Он стал для меня той опорой, в которой я особенно нуждаюсь. Я заверяю тебя, моя любимая мамочка, что до конца дней моих буду свято чтить память о тебе. Я люблю тебя, моя милая мамочка! Я отныне навек с тобой! До скорой встречи в СТРАНЕ ВЕЧНОСТИ! Твой сын Владик.

9 апреля 1994 года. Город Монреаль».

Глава 1. Трагедия родителей мамы

...Март 1920 года. Гражданская война в России близится к завершению. Части доблестной Красной Армии, созданной её вождём Львом Давидовичем Троцким (Бронштейном), нанесли сокрушительный удар по белогвардейским полчищам добровольческой армии генерала Деникина. Эта армия перестала существовать, а её командующий Деникин и начальник штаба генерал Романовский с позором бежали из Новороссийска на миноносце «Капитан Сакен». Остатки разгромленной армии устремились в Крым, сея на своём пути смерть, грабя, насилуя, убивая...

Тысячи жителей Крымского полуострова бежали, спасаясь от белогвардейских бандитов. В их числе был Яков Анжело, его жена и шестеро маленьких детей, нашедших убежище в городе Батуми.

В ноябре 1920 года войска Южного фронта под командованием М. В. Фрунзе, прорвав оборону войск Врангеля на Перекопском перешейке, ворвались в Крым. В конце ноября 1920 года Красная Армия полностью очистила полуостров от белогвардейских полчищ.

Беженцы стали возвращаться к покинутым очагам. Яков Анжело с женой решили поехать без детей, чтобы подготовить жильё. Корабль, на котором они плыли по Чёрному морю, близ города Феодосия потерпел крушение... Экипаж па-

рохода и все пассажиры погибли... Вот так, в одночасье, шестеро детей супругов Анжело стали сиротами... Самой старшей из них была 12-летняя Рая (моя будущая мама). Самым младшим был двухлетний Савва.

Трагедия произошла в конце декабря 1920 года, когда в стране свирепствовал голод, а хаос и разруха – последствия Гражданской войны – достигли своего апогея... Определённые в детский дом дети-сироты выжили чудом. И если они не погибли, то немалая заслуга в этом принадлежала моей будущей маме. Она стала утешительницей их обездоленных душ...

Шли годы, и настало время, когда моя будущая мама, а также её сёстры Маша и Рита должны были распрощаться с приютившим их детским домом. По настоятельной просьбе старших сестёр из детдома были отпущены младшие дети – Катя, Полина и Савва.

Вот так образовалась необычная семья из бывших воспитанников детского дома, поселившаяся в одной из коммуналок города Батуми. Старшие сёстры, получив в детдоме специальности портних, были устроены на работу. Младшие дети стали посещать школу.

Глава 2. Замужество мамы

Моя мама очень любила свою профессию. Превратить кусок материала в нарядное, модное платье доставляло ей огромное удовлетворение. После работы мама торопилась домой, где её ждала масса других дел.

Дети безмерно любили свою старшую сестру, называя её ласковым именем «Раюся». Авторитет мамы был незыблем. Она была отважным капитаном их маленького кораблика, несущегося по бурным волнам безбрежного океана, имя которого – жизнь!

Любовь сестёр и маленького брата, ответственность за их жизнь и судьбу возвышали маму, пробуждая в ней чувство собственного достоинства.

Мама стойко преодолевала выпавшие на её долю трудности и невзгоды и ощущала себя Личностью. На своём сравнительно небольшом жизненном опыте она познала Великую Истину: неважно – кем быть! Важно – каким быть! Поэтому малозаметная профессия портнихи не огорчала её. Высокая, стройная, элегантная, мама отличалась необыкновенной красотой и редкостным обаянием.

* * *

Летом 1927 года, когда маме было девятнадцать лет, она познакомилась с молодым человеком по имени Борис, 24-

летним военнoслужашим Батумского гарнизона. Молодые люди полюбили друг друга. Весной 1928 года Борис, мой будущий отец, предложил моей маме стать его женой и уехать с ним на его родину, в город Новгород-Северский Черниговской области, расположенный на северо-востоке Украины.

Однако маме трудно было решиться на этот шаг: за многие годы она так сроднилась со своими сёстрами и братом, что совершенно не представляла себе, как она может разлучиться с ними. Вместе с тем она хорошо понимала: каждый из детей со временем начнёт самостоятельную жизнь. Однако расстаться с самым младшим, десятилетним Саввой, для мамы было совершенно невысказимо: после трагической гибели родителей в результате кораблекрушения она, по сути, стала для Саввы второй мамой...

«Проблема Саввы» в конце концов была решена: мой будущий отец согласился, чтобы с мамой поехал её брат.

В июне 1928 года мои будущие родители поженились и вместе с Саввой покинули Батуми.

Я хорошо представляю себе, как мама была безмерно счастлива на пороге новой жизни, как её сердце переполнялось радостью. Она искренне верила: её избранник станет верным и надёжным другом на всю жизнь!

Однако, к величайшему сожалению, её надежды не оправдались, и это обстоятельство сыграло трагическую роль в её жизни...

Глава 3. Трагедия мамы

На новом месте мама столкнулась с целым рядом непредвиденных проблем... Первым «камнем преткновения» стал Савва. Многочисленная родня отца была шокирована: мой будущий отец взял себе в жёны девушку с «приданым» (лишним ртом)...

Другой причиной неприязненного отношения к маме со стороны родни отца было её... нееврейство! Моя мама действительно не имела никакого отношения к еврейству. Отец мамы Яков Анжело был итальянцем, а мать – крымской татаркой. В семье родителей мамы говорили на итальянском языке. Однако в детском доме всех детей записали русскими. Работники детдома полагали: с такой национальностью у детей-сирот в будущем не будет никаких проблем.

У евреев к смешанным бракам было особое отношение. И дело не только в различии между христианством и иудаизмом. Главное, на мой взгляд, состояло в том, что в апреле 1881 года началась ужасная, полная жестокого драматизма эпоха еврейских погромов... О причинах этих погромов я расскажу в специальном приложении к данному роману. А пока ограничусь следующими данными. За период с апреля 1881 по март 1917 года в царской России было истреблено свыше... ста тысяч евреев.

После Октябрьского переворота 1917 года вспыхнула

Гражданская война... Белая армия генерала Деникина, пытавшаяся свергнуть большевистский режим, отличалась невероятными зверствами... Число убитых евреев превзошло... четверть миллиона человек! Столько же погибло от голода и болезней... Те евреи, кто остался в живых, были доведены до нищеты...

Евреи не принадлежали ни к классу рабочих, ни к крестьянам. Подавляющее большинство русских евреев были представителями среднего класса и мелкими торговцами – частью той буржуазии, против которой была направлена большевистская революция...

* * *

Поскольку моя мама на идиш не знала ни одного слова, родня отца воспринимала маму как «гойку», то есть нееврейку...

Вскоре после приезда отец устроился на работу в лесосплавную контору мелким служащим с нищенским окладом. Со своими несколькими классами образования на большее он не мог рассчитывать... Специальности у него не было... С 12-летнего возраста он работал по найму у богатых приказчиков.

После Октябрьского переворота 1917 года все евреи России были причислены к буржуазным элементам. Чтобы смыть это позорное клеймо, мой отец в 1925 году ушёл добровольцем в Красную Армию, прослужив три года в Батуми.

Мама, покидая Батуми, взяла с собой свою швейную машину. Она искренне надеялась работать по своей специальности. Однако её надежды не оправдались: в условиях послевоенной разрухи, отсутствия материалов местные портнихи были не у дел... Советская власть сосредоточила усилия многонациональной страны на сооружении предприятий тяжёлой индустрии. Лёгкая и пищевая промышленность были в загоне...

* * *

В условиях жестокой материальной нужды отец впал в депрессию... Нехватка денег, словно коррозия, разъедала души родителей, отражаясь на их отношениях между собой...

Резко ухудшились отношения отца с Саввой, который совсем отбился от рук, грубил отцу, убегал из дому. Отец, по-видимому, также вёл себя далеко не лучшим образом...

Маме было мучительно больно видеть, как два бесконечно близких ей человека испытывают друг к другу жгучую ненависть...

С наступлением зимних холодов мама почувствовала себя неважно... Выросшая на юге, она не могла никак привыкнуть к суровому климату северо-восточной Украины. У мамы не было соответствующей тёплой одежды. Жильё насквозь продувалось холодными ветрами... Отапливать жильё приходилось дровами. Воду надо было носить из колонки, находившейся в нескольких десятках метров от дома.

Вырванная из привычной среды, разлучённая со своими сёстрами, утратив свой социальный статус работницы, мама очень страдала ещё и от вторгавшейся в их квартиру одной из сестёр отца – Анны, великовозрастной «девушки на выданье», отличавшейся крайне агрессивным характером и неуравновешенной психикой...

Вот в таких крайне неблагоприятных условиях 9 апреля 1929 года я появился на свет... По инициативе мамы меня назвали Владиком (Владленом), в честь Ленина, который также родился в апреле месяце. Должен заметить: в тот период была мания называть детей «правильными» именами: Октябрина, Сталина и т. д.

* * *

Однако для мамы радость материнства была отравлена не только жестокой материальной нуждой, но и сильнейшими нервными переживаниями. Мой отец палец о палец не ударил, чтобы оградить мою маму от нападков его буйной, психически неуравновешенной сестрицы Анны...

Жестокое разочарование в человеке, которому мама вверила свою жизнь, свою судьбу, тяжелейшие нервные переживания, осознание величайшей роковой ошибки в выборе спутника жизни – всё это явилось причиной тяжелейшего коварного заболевания, диабета, который в то время именовался сахарной болезнью. Спустя два с лишним десятилетия, будучи студентом пятого курса Московского энергетическо-

го института, я прочитал следующее: «Сильные нервные переживания препятствуют расщеплению сахара и образованию инсулина. Избыточное накопление сахара в крови приводит в конце концов к смертельному исходу...»

Нервные переживания мамы, когда формировалась моя нервная система, отразились на мне: моя психика оказалась хрупкой, ранимой, неустойчивой... Забегая вперёд, скажу: моя психика не держала удара, о чём я, став взрослым человеком, даже не подозревал... Я был не в состоянии адекватно реагировать на внешние негативные психологические воздействия...

* * *

Моя мама чувствовала себя всё хуже и хуже... Её истерзанную душу пронизывала мысль о тяжелейшей, роковой ошибке – замужестве, не оправдавшем её надежд... Вскоре она испытала страшный удар, узнав о супружеской измене моего отца...

В лесосплавной конторе, куда поступил на работу мой отец, секретарём-машинисткой трудилась некая Ида Добрушина, еврейка... Она была на несколько лет старше моего отца. Единственная дочь состоятельных родителей, она приехала в Новгород-Северский из небольшого еврейского местечка, преследуя «стратегическую цель»: выйти замуж за какого-либо еврейского парня. Полноватая, рыжеволосая, в пенсне, она никак не могла найти спутника жизни... Мест-

ные еврейские парни (в условиях краха религиозных традиций) предпочитали иметь дело с симпатичными украинскими гойками, то есть нееврейками.

Шли годы, но Ида Борисовна продолжала оставаться одинокой... Она перешагнула 30-летний рубеж... Ей светила перспектива остаться старой девой...

Когда в лесосплавной конторе стал работать мой отец, Ида сразу положила глаз на него... Страстное желание родить ребёнка (неприменно сына!) сводило Иду с ума... Наконец Ида приняла окончательное решение: во что бы то ни стало вступить с моим отцом в интимную связь... Ида стала говорить моему отцу о том, что ему необходимо вступить в партию. Она специально приобрела в книжном магазине устав и программу ВКП (б). Она предложила отцу зайти к ней домой и взять эти материалы. Естественно, она заранее приобрела разнообразные угощения и спиртные напитки... И когда мой папаша захмелел, она сумела добиться поставленной цели... Эта цель была достигнута...

Вскоре худая молва докатилась до мамы... Мама была потрясена до глубины души... Это случилось в середине августа 1930 года. Собрав остаток своих сил, она порвала всякие отношения с моим отцом... Взяв свои вещи, включая швейную машину, взяв меня, она в сопровождении Саввы навсегда покинула Новгород-Северский, ставший для неё местом величайшего горя и неисчислимых страданий...

Когда спустя трое суток долгого и утомительного пути

моя мама, измождённая и истерзанная, больная и духовно сломленная, появилась на пороге комнаты своих сестёр, они были потрясены до глубины души и оказались в состоянии тяжелейшего шока...

Примерно два года тому назад они провожали свою старшую сестру, свою любимую Раюсю – цветущую молодую женщину, полную сил и энергии, уверенную в себе... И вот теперь перед ними стоял совершенно другой человек – измученная, больная женщина с израненным сердцем и искалеченной душой, еле стоявшая на ногах...

Всего два месяца судьба отпустила маме прожить в Бату-ми. Она тут же была помещена в больницу, однако врачи были бессильны спасти её... 19 октября 1930 года моя мама умерла... Ей было всего... двадцать два года! На следующий день, 20 октября 1930 года, мама была похоронена на городском кладбище... Вот так моя мама заплатила собственной жизнью за роковую ошибку, связанную с замужеством...

Послесловие

Грядущее нам не дано распознавать...

Благими намерениями вымощена дорога в ад...

Размышляя о полной жестокого драматизма и трагической судьбе моей мамы, я неизменно спрашиваю себя: могла ли мама избежать трагической участи? Да, мама могла избежать своей участи, если бы она осознала: её малолет-

ний брат Савва является «миной замедленного действия»! Вполне возможно: ситуация, возникшая в семье моих родителей, вызвала у Саввы неосознанный протест, но Савва резко обострил и до того полные жестокого драматизма взаимоотношения между моими родителями... Исходя из вышесказанного, мама должна была отклонить предложение моего отца о своём замужестве! Я не исключаю варианта, когда мой отец, будь он квалифицированным специалистом, смог бы один материально обеспечить всю нашу семью. Но отец не имел специальности и поэтому вынужден был довольствоваться нищенской зарплатой, которую даже ему одному бы не хватало... Хотя, глядя на фото, где мама и отец засняты, этого не скажешь. Отец на переднем плане, в белой рубашке. На втором плане мама в центре, в белом платье с короткими рукавами. На левой руке часы, а выше локтя – браслет.

Но мама поставила лишь одно условие: с Саввой она не намерена расставаться! Отец скрепя сердце согласился... И это привело к трагедии...

Я смотрю на второй снимок. Мама приняла предложение отца. На вид маме можно дать не менее тридцати пяти лет. Она всё так же прекрасна, но на лице проступает озабоченность... Этот снимок она подарила своей старшей сестре Марии. На обратной стороне снимка надпись: «На память дорогой Манечке от Раи и Саввы». (В скобках замечу: этот и третий снимки я получил в подарок от тёти Марии, когда спустя

два с лишним десятилетия, окончив четвёртый курс электроэнергетического факультета МЭИ, я приехал в Батуми. Подробнее об этом я написал в главе 20 данного романа.)

И, наконец, третий вариант. Когда мама с моим отцом и Саввой приехали в Новгород-Северский и мама ощутила на себе враждебное отношение родителей отца, а также его психически неуравновешенной сестры Анны, которая вторгалась в квартиру родителей, мама должна была немедленно вместе с Саввой тут же возвратиться в Батуми! Я убеждён: мама осталась бы жива, а моя психика не была бы подвержена негативным воздействиям, когда я находился в утробном состоянии...

В заключение я хочу подчеркнуть следующее. Мама совершенно не знала, какая ситуация возникнет на родине отца. И тем не менее она ни в коем случае не должна была уезжать из Батуми! Она должна была внушить своему избраннику: здесь у неё её любимая работа. Это во-первых. А во-вторых, у мамы будет опора в лице 18-летней Марии, 16-летней Риты, 14-летней Кати и 12-летней Полины. Будет кому пелёнки стирать, в магазин сходить за продуктами питания и так далее.

А если её избранника влечёт в родные пенаты, то пусть едет! Один! Скатертью дорога! Подобно древнегреческому герою Антею, который не должен был отрывать от земли, так и мама: она не должна была покидать Батуми!

Глава 4. Отравленное детство

*Позабыт, позаброшен
С молодых юных лет...
Я остался сиротою...
Счастья-доли мне нет...*

Приведённый мною эпитафия я позаимствовал из песни беспризорников, потерявших своих родителей в годы Гражданской войны в России, в 1918—1921 годах.

Когда моя мама ушла из жизни, мне было всего полтора года... По прибытии в Батуми я также был помещён в больницу. У меня диагностировали паховую грыжу... Необходима была срочная операция!

Мамины сёстры, испытавшие на себе трагическую гибель своих родителей в результате кораблекрушения на Чёрном море близ города Феодосия ровно десять лет тому назад, теперь снова ощутили горечь тяжелейшей утраты – трагическую кончину своей старшей сестры, незабвенной Раюси...

Они были абсолютно убеждены: главным виновником случившейся трагедии был мой отец! Они возненавидели его лютой ненавистью! Тем не менее им пришлось связаться с ним. Известив его о трагической гибели моей мамы, они также сообщили ему о том, что я нахожусь в больнице и мне предстоит достаточно сложная операция. Однако проведение этой операции возможно лишь при наличии письменно-

го согласия ближайших родственников. Поэтому моему отцу надлежит незамедлительно прибыть в Батуми и дать своё согласие. А главное – мой отец должен забрать меня.

Единственным человеком, который проникся сочувствием и состраданием ко мне, была мамина сестра, тётя Мария. Спустя год после отъезда мамы и Саввы в Новгород-Северский она последовала примеру мамы и вышла замуж за некоего Александра. Весной 1930 года тётя Мария родила девочку, которую назвали Лидией.

Когда случилась трагедия и я осиротел, тётя Мария обратилась к своему мужу, чтобы взять меня на воспитание. «У ребёнка есть отец», – жёстко отреагировал её муж... Забегая вперёд, добавлю: в 1937 году тётя Мария родила вторую дочь, Людмилу. Вскоре после этого Александр бросил семью... Больше тётя Мария замуж не выходила...

* * *

Для моего отца скоропостижная смерть мамы явилась полной неожиданностью... Порвав с моим отцом, мама ни разу не написала ему ни одного письма! Она даже не разведалась с ним... Ей было не до того...

Что касается моего папаши, то он проявил преступное равнодушие и к смертельно больной жене, и к своему единственному сыну...

После внезапного разрыва и скоропалительного отъезда мамы отец сразу же переселился к своей «подруге» Иде Доб-

рушиной, где была спокойная, умиротворяющая обстановка, которую не нарушал «возмутитель спокойствия» – 12-летний детдомовец Савва.

Получив телеграмму от маминых сестёр, он тут же выехал в Батуми. Перед отъездом у отца с Идой состоялся откровенный разговор. Ида внушила своему «возлюбленному»: она не намерена увольняться с работы и нянчить меня. Если она будет продолжать работать, то отец сможет материально обеспечить своих родителей. Этот аргумент был неотразим! Тем более что никто из остальных детей старикам не помогал... И ещё она попросила отца, чтобы он непременно взял справку о том, что моя мама умерла... В заключение хочу рассказать о следующем факте, о котором я узнал спустя... двадцать восемь лет! 5 декабря 1958 года единственная дочь Иды и моего отца, Виктория, выходила замуж за своего соплеменника, Аркадия Урецкого. И вот на этой свадьбе Ида в кругу женщин сообщила о том, что первый аборт она сделала в... 1930 году! Меня словно током ударило... Ида не собиралась быть разлучницей. Она лелеяла мечту: родить сына!

Когда отец получил телеграмму от маминых сестёр о случившейся трагедии, Ида хладнокровно пошла на аборт! И так продолжалось в течение... трёх лет! И только когда мой отец, став членом ВКП (б), занял должность заведующего отделом горторга, тогда она решила родить ребёнка. Она даже заранее придумала ему имя – Виктор! Когда же вме-

сто сына она родила дочь, её назвали Викторией. С детства её называли... Витя! Когда я стал подростком, я звал свою сводную сестру не Витей, а Витой, хотя правильнее её следовало называть Викой.

* * *

Но вернёмся к прерванному повествованию. По прибытии отца в Батуми он дал своё письменное согласие на проведение этой операции. Перед этим меня сфотографировали... Мало ли что могло случиться... К сожалению, этот фотоснимок не сохранился. Но я очень хорошо его помню. Жалкий, несчастный малыш в больничной пижаме стоит на стуле, ухватившись своими ручонками за спинку стула. На жалком личике – печать страданий...

Операция прошла успешно, и спустя некоторое время отец увёз меня из Батуми. Через трое суток долгого и утомительного пути мы в конце концов добрались до Новгорода-Северского. Перед отъездом из Батуми мамины сёстры уговорили отца взять два больших чемодана маминых платьев. Они полагали: эти платья сможет использовать моя ма-чеха.

Отец мне потом рассказывал, что эти чемоданы кто-то украд, когда он, оставив меня на попечении одной попутчицы, вышел на промежуточной станции купить еду. Однако теперь, спустя десятилетия, я абсолютно убеждён: отец просто оставил эти чемоданы в поезде, поскольку мамины пла-

тъя напоминали бы отцу о случившейся трагедии...

* * *

В Новгород-Северский поезда в ту пору не ходили. Ближайшей железнодорожной станцией была Пироговка – тупиковая станция, к которой была проложена железнодорожная линия от станции Терещинская, находившейся на магистрали Киев – Москва.

В Пироговку поезда приходили три раза в сутки – утром, днём и вечером. Это были так называемые рабочие поезда местного значения. Каждый раз к прибытию поезда в Пироговку из Новгорода-Северского приезжали извозчики на санях (зимой) или на бричках (летом).

Отец мне потом рассказывал: когда он вышел из вагона, держа меня на руках, тут же к нему подбежал знакомый извозчик с тулупом в руках. Меня завернули в этот тулуп и, уложив меня в сани, повезли по льду через реку Десну в Новгород-Северский, расположенный в двенадцати километрах от Пироговки.

Когда мы въехали в город, отец уточнил: нам надо ехать к дому родителей отца... Я не сомневаюсь в том, что вопрос о моём «местожительстве» был решён ещё до поездки отца в Батуми: я должен жить в семье родителей отца...

Выше я уже писал о том, что Ида убедила отца поселить меня к его родителям... После того как отец и Ида легально сошлись, Ида сразу взяла бразды правления в свои ру-

ки. Безусловно, ей очень хотелось иметь собственного ребёнка. Но будучи женщиной волевой, проницательной, она хорошо понимала: чтобы семья была прочной, она не должна испытывать материальных трудностей. Во-первых, будучи единственной дочерью своих родителей, она должна была оказывать им материальную помощь. Во-вторых, отец должен был также оказывать своим родителям аналогичную помощь. А главное – у Иды не было совершенно никакого желания растить чуждого ей малыша...

* * *

Несомненно, накануне своей поездки в Батуми отец побывал у своих родителей. Сообщив им о случившейся трагедии – кончине моей мамы, он разъяснил им: его новая «подруга жизни» Ида не может уволняться с работы. Только если он и Ида будут работать, родители смогут получать от него материальную помощь. Таким образом мой отец вынудил своих родителей согласиться с тем, что они будут «опекать» меня...

Кто были родители отца? Дедушке, Файвусу Гершевичу (Григорьевичу), в конце 1930 года было шестьдесят лет. Бабушка Двойра (Вера) Абрамовна была на три года моложе. На попечении бабушки находилась её мать – женщина преклонного возраста, которой было за восемьдесят... Она уже не вставала и, фигурально выражаясь, была прикована к постели...

Вот в такой семье я оказался в канун 1931 года... Дедушка с бабушкой были далеко не в восторге от такого «новогоднего подарка»... Но, к сожалению, у них не было другого выхода... Они влачили жалкое существование, жили в нищете, не получая никакой пенсии... Элементарное выживание стало жгучей и мучительной проблемой их беспросветного бытия...

Они жили в небольшом деревянном домишке с печным отоплением. Элементарные удобства: электрическое освещение, водопровод, канализация – отсутствовали... Рядом с домом был огород. Единственным «богатством» родителей отца была... коза!

Бабушка была женщиной суровой, неласковой... Дав жизнь семерым детям, она двоих сыновей похоронила... Моисей скончался вскоре после рождения: из-за неудачно сделанного обрезания произошло заражение крови... Соломон скончался в 12-летнем возрасте из-за крупозного воспаления лёгких... Выжили пятеро детей: Сара – Ципора (Циля) 1898 года рождения, Хана (Анна) 1900 года, Барух (Борис) 1903 года, Гирш (Григорий) 1908 года, Авраам, 1911 года.

За исключением моего отца, помогавшего своим родителям, остальные дети жили своей жизнью, и никакой помощи от них дедушка с бабушкой не получали...

К моменту моего прибытия в Новгород-Северский «чада» разлетелись из родительского «гнезда»...

Сара – Ципора и её муж Арон уехали в город Путивль

Сумской области и устроились простыми рабочими для «перековки» в рабочем коллективе и приобретения «пролетарского самосознания». Анна незадолго до моего прибытия из Батуми вышла замуж за своего соплеменника Давида и уехала с ним в город Великие Луки. Григорий ушёл добровольцем в армию, Авраам поступил на рабфак Харьковского юридического института. Так что мой отец, обосновавшийся в Новгороде-Северском, был единственной опорой своих родителей, и в этой ситуации они скрепя сердце просто вынуждены были согласиться, чтобы я – их единственный внук – стал членом их семьи...

* * *

Между тем состояние моего здоровья оставляло желать лучшего... После перенесённой операции – удаления паховой грыжи – я очень ослабел... Моё тело было покрыто фурункулами... Дедушка сразу же взял на себя обязанности няньки. Он варил мне манную кашу на печке-буржуйке, смазывал нарывы вазелином...

Дедушка был человеком набожным. Утром и вечером, облачаясь в талес (покрывало оранжевого цвета с чёрными полосами), прикрепив маленькие кожаные коробочки (тфилин) на темя и обнажённую руку, надев на голову чёрную шапочку (ермолку), дедушка раскрывал свои толстые молитвенные книги и, покачиваясь вперёд и назад, произносил: «Барух, Ата, Адонай, Элогейну, Мелех Гаолам, Ашер

Кидшану Бемицвотав, Вецивану Легадлик Нер Шель Шабат!» (Благословен ты, Господь, Бог Наш, Владыка Вселенной, освятивший нас своими заповедями и повелевший нам зажигать субботние свечи!)

Бабушка перед началом молитвы всегда уходила в другую комнату, а я, забравшись в угол, слушал голос дедушки, когда он «общался» с Богом. И столько в его голосе было безысходной тоски и жгучей печали, что мне было не по себе... Я сидел в уголке в оцепенении, боясь пошелохнуться, слушая незнакомые мне слова молитвы... Во время молитвы дедушка, отрешённый от забот повседневной жизни, преображался, восходя к высотам человеческого духа...

В остальное время дедушка занимался всевозможными делами. Когда бабушка пыталась

указать ему, как что-либо надо сделать, он резко отвечал: «Кук аф фартыке!» В переводе на русский язык это означает: «Смотри на готовое!» Но иногда дедушка переходил рамки нормативной лексики... До сих пор в моей памяти звучит хлёсткая, «солёная» фраза: «Кус мир ин майн тохес арайн!» Вот на таких «перлах» я воспитывался... Между собой старики говорили на идиш, так что я в совершенстве овладел этим языком. (В скобках хочу заметить: идиш – это один из диалектов немецкого языка, поскольку иврит был утрачен...)

Вообще, детские годы, проведённые в семье родителей моего отца, были безрадостными, тоскливыми... Да и что

можно требовать от стариков, выросших в условиях еврейских погромов... Дедушка родился в 1870 году, а бабушка была на три года моложе. Дедушка учился в религиозной школе (хедере), где изучал иврит. По-русски он не мог ни читать, ни писать. Всю свою трудовую жизнь работал на скотобойне рубщиком мяса. Бабушка имела маленькую лавчонку. На идиш это называется «ятка». До 1924 года дедушка трудился благодаря нэпу. Когда нэп упразднили, дедушка остался без работы... Старики целиком и полностью зависели от отца...

У меня никогда не было детских игрушек. По вечерам мне никто не рассказывал сказки, не читал детские книжки. Мой мир был ограничен убожеством, нищетой, общением с двумя старыми людьми, которые с детства росли в ужасных условиях непрекращавшихся еврейских погромов...

Мой отец меня в упор не замечал... Время от времени он заходил к своим родителям, приносил им деньги, общаясь с ними на идиш. Но я не помню ни одного случая (!), чтобы он подошёл ко мне, взял на руки, приласкал, поцеловал... И это понятно: ведь я служил напоминанием ему о случившейся трагедии – преждевременном уходе из жизни моей мамы... И прямым виновником этой трагедии был мой отец... Именно он в первую очередь должен был предложить моей маме незамедлительно вернуться в Батуми!.. Но, к несчастью, он этого не сделал!.. В этом отношении моя прабабушка была более человеческой. Отгороженная занавеской,

она не вставала... Когда я подходил к её кровати, она своей иссохшей, костлявой рукой гладила мою стриженую голову... Она, несомненно, знала мою, полную жестокого драматизма, печальную историю...

* * *

Летом меня выпускали во двор. Ребята (в основном они были старше меня) знали о том, что у меня нет мамы... Они никогда меня не обижали. В их детских душах рождалось искреннее сочувствие к моей обездоленной жизни... До сих пор я помню один случай. Одному из подростков купили велосипед. Этот паренёк решил меня покатать. Подхватив меня подмышки, он усадил меня на жёсткую раму, велел мне держаться за руль. Когда паренёк, вскочив на велосипед, быстро работая педалями, понёсся с большой скоростью по улице, мне стало страшно... Боясь упасть, я крепко ухватился своими ручонками за руль велосипеда. Быстрая езда на жёсткой раме велосипеда обернулась не удовольствием, а мучительным страхом...

В это время на улице показался мой отец, направлявшийся к дому своих родителей. Парнишка притормозил и, соскочив с велосипеда, с гордостью сказал моему отцу: «Дядя Боря, а мы вашего Вову катаем». Мой отец, даже не взглянув на меня, ответил мальчику: «Молодец!» – и зашагал к дому своих родителей...

Убийственное равнодушие моего отца запечатлелось

в моей памяти на всю жизнь!..

Однако самым ужасным в моей жизни была врождённая психопатия... Дело в том, что я, находясь в эмбриональном положении, испытывал все негативные эмоции, которым подвергалась моя покойная мама... И это в конечном итоге сыграло роковую роль в моей жизни... Моя жизнь оказалась отравленной... Об этом я написал в своём втором автобиографическом романе «Отравленная жизнь (Исповедь узника искалеченного брака)».

Я рос нервным и болезненным ребёнком, отставая от своих сверстников как в умственном, так и в физическом развитии. Если мне не давали то, что я хотел, я требовал: «Деда, дай!» В конце концов, утратив всякое самообладание, я с криком бросался на пол, повторяя в исступлении одну и ту же фразу...

А вот ещё один случай из моего отравленного детства. Однажды после того, как я выпил за завтраком чашку чая, я попросил налить мне ещё одну чашку. Однако дед с бабушкой никак на это не реагировали... Я плакал, кричал, но – никакого результата... В это время в комнату вошла тётя Циля, старшая сестра отца, приехавшая с мужем из города Путивля Сумской области. «В чём дело? – спросила она, обращаясь к своим родителям. – Почему ребёнок плачет?» Бабушка ей объяснила: одну чашку чая я выпил и требую ещё одну чашку чая. Тётя Циля была возмущена до глубины души... «Как вам не стыдно?! – вскричала она. – Почему вы изде-

ваетесь над ребёнком?!» Она тут же налила мне чашку чая с сахаром и, усадив меня к себе на колени, ласково сказала, утешая меня: «Пей, Вовочка, пей». Я тут же успокоился.

Хочу обратить внимание на следующий факт. Когда мой отец привёз меня из Батуми, он сказал всем, чтобы меня звали Вовой. Имя, данное мне мамой, записанное в свидетельстве о рождении, было им отменено. Даже в этом случае мой отец проявил преступное равнодушие к памяти моей мамы... Он никогда не рассказывал мне о ней, не говоря уже о том, чтобы съездить в Батуми и побывать на кладбище, где она была похоронена... Лишь спустя два с лишним десятилетия, после окончания четвёртого курса МЭИ, в конце июня 1952 года я поехал в Батуми. Об этой поездке я написал в данном романе, в главе 20.

* * *

Живя у родителей отца, я твёрдо усвоил: все люди делятся на две группы – евреи (идун) и неевреи (гоим). Я насквозь был пропитан еврейским духом. Мой слух ласкали названия еврейских девочки и мальчика на идиш: мейделе, ингеле. А названия «гойских» девочки и мальчика – шикса, шейгец – вызывали неосознанное чувство неприятия, враждебности (из-за наличия в этих словах шипящих звуков).

Впоследствии, когда я стал подростком, я твёрдо решил: в будущем моей женой будет непременно девушка из еврейской семьи. Это своё намерение я действительно выпол-

нил. Однако, к величайшему сожалению, брак на еврейке не принёс мне счастья... Моя супружеская жизнь, длившаяся свыше... пятидесяти пяти лет (!), оказалась... отравленной! Именно это, полное жестокого драматизма обстоятельство, дало мне основание назвать свой второй автобиографический роман «Отравленная жизнь»...

Лишь в преклонном возрасте (восемьдесят два года) я познакомился с замечательной русской женщиной – Аллой Сергеевной, с которой я познал подлинное счастье большой любви!

* * *

Чтобы завершить еврейскую тему, хочу рассказать о нижеследующем. Уже будучи человеком пенсионного возраста, оказавшись в Канаде, я узнал: по древнееврейскому закону Галахи, принятому свыше... двух тысяч лет тому назад (!), я евреем не считаюсь!.. Этот закон гласит: «Евреем считается каждый, рождённый женщиной-еврейкой»! Моя покойная мама никакого отношения к еврейству не имела. В паспорте у неё значилась национальность «русская».

Кстати, Иисус Христос (по вышеуказанному закону) был евреем, поскольку его мать, Пресвятая Богородица дева Мария была чистокровной еврейкой, а её муж Иосиф был для Иисуса отчимом.

* * *

В раннем детстве я был капризным ребёнком. К величайшему сожалению, никто из взрослых не воспринимал мои капризы, истерики, плач как проявление крайне неустойчивой психики. Моя нервная система начала формироваться ещё тогда, когда я находился ещё во внутриутробном положении. Сильные нервные переживания моей покойной мамы, несомненно, отразились на мне... Вместо того чтобы обратиться к врачу, начать безотлагательно лечение, создать для меня спокойную обстановку, взрослые воспринимали все эти эксцессы как детские капризы, которые со временем пройдут. Никто из взрослых, и в первую очередь мой отец, не задумывался над тем, что я в конце концов могу стать шизофреником, которому место в... психиатрической больнице! И если этого, к счастью, не случилось, то причиной этому стали перемены, происшедшие в моей жизни. Однако тяжкое наследие – хрупкая, ранимая, неустойчивая психика – осталось... Навсегда! Именно это обстоятельство сыграло роковую роль в моей жизни... Уже в зрелые годы моя жизнь была искалечена, отравлена, сломана...

Глава 5. Новая жизнь

Не было счастья, да несчастье помогло.

В трёхлетнем возрасте я был отдан в детский сад. В первый же день я совершил... побег (!) из садика, напоролся на колючую проволоку, исцарапал до крови лицо и руки... Тем не менее на следующий день меня снова отвели в детский сад, и в дальнейшем я не нарушал дисциплину.

В детском саду я увидел впервые в своей жизни множество разнообразных игрушек: зайчиков, белочек, медвежат и т. д. Занятия лепкой из глины, рисование, маршировка под музыку, участие в праздничных утренниках, встречи Нового года у ёлки, украшенной блестящими игрушками, подарки, раздаваемые Дедом Морозом и Снегурочкой, – всё это стало для меня величайшим благом, лучом света в моей обездоленной, тоскливой жизни...

Детский сад стал для меня школой русского языка, русской культуры. На смену «еврейскому национализму» пришёл «пролетарский интернационализм». Постепенно я понял: в нашей большой стране, Советском Союзе, живут народы разных национальностей – русские и украинцы, белорусы и грузины, армяне и узбеки и т. д. Обычно на детских утренниках девочки и мальчики наряжались в национальные костюмы народов нашей страны. Вот только никогда не бы-

ло случая, чтобы дети надевали костюмы евреев... Вот так в моё детское сознание внедрилась мысль: еврейского народа вообще не существует...

Однако самые радикальные перемены в моей жизни были связаны с тётёй Цилей, у которой не было своих детей... Спустя много лет я случайно узнал о страшной трагедии, имевшей место в её жизни... Будучи ребёнком, тётя Циля до четырёх лет не ходила... Её родители проявили преступное равнодушие к своей дочери. Впоследствии, когда тётя Циля вышла замуж и должна была родить ребёнка, выяснилось: из-за постоянного сидения на полу в детстве произошла деформация костей таза, и во время родов ребёнок не смог выйти наружу... Чтобы спасти жизнь тётю, хирурги вынуждены были... расчленить тело младенца (!) и вытащить по частям... Вторая беременность завершилась аналогичной трагедией... Кесарево сечение в те годы ещё не применялось... Можно себе представить состояние тётю Цилю и её мужа дяди Арона... Врачи вынесли строгий вердикт: тётя Циля не должна больше рожать детей! Поскольку в те годы противозачаточные средства были большой редкостью, тётю Цилю (при возникновении беременности) приходилось ложиться под нож хирурга...

Поэтому неудивительно, что тётя Циля прикипела ко мне. Ежедневно в конце дня она приходила в детский сад и, взяв меня, приводила к себе домой. У тётю с дядей была небольшая комната в коммунальной квартире. Тётя старалась по-

кормить меня чем-то вкусным, расспрашивала меня, как прошёл день в детском саду. А поздно вечером отводила меня к родителям отца.

Но однажды летом (в 1934 году) произошёл судьбоносный случай. Взяв меня, как обычно, из садика, тётя повела меня к себе домой. Уже по пути к её дому стал накрапывать дождь. Едва мы переступили порог её комнаты, как разразилась сильнейшая гроза. Ослепительные молнии сопровождались мощными раскатами грома. Обильные потоки воды хлынули на землю. В течение долгого времени бушевала стихия... О том, чтобы вести меня домой, к бабушке и дедушке, не могло быть и речи. Во время грозы я очень испугался...

Тётя обняла меня, приласкала, стараясь успокоить. По-видимому, она прониклась ко мне сочувствием и состраданием ещё тогда, когда она впервые увидела меня... Теперь она решила оставить меня ночевать у себя. Она согрела на примусе воду, искупала меня и, надев на меня чистую дядину рубашку, доходившую мне до пяток, уложила спать на кушетку, постелив чистые накрахмаленные простыни.

Когда я проснулся, было уже утро. В комнате никого не было. Через окно светило яркое летнее солнце. Я подошёл к окну. Лужицы во дворе, блестящие на солнце, напоминали о вчерашней грозе. Над окном у своих гнёзд щебетали ласточки. Благоухала сирень. Я вспомнил, как накануне тётя утешала, успокаивала меня. Тихая радость наполнила мою душу... Мне страстно захотелось остаться жить в этой

небольшой, уютной комнате, не разлучаться с тётёй...

Когда вскоре тётя вошла в комнату, я со всей решимостью, на которую был способен, воскликнул: «Я хочу у вас жить!» Этой короткой фразой я выразил своё самое сокровенное желание! Я предполагаю: тётя, возможно, и сама думала о том, чтобы взять меня на воспитание. Она переговорила со своим мужем, дядей Ароном, который с пониманием отнёсся к состоянию тётинной души... Он согласился. Осталось урегулировать этот вопрос с моим отцом.

Дядя Арон, работая продавцом в магазине, подчинялся моему отцу, занимавшему должность заведующего отделом Новгород-Северского горторга.

Когда дядя известил моего отца о моём сокровенном желании «сменить местожительство» и о согласии своём и тётинном приютить меня, отец совершенно не возражал! Ему, в сущности, было всё равно, где я буду жить... Главное – чтобы не в его семье...

Вот так, в пятилетнем возрасте, я обрёл новую семью! Ушла в небытие тяжелейшая пора моего отравленного детства... В моей жизни наступила светлая пора. В лице тётки Цили я обрёл ангела-хранителя, заменившего мне мою покойную маму... Хочу заметить: щадя самолюбие моего отца, тётя с дядей меня не усыновили. Но для меня, в сущности, это не имело никакого значения! Ушло в прошлое моё ужасное младенчество!..

Глава 6. Первые радости

*Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоёт!
Кто весел – тот смеётся,
Кто хочет – тот добьётся,
Кто ищет – тот всегда найдёт!*
(Слова песни из к/ф «Дети капитана Гранта»)

Всю нерастраченную материнскую энергию тётя обрушила на меня. Она водила меня к портнихам и заказала мне пошить новую одежду, добилась того, чтобы отец купил мне матросский костюм. В ту пору я переболел всеми детскими болезнями, и очень часто тётя на руках относила меня к врачу, когда я с высокой температурой сам не мог идти...

До войны (1941—1945 годы) я дважды болел малярией. Простудные заболевания стали постоянными спутниками моего детства...

В 1936 году, в семилетнем возрасте, после четырёхлетнего пребывания в детском саду, я поступил в среднюю школу. Прочувшись чуть более месяца, я был увезён тётей и отцом в Киев, где мне удалили гланды. По рекомендации профессора – хирурга, проводившего операцию, я был снова возвращён в детский сад. Следует заметить: до войны 1941—1945 годов в школу обычно принимали с 8-летнего возраста.

Спустя год, 1 сентября 1937 года, я снова пошёл в пер-

вый класс. Учился я посредственно, сидел на задней парте и в глазах моей первой учительницы Анастасии Ивановны Кузьменко приобрёл устойчивую репутацию отпетого троечника.

Ситуация кардинальным образом изменилась лишь в начале третьего класса благодаря удивительному случаю, сыгравшему величайшую роль в моей жизни. Расскажу об этом более подробно. В третьем классе у нас появился новый предмет – история СССР. Этот предмет меня заинтересовал, поэтому при изучении материала я не ограничивался заданным параграфом, а прочитывал гораздо больше. Моя природная любознательность способствовала этому. Однако на уроках я вёл себя пассивно, никогда не высовывался.

Когда учительница меня вызывала, я худо-бедно отвечал на поставленный вопрос. Как-то на уроке по истории СССР учительница задала вопрос, желая проверить, как ученики усвоили новый материал. Однако, к удивлению учительницы, ни один ученик не поднял руку, чтобы ответить на этот вопрос. Анастасия Ивановна была крайне удивлена. Её самолюбие было задето. Она снова повторила вопрос. В её голосе послышались металлические нотки. Ученики присмирели. Воцарилась мёртвая тишина... Упорное нежелание всех без исключения учеников отвечать вывело учительницу из душевного равновесия. Не справившись со своими эмоциями, она громко закричала: «Так что же, никто из вас не может ответить на этот вопрос?!» Этот дикий крик учительницы

нанёс сокрушительный удар по цепям, которыми было сковано моё сознание. Я вдруг понял: а ведь я знаю ответ на этот вопрос. И я поднял руку вверх. Учительница глазам своим не поверила: отпетый троечник вызвался ответить на вопрос, на который не смогли ответить её хвалёные отличники. Анастасия Ивановна вызвала меня, и я обстоятельно ответил на поставленный ею вопрос. Кузьменко была потрясена до глубины души... Невероятно! Непостижимо! В порыве благодарности она похвалила меня перед всем классом и поставила в классном журнале высшую оценку – «отлично»! Эта неожиданная похвала всколыхнула мою душу! В этот момент я постиг **ВЕЛИЧАЙШУЮ ИСТИНУ**: я могу быть не хуже других учеников. Я могу быть **ЛУЧШЕ** остальных детей нашего класса. **БЫТЬ ЛУЧШЕ ДРУГИХ!** Учиться только на отлично! Вот так, в 10-летнем возрасте, я сформулировал для себя программу на многие годы. Как это ни парадоксально, но этому девизу я продолжаю быть верным, будучи человеком преклонного возраста.

Именно тогда, в сентябре 1939 года, канул в небытие комплекс моей неполноценности, обусловленный трагическим уходом из жизни моей покойной мамы...

С той поры я изо всех сил взялся за учёбу. Я добивался при подготовке уроков абсолютного знания материала. Таким образом я тренировал свою память, развивал усидчивость. Результаты такого фанатичного отношения к учёбе вскоре дали свои плоды. На уроках я стал проявлять неве-

домую доселе активность. Я обратил внимание: когда поднимался «лес рук», когда многие ученики вызывались ответить на вопрос, поставленный учительницей, Анастасия Ивановна первым вызывала меня. Она никак не могла поверить в чудесное превращение гадкого утёнка в белоснежного лебедя. В её многолетней практике ещё ни разу не было случая, чтобы отпетый троечник стал отличником!

Результаты такого упорного труда были вознаграждены: по окончании третьего класса я был награждён похвальной грамотой! Я хорошо помню: когда я принёс из школы эту грамоту, тётя Циля велела мне пойти к отцу на работу и показать ему эту грамоту. К тому времени мой отец работал директором горторга.

Когда я вошёл в приёмную, секретарша разрешила мне пройти в кабинет отца. Для моего папаши эта грамота явилась полной неожиданностью! Охваченный чувством гордости за мои успехи в учёбе, он взял меня за руку и повёл в бухгалтерию, где находились бухгалтеры, счетоводы, товароведы. Развернув мою грамоту, отец объявил о полученной мною награде. Все сотрудники окружили меня с отцом, выражая своё восхищение. Я впервые в своей жизни стал объектом внимания такого множества людей!

Четвёртый класс я также окончил с похвальной грамотой. Два экзамена об окончании начальной школы (по арифметике и русскому языку) я сдал на отлично! Это случилось в конце мая 1941 года. Спустя месяц вспыхнула Великая Отече-

ственная война...

Глава 7. Война

*Пусть ярость благородная
Вскипает как волна.
Идёт война народная,
Священная война...*

22 июня 1941 года вспыхнула Великая Отечественная война – самая жестокая и самая кровопролитная война в истории человеческой цивилизации... Спустя десятилетия мы осознали чудовищную истину: «архитектором» этой ужасной войны был кремлёвский диктатор – Сталин! Это он дал директиву немецким коммунистам во главе с Эрнстом Тельманом создать коалицию с национал-социалистической партией Гитлера, чтобы не позволить немецким социал-демократам, имевшим большинство в рейхстаге, сформировать демократическое правительство.

Гитлер же, придя к власти, бросил за решётку всех немецких коммунистов, включая Эрнста Тельмана... Это произошло в 1933 году.

В 1937—1938 годах из пяти маршалов были казнены трое: М. Н. Тухачевский, В. К. Блюхер, А. И. Егоров. Были также казнены: 14 из 16 командармов первого и второго ранга, восемь из восьми адмиралов первого и второго ранга, 60 из 67 комкоров, 136 из 199 комдивов, 221 из 397 комбригов. Погибли все одиннадцать заместителей наркома оборо-

ны и 75 из 80 членов Высшего военного совета... Первый заместитель наркома обороны, начальник политуправления Красной Армии Я. Б. Гамарник покончил жизнь самоубийством, не желая попасть в руки палачей НКВД...

Свыше 43 тысяч командиров Красной Армии подверглись репрессиям за период 1937—1938 годов...

* * *

Ещё в 1936 году Лев Давидович Троцкий (Бронштейн), депортированный из СССР, писал: «Без Сталина не было бы Гитлера, не было бы и Гестапо!» О проницательности Троцкого и основательном знании этого вопроса говорит его другое замечание в ноябре 1938 года: «Сталин окончательно развязал руки Гитлеру, как и его противникам, и подтолкнул Европу к войне». Это было сказано тогда, когда Гитлер ещё не давал директиву о подготовке нападения на Польшу и тем более на Францию.

И ещё одно удивительное пророчество Троцкого, высказанное 21 июня 1939 года: «СССР придвинется всей своей массой к границам Германии как раз в тот момент, когда Третий рейх будет вовлечён в борьбу за новый передел мира».

Лев Троцкий стал первым и самым страстным разоблачителем Сталина. В своём «Бюллетене оппозиции» он писал: «За последние три года Сталин объявил всех сторонников Ленина агентами Гитлера. Он истребил цвет командного со-

става, расстрелял, сместил, сослал около 30 тысяч офицеров... Разрушив партию и обезглавив армию, Сталин открыто ставит свою кандидатуру на роль... главного агента Гитлера». Но даже воображение Троцкого не могло представить, что кровавая чистка была ещё более жестокой...

* * *

19 августа 1939 года в Москве состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП (б), на котором выступил Сталин. Он разъяснил руководящей кремлёвской команде свои новые замыслы, касающиеся фашистской Германии и означающие резкое изменение внешнеполитического курса СССР. Речь Сталина была сверхсекретной. О ней можно было только догадываться хотя бы по такому признаку: до 19 августа 1939 года вся советская идеологическая машина клеймила фашизм самыми последними словами – за преследование немецких коммунистов, за гонку вооружений, за враждебность всему миру. И вдруг после 19 августа о немецких коммунистах забыто, о гонке вооружений ни слова, а само слово «фашизм», бывшее ругательным, исчезло со страниц прессы и из радиопередач полностью. Несомненно было, что Сталин не мог не разъяснить свои решения сначала ближайшему окружению, а потом уже подключённая пресса всё подала так, как требовалось руководству.

Было известно: 19 августа 1939 года состоялось очередное заседание Политбюро. Стало быть, на нём Сталин и просве-

тил своих поддакивающих и кивающих коллег.

Но догадки и предположения, хотя и обоснованные – одно, а установленный факт – другое. И вот в посткоммунистической России эту спрятанную речь, произнесённую именно 19 августа, нашли и опубликовали.

Она предельно откровенна и раскрывает все замыслы вождя. Сталин в тот день окончательно решает обняться с фашизмом и на заседании Политбюро растолковывает свои мысли коллегам.

На заседании Сталин сказал: «Если мы заключим договор о взаимопомощи с Францией и Великобританией, Германия откажется от Польши и станет искать выгоду с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР. Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападёт на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. Западная Европа будет подвергнута серьёзным волнениям и беспорядкам. В этих условиях у нас будет много шансов оставаться в стороне от конфликта, и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну».

Итак, Сталин видит, как предотвратить войну, но зачем ему это надо? Война, он считает, выгодна мирному Советскому Союзу. Договор с Германией означает нападение Германии на Польшу. Так пусть нападает! Пактом о ненападении можно подтолкнуть Германию на Вторую мировую вой-

ну. Значит, надо подтолкнуть. Сталин стремится разжечь Вторую мировую войну в расчёте на выгодное вступление в неё.

Относительно Польши так оно, собственно, и было. 1 сентября 1939 года Гитлер начинает войну с Польшей, а 17 сентября к нему присоединяется и Сталин, напав на Польшу с востока. В состоянии ли Польша вести войну на два фронта с такими мощными державами, как Германия и СССР? Нет, конечно, и в результате «выгодного вступления в войну» СССР прирезывает к себе порядочный кусок Восточной Польши, именуя его Западной Украиной и Белоруссией... Правда, впереди у Сталина и такое «выгодное вступление в войну», какое произошло 22 июня 1941 года, но об этом он не мог подумать даже в самом страшном сне...

На заседании Политбюро 19 августа 1939 года Сталин сказал: «Мы должны принять немецкое предложение... Первым преимуществом, которое мы извлечём, будет уничтожение Польши до самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию. Германия предоставляет нам полную свободу действий в прибалтийских странах и не возражает по поводу возвращения Бессарабии СССР». Сталин всегда мечтал о том, чтобы собрать под власть Москвы все земли, принадлежавшие царской России, – Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, Бессарабию (часть современной Молдавии).

Гитлер «купил» Сталина, уступив ему лакомый европейский кусок, хорошо понимая, насколько привлекательными

для кремлёвского диктатора окажутся новые территориальные приобретения. Сталин не смог удержаться от искушения и кое-что с удовольствием прикарманил: часть Финляндии, Прибалтику, часть Польши, Бессарабию... Хотя полностью свои алчные аппетиты удовлетворить так и не смог.

Своё выступление на заседании Политбюро Сталин завершил следующими словами: «Наша задача заключается в том, чтобы Германия смогла вести войну как можно дольше, с целью, чтобы уставшие и изнурённые Англия и Франция были бы не в состоянии разгромить... Германию. Придерживаясь позиции нейтралитета и ожидая своего часа, СССР будет оказывать помощь нынешней Германии, снабжая её сырьём и продовольственными товарами».

Стратегические замыслы кремлёвского тирана – воевать с Англией и Францией руками фашистов, одевать фашистов, давать им металл и древесину, топливо и продовольствие. И это было осуществлено. Стратегические замыслы вождя не предполагали того, что случится в действительности: фашистский «зверь» (Гитлер) бросится на своего «хозяина» (Сталина)...

Советский Союз и в самом деле дождался своего часа, часа трагического, рокового, и час этот наступил в 4 часа утра 22 июня 1941 года...

Стратегию Сталина на разжигание Второй мировой войны Политбюро, конечно же, одобрило. Через четыре дня, 23 августа 1939 года, договор с Германией о ненападении

был подписан.

Вечером в тот же день состоялся банкет, на котором Сталин предложил тост за здоровье Гитлера... Вторая мировая война по злой воле Сталина оказалась неотвратимой... Таким образом, Сталин был главным разжигателем Второй мировой войны! Гитлер стал вторым после Сталина разжигателем самой ужасной и кровопролитной войны в истории человеческой цивилизации...

* * *

А теперь, уважаемые читатели, я хочу рассказать вам о начале войны. Хорошо помню, как спустя несколько дней после начала войны городские власти издали распоряжение:

1. Очистить подвалы домов от хлама и мусора и оборудовать в них бомбоубежища.
2. В целях снижения травматизма в случае налётов вражеской авиации необходимо стёкла в оконных проёмах заклеить полосками плотной бумаги крест-накрест.
3. Строжайшим образом соблюдать светомаскировку. (Свет разрешалось включать лишь при наличии плотных штор.)

Спустя несколько недель появился приказ городских властей: «Всё трудоспособное население города в возрасте от 16 до 60 лет, не занятое на предприятиях и в учреждениях, подлежит мобилизации для рытья противотанковых рвов за чертой города».

Население нашего города восприняло начало войны как грядущее бедствие... Горожане стали срочно скупать в магазинах продукты питания длительного пользования: муку, крупы, макаронные изделия, сахар, соль, и т. д., а также товары: спички, керосин, мыло, свечи.

В хлебных магазинах выстраивались очереди за два-три часа до привоза хлеба, который сразу же раскупался. В ту пору хлебные карточки ещё не были введены, поэтому устанавливалась норма: одна буханка хлеба в руки. Очень часто взрослые брали с собой детей, чтобы приобрести дополнительный хлеб, из которого потом делали сухари... Народ интуитивно чувствовал: война обещает быть затяжной...

* * *

Немецкие войска наступали широким фронтом, который протянулся на тысячи километров от Чёрного моря до Северного Ледовитого океана...

Черниговский обком партии принял решение в городах и районных центрах области сформировать партизанские отряды. В нашем городе командиром будущего партизанского отряда был назначен первый секретарь райкома партии. Мой отец, работавший директором горторга, был назначен его заместителем по снабжению. Целыми днями он на автомашине с бригадой рабочих мотался по лесам и чащобам на левом берегу Десны и организовывал тайники, куда затем свозились продукты питания длительного пользования. Эти

тайники тщательно маскировались, а места их расположения отмечались на карте. Ежедневно поздно вечером в здании райкома партии собирались члены штаба будущего партизанского отряда, каждый докладывал о проделанной работе.

Но немецкие лазутчики тоже не дремали... Однажды ночью, в начале августа 1941 года, вражеская авиация совершила налёт на наш город. Одна из бомб была сброшена на здание райкома партии, где как раз проводилось очередное заседание штаба. В результате прямого попадания бомбы командир будущего партизанского отряда и большая часть штаба погибли... Мой отец чудом остался жив, получив осколочное ранение... Вот так, в одночасье, трагически прервалась судьба будущего партизанского отряда...

* * *

Июль 1941 года выдался особенно жарким. Даже после захода солнца в комнате нашего одноэтажного дома стояла невыносимая духота. По вечерам на большой застеклённой веранде собирались тётя с дядей, а также супруги Терман – Вениамин и Лена. Вениамин по специальности был часовым мастером. Кроме того, он великолепно играл на скрипке и принимал участие в составе трио, которое исполняло музыку перед началом киносеансов. Жена Вениамина Лена растила двух дочерей: 10-летнюю Соню и двухлетнюю Ниночку. В семье Терман жила мать Вениамина, женщина почтенного возраста.

Обсуждался самый жгучий вопрос: что делать – уезжать или оставаться в городе в преддверии немецкой оккупации? Вениамин со всей категоричностью заявлял: «Я не коммунист! Мне бояться нечего». Мои тётя с дядей колебались, а отец был настроен решительно: надо срочно уезжать из города и двигаться на восток.

Однако моя прабабушка, жившая в семье родителей отца, была нетранспортабельна... Поэтому в конце июля 1941 года отец велел дедушке взять в горторге подводу и отвезти прабабушку в город Севск Брянской области, к одному из её сыновей.

* * *

Между тем у отца сложилась тяжелейшая ситуация. Выше я уже писал о том, что в семье отца и Иды 1 июля 1934 года родилась дочь, названная Викторией. Спустя некоторое время Ида забеременела. Предвидя завершение репродуктивного возраста, Ида решила рожать. Чтобы обеспечить уход за младенцем, она заранее позаботилась о том, чтобы её родители переехали к ней из небольшого местечка. Ида осуществила своё самое сокровенное желание и родила... сына! Она назвала его Юрием. Однако радость Иды была омрачена: её мать спустя некоторое время после рождения внука ушла в мир иной... Отец Иды Борис овдовел... Это случилось за несколько месяцев до начала войны с Германией...

* * *

Непростая ситуация была и в семье родителей отца. В начале июня 1941 года их младшая дочь Анна привезла своего четырёхлетнего сына Мишу к родителям, а сама укатила на юг. Когда началась война, она вскоре приехала в наш город. Её муж Давид незадолго до захвата немцами города Великие Луки ушёл из города. Он двигался в южном направлении, прошёл расстояние в... тысячу километров! Оборванный, измождённый, он в конце концов добрался до нашего города, соединившись с женой и сыном.

* * *

В начале августа 1941 года мы с тётёй Цилей поехали в город Глухов Сумской области погостить к дедушкиному племяннику – дяде Лёве. Его дочери Ася и Рива (они были старше меня) взяли на себя шефство надо мной, водили меня в кино, покупали мне мороженое.

Но на рассвете 19 августа 1941 года в Глухов прибыли три подводы: дядя Арон, отец с семьёй и родители отца, Анна, Давид и Миша. Не задерживаясь в Глухове, вся наша «команда» беженцев взяла курс на восток...

Послесловие

Когда наш сосед Вениамин Терман заявил моим тётё и дяде о том, что он не коммунист и ему бояться нечего, он ис-

ходил из своего личного опыта и той информации, которую он черпал из советской прессы.

1. Согласно мирному договору, заключённому между Россией и Германией в 1918 году в Брест-Литовске, Германия аннексировала у России территорию размером в... один миллион километров! Тогда в зону оккупации вошёл и наш город. При этом немцы вели себя вполне сдержанно. Вениамину Терману было примерно 20 лет, и он хорошо об этом помнил.

2. После прихода Гитлера к власти (с помощью коммунистов) по указке Гитлера был инсценирован поджог Рейхстага, в котором были обвинены коммунисты Германии во главе с их лидером Эрнстом Тельманом. Тогда советская пресса обрушилась с резкой критикой на фашистов вообще и на Гитлера в особенности. Что касается всех остальных преступлений фашистов, то о них не сказано было ни слова!

А между тем в Германии с 1933 года начал раскручиваться маховик репрессий, направленных против немецких евреев. Вот лишь главные события:

1933 год. 22 марта. Открыт концлагерь «Дахау». 26 апреля. Учреждено Гестапо – политическая полиция.

1935 год. 15 сентября. Вступают в силу расистские антиеврейские «Нюрнбергские законы». Евреи больше не считаются германскими гражданами, лишаются права вступать в брак с арийцами, вывешивать германский флаг.

1936 год. 3 марта. Врачам-евреям запрещено практико-

вать в немецких медицинских учреждениях. 17 июня. Гиммлер назначен шефом германской полиции.

1937 год. 15 июля. Открыт концлагерь «Бухенвальд».

1938 год. 26 апреля. Обязательная регистрация собственности, принадлежащей евреям. 28 октября. Высланы 17 тысяч польских евреев, живших в Германии. Поляки отказываются впустить их, и 8 тысяч человек застревают в пограничной деревне Збашинь. 7 ноября. Гершель Гриншпан, 17-летний студент из Польши, живущий в Париже, застрелил германского дипломата Эрнста фон Рата, чтобы отомстить за высылку его семьи из Германии. Это был удобный повод для расширения кампании против евреев. 9—10 ноября. «Хрустальная ночь»: еврейский погром в Германии, Австрии и Судетах. Уничтожено 200 синагог, разграблено 7 с половиной тысяч еврейских магазинов, 30 тысяч евреев-мужчин отправлены в концлагеря («Дахау», «Бухенвальд», «Заксенхаузен»). 12 ноября. Вступает в силу закон, согласно которому евреи должны передать все свои торговые предприятия в руки арийцев. 15 ноября. Все учащиеся-евреи исключены из немецких школ. 12 декабря. На немецких евреев накладывается штраф в один миллиард марок за «уничтожение собственности» во время «Хрустальной ночи».

1939 год. 30 января. Заявление Гитлера в рейхстаге: если начнётся война, это будет означать истребление всех европейских евреев. 21 сентября. Гейдрих приказывает учре-

дить еврейские гетто в Польше. 23 ноября. Евреи в оккупированной Польше обязаны носить нарукавную повязку или нашивку с жёлтой звездой.

1940 год. 7 мая. Обозначены границы гетто в Лодзи: 165 тысяч человек размещены на территории в четыре квадратных километра. 20 мая. В Освенциме открыт концентрационный лагерь. 15 ноября. Завершена изоляция Варшавского гетто: в конечном итоге в нём находилось полмиллиона евреев.

1941 год. 21—26 января. Еврейские погромы в Румынии: замучены сотни евреев. 22 июня. Нападение Германии на Советский Союз. Июнь-декабрь. «Эйнзатцгруппы» проводят массовые казни евреев на оккупированной советской территории. 28—29 сентября. 34 тысячи евреев убиты в Бабьем Яру под Киевом. Октябрь. Открыт «Освенцим-2», известный как «Биркенау».

Вся вышеприведённая информация была совершенно неизвестна всем советским евреям, включая Вениамина Термана. Все евреи, оставшиеся на оккупированной немецкими фашистами территории, были уничтожены. В их числе был Вениамин Терман и члены его семьи... Общее число истреблённых советских евреев составило 1 миллион 400 тысяч человек. А ведь таких ужасных жертв можно было избежать, если бы Сталин, выступая по радио 3 июля 1941 года, сказал только одну фразу: «Ни один еврей не должен оставаться на оккупированной немецкими фашистами террито-

рии...» Общее число евреев, уничтоженных фашистами, составило... 6 миллионов человек!!!

Глава 8. Бегство

Проехав на лошадях через Сумскую область, мы въехали на территорию Курской области. По пути к вечеру мы останавливались на ночлег в деревнях. В городе Обояни Курской области мы задержались на несколько дней. В глубине души мы надеялись: ситуация кардинальным образом изменится, немцы начнут отступать на Запад, и мы снова сможем вернуться к покинутым очагам. Но увы... Немецкие войска продолжали неуклонно продвигаться вперёд. По радио Советское информационное бюро каждый раз сообщало о захвате немцами всё большего и большего числа населённых пунктов... Поэтому с горечью мы продолжали двигаться на восток, в неизвестность...

По дорогам навстречу нам ехали грузовики с красноармейцами. Отец, а также оба дяди, Арон и Давид, вынуждены были идти по обочине, хоронясь в придорожном кустарнике. Время было лихое: их могли принять за дезертиров и пристрелить в два счёта... Поэтому нашей телегой-бричкой, запряжённой кобылой по кличке Сорока, пришлось управлять мне, держа в руках вожжи. Остальными лошадьми правили мой дедушка Файвус и отец Иды Борис.

Перед отъездом из Новгорода-Северского отец позаботился о том, чтобы на его телеге было сооружено полукруглое, обтянутое клеёнкой укрытие, в котором находилась Ида

с детьми.

Часто вдоль дороги я видел стоящих женщин. Многие из них держали на руках своих малышей. Они провожали нас сочувствующими взглядами... Ведь мы, повторяю, ехали в неизвестность...

Кстати, когда мы под вечер въезжали в какую-либо деревню, чтобы переночевать, хозяева изб ни разу нам не отказывали. Правда, мы щедро расплачивались с ними и за ночлег, и за продукты питания, и за корм лошадям. Однако бывали случаи, когда приходилось ночевать в чистом поле. Мы выбирали стог сена и, подкрепившись имевшейся у нас едой, устраивали возле стога «лежбище»...

До сих пор помню слова одной из довоенных песен:

Мы с железным конём
Все поля обойдём,
Соберём, и посеём, и вспашем.

Наша поступь тверда,
И врагу никогда
Не гулять по республикам нашим!

Ещё как «загуляли» немецко-фашистские захватчики, оккупировав Украину, Белоруссию, Молдавию, Латвию, Литву, Эстонию. Враг дошёл до Волги, Кавказа, вторгся в Ленинградскую, Смоленскую, Брянскую, Курскую, Воронежскую,

Ростовскую области, а также в Крымский полуостров. Зажал в кольцо блокады колыбель Октябрьской революции – город Ленинград, подошёл к самой Москве...

* * *

До сих пор в моей памяти сохранились слова из некоторых довоенных песен. В их числе был «Марш танкистов»:

Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведёт.

Уже во время войны был написан «Марш артиллеристов», в котором были такие слова:

Артиллеристы! Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовёт отчизна нас!
И сотни тысяч батарей
За слёзы наших матерей,
За нашу Родину – огонь! Огонь!

* * *

Прославление Сталина было всеобщим:
В бой за Родину! В бой за Сталина!
Боевая честь нам дорога!
Кони сытые бьют копытами,
Встретим мы по-сталински врага.

* * *

В городе Старый Оскол Курской области мы пробыли три недели. Незримые нити связывали нас с нашим древним городом Новгородом-Северским. В неприкаянных наших душах теплился слабый огонёк надежды: вдруг свершится Чудо, немцев «отгонят», и мы сможем вернуться обратно в покинутые жилища, но... увы! Немецкие войска неудержимо рвались на восток...

До сих пор в моей памяти сохранился случай, происшедший на территории Воронежской области. Была вторая половина дня. Подъезжая на лошадях к узловой станции Корнево, мы слышали гул летящих немецких самолётов, направлявшихся к этой станции. Я отчётливо видел на крыльях самолётов чёрные кресты. Оставив лошадей, мы в страхе бросились в придорожные канавы, чтобы укрыться от осколков бомб, в случае если немцы начнут нас бомбить. Но мы немцам были не нужны. Им надо было вывести из строя узловую станцию, через которую шли эшелоны с войсками на фронт. Подлетев к станции, немецкие стервятники сбросили свой смертоносный груз. Раздались мощные взрывы... В воздух взметнулись столбы щебня, песка. Повалил чёрный дым от горящих цистерн с нефтью...

Для меня это был первый в моей жизни случай, когда я стал очевидцем злодеяний немецких фашистов... Лишь спустя много лет я узнал: это Сталин и его клика, заключив пре-

словутый пакт о ненападении, развязали руки Гитлеру. Они наивно полагали, что Гитлер увязнет в войне с англичанами и подставит русским свою спину. Однако Гитлер перехитрил Сталина, который к тому же перед самой войной истребил свыше... сорока трёх тысяч (!) командиров Красной Армии, включая трёх маршалов!..

* * *

Наше бегство от врага длилось свыше... трёх месяцев! Но обо всём по порядку. Наступили холода, зарядили дожди... Наше «руководящее ядро» (отец и оба дяди – Арон и Давид) пришло к неутешительному выводу: войне не видно ни конца, ни края... Надо во что бы то ни стало добратся до Воронежа, а там попытаться сесть на один из поездов, идущих вглубь страны.

Проехав на лошадях свыше... тысячи километров (!), мы в конце концов добрались до Воронежа. На железнодорожной станции отец передал (под расписку) трёх наших лошадей командиру одной из кавалерийских частей, двигавшихся в сторону фронта.

С большим трудом нам удалось пробиться в один из товарных вагонов-теплушек, оборудованных двухъярусными нарами и печкой-буржуйкой в центре вагона. За несколько лет до начала войны товарные вагоны грузоподъёмностью двадцать тонн, а также пульмановские вагоны были специально приспособлены для транспортировки частей Красной

Армии по железным дорогам страны.

Так началась вторая часть нашей жуткой одиссеи... Поезда с эвакуированными загонялись в тупик, освобождая путь для воинских частей, двигавшихся в сторону фронта. Никакие просьбы эвакуированных к железнодорожному начальству поскорее отправить их поезда на восток не давали никакого результата... Железнодорожное начальство в первую очередь руководствовалось приказом ГКО (Государственного комитета обороны): «Всё для фронта! Всё для Победы!».

Вторая половина 1941 года обернулась для Красной Армии, для всей страны чудовищной катастрофой...

* * *

Шли дни, недели... Наступил декабрь. Пищу эвакуированные готовили на кострах, используя в качестве топлива разбитые шпалы. Скученность в вагонах была невероятная... В обстановке жуткой антисанитарии, хронического недоедания я заболел тяжелейшим кишечным заболеванием – колитом... Мне грозила явная гибель...

По вагонам ходили вербовщики, агитируя беженцев ехать в бывшую республику немцев Поволжья. В августе 1941 года по решению советских властей все поволжские немцы были депортированы в Казахстан и Сибирь...

19 декабря 1941 года наш поезд прибыл в Саратов. Тётя Циля и дядя Арон решили высадить меня в Саратове и отвезти к родной сестре дяди Арона, Ане Перельман, ко-

торая жила с мужем Соломоном, двумя детьми и свекровью в центральной части Саратова, в небольшом деревянном доме старой постройки с удобствами во дворе... Вся наша остальная родня продолжила свой путь по железной дороге. Прибыв на станцию Плѣс, все родственники поехали в райцентр Гнаденфлюр. Впоследствии этот райцентр был переименован в Первомайск.

Глава 9. На чужбине

19 декабря 1941 года стало первым днём моей жизни в эвакуации. За два года до начала войны тётя Аня со своим сыном Гришей приезжала в наш город Новгород-Северский. Гриша был старше меня на два года.

И вот теперь я оказался в новой семье. Хотя все члены семьи, включая 6-летнюю Фаню, отнеслись ко мне в высшей степени благожелательно, тем не менее разлука с самыми близкими мне людьми, тётей Цилей и дядей Ароном, в сочетании с тяжелейшим кишечным заболеванием – колитом – повергло меня в тяжелейшую депрессию...

На листке бумаги я расчертил клетки, в которые я вписал числа конца декабря месяца 1941 года.

Боже мой, как я тосковал за своими близкими!.. И вот свершилось чудо: 31 декабря 1941 года из Гнаденфлюра в Саратов приехали со своими вещами тётя и дядя. Вместе с ними приехал мой отец. В Гнаденфлюре всем взрослым предложили работать в... колхозе! Для людей, никогда не ухаживавших за скотом, не имевших элементарных навыков в земледелии, которым, наконец, пошёл пятый десяток лет, такая «перспектива» была совершенно неприемлема! Даже в условиях жестокой и кровопролитной войны с фашистскими ордами!..

Поэтому тётя с дядей решили переехать в Саратов и обос-

новаться в нём. Вместе с ними в Саратов приехал мой отец. В обкоме партии отцу дали руководящую должность заместителя председателя Первомайского райпотребсоюза. Однако успех отца впоследствии затмили две трагедии: смерть отца Иды Бориса и кончина полуторагодовалого Юрика... Для Иды смерть любимого сына явилась страшным ударом! О, как бы она была счастлива, если бы не Юрик, а я ушёл в мир иной!.. Отец, несомненно, тоже не возражал против такого «варианта»... Но Судьба даровала мне жизнь, и в этом большая заслуга близких мне людей – тётки Цили и дяди Арона.

* * *

У дяди Арона кроме сестры Ани был ещё один родственник – Сева, блестяще окончивший Саратовское танковое училище и оставленный в нём на преподавательской работе. Сева женился на девушке из еврейской семьи, имевшей небольшой собственный дом в центре Саратова. Вот в этом доме, по просьбе Севы, родители его жены выделили нам крохотную комнатку, где умещались две кровати и небольшой столик у окна.

К концу января 1942 года я вылечился от колита, однако продолжал находиться в состоянии тяжелейшей депрессии... Потухший взор, апатия, равнодушие ко всему на свете... Четырёхмесячная эвакуация, хроническое недоедание, тяжелейшая болезнь не прошли бесследно... Надо было ре-

шать что-то со школой, но я безнадёжно отстал, чтобы учиться в пятом классе: третья четверть была в самом разгаре... Пришлось мне снова идти в четвёртый класс, который в минувшем году я закончил с похвальной грамотой. Вот так, во второй раз, я стал второгодником...

Однако повторная учёба в четвёртом классе пошла мне на пользу. Мои тренированная память и сообразительность сразу дали великолепные результаты: я стал отличником! Учительница поручила мне оказать помощь в учёбе одному отстающему ученику.

Поскольку часть школьных зданий в Саратове была отдана для устройства госпиталей, почти во всех школах города занятия проводились в две смены. Мне пришлось ходить во вторую смену. Утром, позавтракав, я уходил к своему «подшефному». Мы вместе готовили уроки. Я объяснял непонятный материал, проверял знания по устным предметам. За этот мой труд мама мальчика кормила меня обедом.

После этого мы шли в школу. За успехи в учёбе мне дали премию – тёплые валенки, которые оказались весьма кстати.

Дядя Арон устроился на работу в Торгречтранс, однако проработал недолго: в конце февраля 1942 года его призвали в армию... Для нас с тётей это явилось большим ударом... Дядю вместе с другими мужчинами отправили на станцию Ртищево. В конце марта он сообщил: вскоре их должны отправить на фронт...

В двадцатых числах марта 1942 года тётя в сопровожде-

нии сестры дяди Арона Ани Перельман поехала к дяде. Обе женщины, нагрузившись продуктами питания, отправились в Ртищево. Я в эти дни жил в семье дяди Соломона.

* * *

Мне с тётёй оставаться в Саратове было невозможно, так как у тётёи не было работы... 20 мая 1942 года к нам приехал мой отец и помог нам выехать из Саратова.

Началась новая жизнь – в селе Гнаденфлюр. Отец построил нас к двум женщинам из Белоруссии. У одной из них была 15-летняя дочь Лена. Одновременно с нами поселились дедушка с бабушкой, жившие до этого в семье своей дочери Анны.

Хозяйки глинобитной избы согласились «уплотниться» взамен на обещание отца помочь с топливом в осенне-зимний период.

Для меня лето 1942 года ознаменовалось двумя заболеваниями: малярией (в третий раз!) и злосчастным колитом... Из-за этой последней болезни меня вынуждены были отвезти в Саратов и поместить на стационарное лечение в детскую больницу. Это было в первых числах августа 1942 года.

Саратов в ту пору переживал не самые лучшие времена. Немцы вели ожесточённые бои, пытаясь овладеть Сталинградом. Вражеская авиация систематически совершала налёты на Саратов. Бомбардировке подвергались промышленные объекты: завод крекинга нефти, завод комбайнов, где изго-

тавливались танки, и другие предприятия. Второй раз в своей жизни я слышал грохот взрывов авиабомб, видел клубы дыма из-за горевшей нефти...

После трёхнедельного пребывания в больнице меня выписали, и я с тётёй и отцом на грузовой автомашине вернулся в Гнаденфлюр (Первомайск).

* * *

Зима 1942—1943 годов ознаменовалась крайне неприятным случаем... Пойдя учиться в пятый класс, я держался независимо, не заискивал перед отпетыми троечниками и хулиганами. Моё прилежание, мои отличные оценки по всем предметам в сочетании с моим еврейским происхождением побудили «вожаков» класса сколотить группу из числа учеников нашего класса с целью... избить меня! Однажды, когда я зимой возвращался из школы, внезапно на меня напали мои одноклассники и начали меня избивать кулаками, портфелями... Повалив меня на снег, они пинали меня ногами... Избитый, весь в слезах, я приплёлся домой... Вот так, на собственной шкуре, я испытал проявление антисемитизма...

На следующий день тётя Циля обратилась с жалобой к директору школы в связи с избиением меня. Вскоре состоялось школьное собрание, на котором директор школы говорил о том, что в нашей стране граждане всех национальностей равны, все народы дружны и воюют против общего врага.

га. Возможно, состоялось заседание педсовета, и в школу были вызваны родители хулиганов и дебоширов, но, к счастью, больше таких эксцессов со мной не случилось.

* * *

1943 год ознаменовался двумя событиями: 17 сентября 1943 года был освобождён от немецко-фашистских захватчиков город моего детства и отрочества – Новгород-Северский.

Другое событие было связано с комсомолом. До лета 1943 года в ряды ВЛКСМ принимали юношей и девушек с 15-летнего возраста. Однако из-за войны на фронтах погибли сотни тысяч комсомольцев. Именно поэтому ЦК ВЛКСМ принял решение в комсомол принимать юношей и девушек с 14 лет. В начале сентября 1943 года мне и четырём другим ученикам нашего класса предложили вступить в комсомол. Я с радостью согласился. На стандартном бланке я написал: «Прошу принять меня в ряды ВЛКСМ, так как я хочу быть в первых рядах строителей коммунизма».

29 октября 1943 года (в день четвертьвекового юбилея ВЛКСМ) в здании райкома комсомола мне вручили комсомольский билет – маленькую красную книжечку с силуэтом вождя мирового пролетариата – Ленина. словно бесценную реликвию, я спрятал комсомольский билет в нагрудный карман своей куртки. В тот момент я был безгранично счастлив: отныне я принадлежу к славному племени советской моло-

дэжи! Имена комсомольцев – Героев Советского Союза: Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной, Саши Чекалина, Олега Кошевого, Ульяны Громовой – до сих пор в моей памяти...

* * *

После того как наш город Новгород-Северский был освобождён от немецких фашистов, мой отец обратился в Черниговский обком партии с просьбой прислать ему вызов, с тем чтобы он смог возобновить прерванную войной работу в нашем городе. В начале 1944 года вызов из обкома был получен, и мы все стали готовиться к отъезду. Отец съездил в Саратов и уплатил приличную сумму денег за предоставление нам вагона-теплушки.

* * *

9 апреля 1944 года мне исполнилось 15 лет! Это был воскресный день. Утром я вышел из дома и увидел, что огромные углубления в почве покрыты слоем льда. Мне захотелось прокатиться по льду. Когда я, разбежавшись, оказался на льду, лёд треснул и... проломился! Я почти весь оказался в ледяной воде! С трудом выбравшись из воды, я быстро побежал домой. Моя тётя Циля помогла мне снять мокрую одежду и тут же велела лечь в постель, чтобы я согрелся. К счастью, этот случай не имел последствий...

В этот же день к нам домой пришёл мой отец. Он принёс мне в подарок яблочный пирог, испечённый Идой. По-види-

мому, моей мачехе хотелось сгладить тот неприятный факт, что она не позволяла моему отцу (ни разу за два года!) привести меня в их дом... И это несмотря на то, что шла жестокая, кровопролитная война, когда все нормальные люди были объединены общей бедой...

20 апреля 1944 года мы навсегда распрощались с райцентром Гнаденфлюр. Возвращались мы семеро: я, тётя Циля, дедушка, бабушка, отец, Ида и их 10-летняя дочь Виктория.

Дядя Давид, признанный непригодным к строевой службе, тем не менее был мобилизован и направлен на так называемый трудовой фронт в город Энгельс Саратовской области. Его жена Анна с 6-летним Мишей также переехала в Энгельс.

Дядя Арон уже два года воевал на Ленинградском фронте, был награждён медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда». Каждое его письмо воспринималось тётей Цилей и мной как большой праздник!

В Гнаденфлюре тётя Циле пришлось работать на двух работах: уборщицей в райпотребсоюзе, который возглавлял мой отец, а также курьером в районном суде. Как-то работники суда узнали о том, что тётя Циля одна растит меня, а отец (по приказу мачехи!) не выделяет ей деньги. Работники суда уговорили подать в суд исковое заявление, а сами оформили все необходимые документы. Вскоре состоялся... суд! Отцу присудили платить на меня тётя Циле алименты в размере 25% его зарплаты... Когда я узнал об этом, мне

было не по себе...

Вот такими событиями ознаменовалась моя жизнь на чужбине...

Глава 10. Возвращение

Ровно месяц мы были в пути. 20 мая 1944 года мы добрались до железнодорожной станции Пироговка, на пароме переплыли реку Десну и под вечер въехали в Новгород-Северский, который покинули почти три года тому назад. Я с горечью обратил внимание на то, что самые красивые здания в городе, в которых размещались райком партии, горисполком, райотдел НКВД и другие, были разрушены... Водонапорная башня на базарной площади была взорвана... Однако самым ужасным стало известие о том, что все евреи, оставшиеся в городе (их было несколько тысяч человек!), были безжалостно истреблены... В их числе были наши бывшие соседи – семья Вениамина Термана... До сих пор не заживает в груди рана от безумия и бесчеловечности немецко-фашистских извергов...

* * *

По прибытии отец снова стал работать директором горторга. Он, Ида и Виктория поселились на центральной улице города – имени Карла Маркса – в благоустроенной отдельной квартире. Нам с тётёй спустя некоторое время выделили комнату в коммуналке. Тётя устроилась на работу в столовую в качестве кухонной работницы – корнечистки. Эта столовая находилась рядом с нашим домом.

К началу экзаменов за шестой класс я опоздал, так что пришлось мне досдать один экзамен по русскому языку. После этого я был переведён в седьмой класс.

Между тем война с немецкими фашистами продолжалась... В такое время быть в стороне от трудовых будней, прохладиться в тенистом парке или загорать на пляже было (с моей точки зрения) аморально! Я уговорил отца принять меня в горторг на работу. Меня оформили учеником бухгалтера с зарплатой сто рублей в месяц. Мне выдали хлебную карточку служащего. Кстати, я стал трудиться в той самой бухгалтерии, в которой за четыре года до этого мой отец демонстрировал мою похвальную грамоту за третий класс.

В основном мне приходилось выполнять графическую работу, расчерчивать листы с колонками «дебет», «кредит», «сальдо», поскольку типографские бланки отсутствовали. Когда поступала разрядка на выполнение работ по городу или в сельской местности, меня всегда включали в состав бригады. Я принимал участие в расчистке территории от камней, где стояла водонапорная башня. Меня посылали и на сенокос, и на уборку хлебов. В этом отношении у меня не было поблажки, и я на это не обижался. Я хорошо понимал: так надо! А отцу лишние разговоры были ни к чему...

* * *

Возвращение в город моего детства из деревенской глуши в Саратовской области позволило мне услышать по радио

много новых песен. До сих пор я помню начало следующей песни:

Помню городок провинциальный,
Тихий, закоульный и печальный,
Маленький базар, солнечный бульвар,
И среди мелькающих пар гляжу я:
Чей-то знакомый, родной силуэт,
Синий берет, синий жакет,
Синяя юбка, девичий стан —
Мой мимолётный роман!
Таня, Танюша, Татьяна моя!
Помнишь ли знойное лето это?
Как же так можно всё позабыть,
То, что пришлось пережить!..

Будучи человеком преклонного возраста, оказавшись в Канаде, я написал цикл статей, посвящённых 70-летию со дня начала Великой Отечественной войны. Одна из них называлась «Песни войны». Она была опубликована в газете «Ванкувер Экспресс» 21 июня 2011 года. Привожу текст этой статьи в сокращённом виде.

Ещё до начала Великой Отечественной войны в Советском Союзе началось прославление Сталина. Горько и больно вспоминать, как я, будучи пионером, вместе со своими товарищами пел:

Сталин – наша слава боевая!

Сталин – нашей юности полёт!
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идёт!

В главе 7 приведены фрагменты песен «Марш танкистов», «Марш артиллеристов» и др. К счастью, во время войны прозвучали песни и совершенно иного содержания. Близость смерти в грядущем бою с немецко-фашистскими извергами сняла покров советской идеологической пропаганды, выживив в людях сокровенные чувства любви к их близким, в первую очередь к женщинам – матерям, жёнам, невестам.

В годы моей ранней юности на меня произвела неизгладимое впечатление песня «Жди меня!», написанная композитором К. Листовым на стихи Константина Симонова. Считаю своим нравственным долгом воспроизвести в своих заметках слова этой проникновенной песни:

Жди меня, и я вернусь! Только очень жди!
Жди, когда наводят грусть жёлтые дожди!
Жди, когда снега метут, жди, когда жара!
Жди, когда других не ждут, позабыв вчера!
Жди, когда из дальних мест писем не придёт!
Жди, когда уж надоест тем, кто вместе ждёт.
Жди меня, и я вернусь! Не желай добра
Тем, кто знает наизусть, что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать в то, что нет меня.
Пусть друзья, устанув ждать, сядут у огня,
Выпьют горькое вино на помин души...

Жди, и с ними заодно выпить не спеши!
Жди меня, и я вернусь всем чертям назло!
Кто не ждал меня, тот пусть скажет: «Повезло».
Не понять не ждавшим им, как среди огня
Ожиданием своим ты спасла меня...
Как я выжил, будем знать только мы с тобой.
Просто ты умела ждать, как никто другой...

* * *

Тоска по далёкой любимой, пугливая надежда на верность были сквозной темой симоновской лирики. К. Симонов первым ощутил эту всеобщую жажду верить своим любимым и выступил со стихами, которые стали самыми популярными в военной России. Их вырезали из газет и хранили вместе с фотографиями жён и невест. Форма заклинания, присущая многим военным стихам К. Симонова, в вышеприведённом стихотворении доведена до крайности, до мольбы... Завораживающая сила внушения, основанная на почти мистическом – десятикратном – повторении слова «жди», приводит к мистическому выводу, в который хотелось верить людям, даже далёким от мистики. Мистическое «Жди меня» долго казалось вершиной, достигнутой в эти суровые годы войны лирической поэзией. Во всяком случае, это, наверное, был единственный случай, когда стихотворение вызвало род масового гипноза...

Другой песней, которая запечатлелась во мне на всю жизнь, стала проникновенная «Тёмная ночь», написанная

композитором Никитой Богословским на стихи В. Агатова.
Вот два фрагмента этой песни:

Как я люблю глубину твоих ласковых глаз!
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами...

Ты меня ждёшь и у детской кровати не спишь,
И поэтому знаю: со мной ничего не случится...

Незабываемое впечатление произвела на меня песня
«В землянке», написанная композитором К. Листовым
на стихи Алексея Суркова. Вот её текст:

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...
Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой...
Ты сейчас далеко, далеко...
Между нами снега и снега...
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага...
Пой, гармоника, выюге назло!
Заплутавшее счастье зови!
Мне в холодной землянке тепло

От твоей негасимой любви...

В кратких заметках невозможно рассказать обо всём, что было написано в годы войны. В памяти сохранилась песня: «В лесу прифронтовом». Вот её начало:

С берёз неслышен, невесом
Спадает жёлтый лист.
Солдатский вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.
Вздыхают, жалуясь, басы,
И словно в забыты
Сидят и слушают бойцы,
Товарищи мои.

Кроме солдатского, был написан «Офицерский вальс», который начинался такими словами:

Ночь коротка, спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая Ваша рука...

Большой популярностью в годы войны пользовалась песня «Синий платочек», написанная композитором Е. Петербургским на стихи М. Максимова. Вот её начало:

Помню, как в памятный вечер
Падал платочек твой с плеч.

Как провожала и обещала
Синий платочек беречь.
И пусть со мной
Нет сегодня любимой, родной.
Знаю: с любовью ты к изголовью
Прячешь платок голубой...

Эту песню талантливо исполняла популярная певица
Клавдия Шульженко.

Завершить свои краткие заметки о песнях войны мне хочется проникновенной песней «Последний бой», созданной композиторами М. Ножкиным и Д. Ашкенази. Слова песни написал один из композиторов, М. Ножкин. Глубоко за душу трогают строки:

Мы так давно, мы так давно не отдыхали.
Нам было не до отдыха с тобой.
Мы пол-Европы по-пластунски пропахали.
И завтра, наконец, последний бой...
Ещё немного, ещё чуть-чуть...
Последний бой! Он трудный самый...
А я в Россию, домой хочу!
Я так давно не видел маму...

Эту песню тоже талантливо исполняла Клавдия Шульженко.

Песни во время войны повышали эмоциональное состояние бойцов, поднимали их боевой дух и жизнестойкость,

укрепляли их несокрушимую веру в победу над вторгшимися в пределы нашей Родины немецко-фашистскими захватчиками.

Песни военных лет для меня явились той нравственной основой, которая помогала преодолевать трудности в учёбе, в труде, в нелёгкой жизни в эпоху сталинщины...

* * *

1 сентября 1944 года я начал учиться в седьмом классе Новгород-Северской школы №1. К сожалению, первый блин оказался... «комом»! На уроке по физике я схлопотал... двойку! Пришлось взяться за ум. На следующем уроке по физике я вызвался ответить, и рядом с двойкой появилась вожаделенная пятёрка. Первую четверть я завершил превосходно! Однако этот успех сыграл со мной злую шутку: в конце 1944 года на состоявшемся отчётно-выборном комсомольском собрании старшеклассников и учителей (в ту пору не было разделения первичных комсомольских организаций – ученических и учительских) меня выдвинули в комитет ВЛКСМ, а затем на заседании вновь избранного комитета я был избран (по инициативе директора школы Самардина Виктора Самойловича) комсоргом школы.

Я оказался в тяжелейшей ситуации... С превеликим трудом, достигнув отличных отметок, я вынужден был тратить львиную долю времени на общественной работе, к которой никогда не испытывал ни любви, ни уважения... Я очень

хорошо понимал: в комсорги я не гожусь! Фигурально выражаясь, я был белой вороной: не сквернословил, на контрольных работах шпаргалки отстающим ученикам не рассылал, концентрируя всё внимание на выполнении своего задания. Драться не умел... Комсоргом, по моему убеждению, должен быть рубаха-парень, заводила, отличный спортсмен, прирождённый организатор. А я был махровым индивидуалистом.

Когда я отцу пожаловался на сложившуюся ситуацию, он ответил: «Надо, Вова, надо!» Я и сам понимал: надо! Ведь я взял курс на золотую медаль... Поэтому придётся целый год тянуть эту лямку...

Я открывал школьные комсомольские собрания, организовывал отчёты пионервожатых на заседаниях комитета, выполнял указания райкома ВЛКСМ о сборе металлолома, следил за сбором членских взносов.

Однако самым нежелательным для меня было участие в заседаниях пленумов райкома комсомола. Многочасовые прения о проблемах животноводства, о подкормке озимых, о подготовке к весеннему севу, о шефской помощи селу доводили меня до полного нервного истощения... Присутствие на этих пленумах стало для меня жестокой и мучительной пыткой...

Возвращаясь поздно вечером домой из райкома комсомола, я с завистью смотрел на своих одноклассников, которые катались на лыжах по заснеженным улицам, а я, испытывая

сильнейшую головную боль, с невыученными уроками, плёл-ся к своему дому...

* * *

В начале зимы 1944—1945 годов со мной произошёл крайне неприятный случай. Вот как это было. Однажды поздним вечером я подошёл к зданию кинотеатра, чтобы посмотреть какой-то художественный фильм. В этот момент кто-то из детдомовцев, которых тоже привели в кинотеатр, ударил меня сзади в спину каким-то острым предметом. К счастью, на мне была зимняя тужурка с толстой прокладкой из ваты. Тем не менее остриё предмета (я полагаю, это была заточка) вонзилось мне в спину... Я почувствовал острую боль... Вместо того чтобы тут же поскорее вернуться домой, я продолжил свой путь.

Сидя в зрительном зале кинотеатра, я почувствовал, как по спине течёт струйка крови... Когда после окончания киносеанса я возвратился домой и снял нательную рубашку, она оказалась... окровавленной!

* * *

Во всей моей деятельности в качестве комсорга школы в моей памяти сохранилось лишь одно светлое воспоминание. Накануне нового, 1945 года я получил из райкома комсомола директиву: организовать выступление концерта художественной самодеятельности во время зимних каникул

в одном из подшефных колхозов. С огромным энтузиазмом я взялся за выполнение «боевого задания» вышестоящего комсомольского начальства. Прежде всего были составлены списки чтецов-декламаторов, музыкантов, вокалистов, танцоров. Гвоздём программы должна была стать одноактная пьеса на современную тему «Возмездие», в которой есть финальная сцена: партизаны с оружием в руках врываются в дом сельского старосты, продавшего немцам, и... убивают его!

Пьеса, автором которой был я, ребятам понравилась. Однако, когда дело дошло до распределения ролей, никто не соглашался сыграть роль изменника Родины. Чтобы не сорвать спектакль, я решил проявить свои артистические способности и сыграть роль этого злосчастного старосты. Забегая вперёд, скажу без ложной скромности: спектакль имел ошеломляющий успех!

В назначенный день в школу на санях приехали колхозники и, взяв нас по три-четыре человека, привезли в село. Концерт мы дали в сельском клубе. По окончании концерта нас разобрали по два ученика в колхозные семьи. На следующий день мы благополучно вернулись в город.

Третью учебную четверть, несмотря на общественную нагрузку, я закончил на отлично по всем предметам.

9 апреля 1945 года, ровно за месяц до праздника Победы, мне исполнилось 16 лет. При получении паспорта я стоял перед дилеммой: назваться именем Владимир, к которо-

му я привык за всю свою сознательную жизнь, или написать «Владлен», как значилось в свидетельстве о рождении. Свой выбор я сделал в пользу «Владимира», так как в будущем, когда я стану отцом, отчество «Владимирович», «Владимировна» являются более привычными.

Лишь почти полвека спустя я избрал себе литературный псевдоним «Владлен Анжело», воздав свой долг светлой памяти моей покойной мамы Раисы Яковлевны Анжело...

* * *

9 мая 1945 года я запомнил на всю жизнь! Все годы военного лихолетья я мечтал о победе над фашизмом. Я гордился блистательными победами Советской Армии. Я ненавидел немецко-фашистских захватчиков, принёсших много горя нашей стране...

Утром 9 мая, в среду, я услышал по радио благую весть: Германия капитулировала!!! В школе в тот день занятия были отменены. К 11 часам все ученики должны явиться в школу и организовано, одной колонной, направиться на городскую площадь. С флагами, транспарантами, портретами вождей мы пришли на площадь. Выступало районное начальство. После митинга на площади играл духовой оркестр. Царило приподнятое настроение! Незнакомые люди обнимали друг друга! Слезы невольно катились из глаз... Этот день навсегда остался в моей памяти...

26 апреля 2011 года, в канун 66-й годовщины со Дня По-

беды, была опубликована моя статья «Праздник со слезами на глазах...» в газете «Ванкувер Экспресс», в которой я, в частности, писал: «Ныне, спустя 66 лет, мы должны воздать свой долг светлой памяти тем, кто отдал свою жизнь за победу над врагом».

Зимой 1942 года, находясь в эвакуации в Саратовской области, я узнал о подвиге 18-летней московской школьницы Зои Космодемьянской. Поэтесса Маргарита Алигер написала поэму «Зоя», в которой были такие стихотворные строчки:

Стань же нашей любимицей,
Символом веры и правды,
Чтоб была наша верность,
Как гибель твоя, высока.
Мимо твоей, занесённой снегами, могилы
На Запад, на Запад идут, присягая войска...

Поэт-фронтовик Николай Любченко в 1941 году, в свои неполные 18 лет, ушёл добровольцем на фронт. Он прошёл всю войну от первого до последнего дня. Вот одно из его проникновенных стихотворений:

В крошечный ад ворвусь, бывало —
Её любовь от пули берегла.
Мечта о ней погибнуть не давала
И встретить День Победы помогла.

А в День Победы мы уже в Берлине
План нашей жизни строили в мечтах...
Но наступила Наденька на мину
И умирала на моих руках...
С тех пор не ведаю покоя...
Мне не забыть её любви...
Живу лишь в атмосфере боя,
Плывя во вражеской крови...
И мысль одну я не могу оставить,
Ради неё на всё готов:
Хочу я вечный памятник поставить
Из гор пробитых вражьих черепов...
Во сне я вижу облик нежный,
И днём шагает рядышком она.
Мне не забыть тебя, моя Надежда!
Ты навсегда в моей душе одна...
Вы мне напомнили её так ясно,
Воспоминаний вспыхнул рой.
Она, как ты, во всём была прекрасной!
Вот почему мне трудно быть с тобой...

* * *

Другой поэт-фронтовик Булат Окуджава написал много замечательных стихотворений о войне. Вот одно из них:

Ах, война, что ж ты сделала, подлая?!
Стали тихими наши дворы.
Наши мальчики головы подняли —
Повзрослели они до поры.

На пороге едва помаячили
И ушли за солдатом солдат...
До свидания, мальчики! Мальчики,
Постарайтесь вернуться назад...

* * *

Поэт-фронтовик Е. С. Гудзенко в стихотворении «Однополчане» написал о жестоких реалиях страшной Великой Отечественной войны:

Когда на смерть идут – поют,
А перед этим можно плакать...
Ведь самый страшный час в бою —
Час ожидания атаки...
Мне кажется, что я – магнит,
Что я притягиваю мины.
Разрыв – и лейтенант хрипит,
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже не в силах ждать,
И нас ведёт через траншеи
Окоченевшая вражда,
Штыком дырявящая шеи...
Бой был коротким, а потом
Глушили водку ледяную,
И выковыривал ножом
Из-под ногтей я кровь чужую...

* * *

Первые снаряды немецких орудий, взорвавшиеся на советской земле, вызвали к жизни главную тему военных лет:

Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!

Это стало правдой дня. Тысяча четыреста восемнадцать кровавых дней и ночей продолжали оставаться для страны правдой – главной и очевидной. Песня «Священная война» была знаменем ненависти. Такой яростной силы, такой естественной интонации исполнены разве гимны революций.

...Умолкли 9 мая 1945 года раскалённые под Берлином пушки – вернулось в города и сёла России поредевшее поколение воинов-фронтовиков, которое включилось в ратный труд советских тружеников тыла по восстановлению разрушенных врагом городов и посёлков, заводов и фабрик, электростанций и угольных шахт.

Самое парадоксальное состояло в том, что войны могло бы не быть! Об этом я написал в главе 7 «Война».

* * *

В связи с 70-летием со дня начала Великой Отечественной войны 1941—1945 годов я написал цикл статей, посвящённых минувшей войне. Одна из них, «Поэзия в годы войны», была опубликована 28 июня 2011 года в газете «Ванку-

вер Экспресс». Предлагаю вниманию читателей фрагменты из этой статьи.

...Самым популярным поэтом в годы Великой Отечественной войны был Константин Симонов. Он без всякого преувеличения был общим любимцем у советских воинов. Его сила была в том, что он в простых словах обращался не к народу вообще, не к солдатам всех фронтов, а к каждому лично. И понятие Родины, главную тему поэтов войны, он сумел к каждому приблизить стороной личной, безусловной:

Если ты не хочешь отдать
Немцу с чёрным его ружьём
Дом, где жил ты, жену и мать,
Всё, что Родиной мы зовём,
Знай – никто её не спасёт,
Если ты её не спасёшь.
Знай – никто его не убьёт,
Если ты его не убьёшь.

* * *

Жестокие реалии фронтовой жизни талантливо изобразил поэт-фронтовик Николай Любченко. Я приведу лишь три стихотворения из его сборника «Раны памяти», который был издан в 2005 году в Ванкувере.

Боям высотка помешала.

Её бы можно обойти,
Да очень выгодно стояла
К звезде Героя на пути.
И были брошены солдаты
В атаку под прямой огонь.
За сутки боя было взято...
Плацдарм величиной с ладонь.
Сначала немцы удивились:
Они в сраженьях знали толк.
Потом серьёзно укрепились
И... перебили целый полк...
Высотку эту всё же взяли
За жизнь полка – такую мзду
Солдатики врагу отдали
За генералову звезду...

* * *

В глазах отвагу вижу вновь,
На белых марлевых повязках —
Ещё дымящуюся кровь...
И трупы, трупы на салазках...
Стоял бессменно, как любил я,
Над спящей ротой на часах
Смотрел, как ИЛов эскадрильи
Стригут просторы в небесах.
На миг тревожно засыпаешь
Под свет мерцающих ракет
И, видя вещий сон, гадаешь:
Убьют сегодня или нет...

Я здесь умру без вдохновенья,
Задушен будничной тоской...
Я жажду битвы упоенья,
Я жажду вихря и смятенья,
И смерть в сраженьи – жребий мой...
На штык мундир грязно-зелёный
Любил в атаке насадить.
Увидеть вид благословлённый:
Ему (не мне) уже не жить!
И насладиться видом мук,
Не выпуская штык из рук.
И ад, и рай в игре видений
В уме пылающем моём,
Где Дьявол с Господом вдвоём
Рвут миллионы поколений
И превращают в толпы теней
Всепожирающим огнём...

* * *

Война окончена. Прошла...
Как ждали этот час!
Как будет жизнь теперь светла
У каждого из нас!
Нам двадцать пять! Зачем грустить?
Ведь жизнь так хороша!
И можно горы своротить,
Когда поёт душа!
Я этот миг годами ждал
В окопах и боях.

Я имя милое шептал
И звал тебя во снах.
Искал в строю среди бойцов
И трупов на полях...
В походах ждал я письмецо
И ждал в госпиталях.
Я знал: к тебе далёкий путь
Идёт через Берлин.
Тебя себе могу вернуть
Сквозь прах его руин.
И вот взвился победный стяг,
Окрашенный в крови...
Фундамент прочный – на костях —
Для жизни и любви...

Страшную и жестокую картину кровопролитной Великой Отечественной войны помогает осмыслить и понять художественная литература.

Глава 11. Кем быть?

*Мы рождены, чтоб сказку сделать былью.
Преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор.
«Марш энтузиастов»*

Седьмой класс я закончил на отлично по всем предметам. В начале июля 1945 года, после демобилизации, вернулся из армии дядя Арон – обладатель нескольких медалей, включая самую Престижную, «За отвагу».

Приспело мне время задуматься о своём будущем. Ещё до войны моё воображение поразила авиация. До сих пор помню фамилии отважных советских лётчиков, совершивших беспосадочные перелёты через Северный полюс в Америку. Это экипажи в составе Чкалова, Байдукова и Белякова, а также Громова, Юмашева и Данилина. Навсегда запомнил имена и фамилии замечательных советских лётчиц – Валентины Гризодубовой, Полины Осипенко и Марины Расковой, совершивших сверхдальний перелёт через всю территорию Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны отличились героини Советского Союза Николай Гастелло, Иван Кожедуб, Александр Покрышкин.

Я зачитывался биографиями известных советских авиаконструкторов. В их числе был Александр Яковлев.

Я конструировал простейшие модели планеров. По окончании девятого класса я купил в газетном киоске «Справочник для поступающих в вузы». Стать студентом самолётостроительного факультета стало моим самым сокровенным желанием! Я написал запросы в авиационные институты Москвы, Харькова и Уфы. Вскоре пришли ответы: общежития предоставляются лишь участникам и инвалидам Великой Отечественной войны...

Спустя год, весной 1948 года, я снова написал в вышеупомянутые вузы, однако ситуация с общежитиями не изменилась... Поэтому мне пришлось действовать по второму варианту: подать свои документы на электроэнергетический факультет Московского энергетического института. Как раз в то время было обнародовано постановление ЦК партии и советского правительства о сооружении на реке Волге каскада гидроэлектростанций, которые впоследствии были названы великими стройками сталинской эпохи. Работать на одной из этих станций стало моим намерением.

* * *

В феврале 1948 года к нам в десятый класс поступил новый ученик – Юрий Иванов, который был старше меня на четыре года. Перед войной Юрий окончил восемь классов. Когда немцы оккупировали наш город, Юрий стал работать в немецкой комендатуре переводчиком.

Осенью 1943 года, после освобождения Новгорода-Север-

ского от фашистов, Юрий был призван в армию и принимал участие в боях с немцами. После окончания войны Юрий служил в оккупационных войсках в Австрии.

За годы службы в армии Юрий самостоятельно изучил все предметы за девятый и десятый классы. Чтобы получить аттестат, он поступил к нам на учёбу, намереваясь последовать примеру своих родителей, врачей-хирургов. Забегая вперёд, скажу: Юрий действительно поступил в Киевский мединститут.

Юрий сразу заявил о себе как о претенденте на золотую медаль. Другим претендентом был Соломон Левин, сын известного в городе адвоката. Соломон был моложе меня на один год, рос в интеллигентной еврейской семье. Его старший брат до войны учился в Московском институте философии, литературы, истории (МИФЛИ), ушёл добровольцем на фронт и погиб смертью героя...

Таким образом, в нашем классе определилась лидирующая тройка претендентов на золотые медали: Юрий, Соломон и я.

3 июля 1948 года мы сдали последний, тринадцатый, экзамен по немецкому языку. Решением педсовета школы вся наша «святая троица» была представлена к награждению золотыми медалями. Ситуация сложилась тяжелейшая... Дело в том, что «золото» обычно доставалось отпрыскам партийно-государственной номенклатуры областного центра – города Чернигова.

За год до этого, летом 1947 года, две девушки-еврейки, Белла Сагалевич и Берта Рошаль, были представлены к награждению золотыми медалями. Однако в облоно выделили лишь одну медаль, серебряную, которой наградили Беллу – единственную дочь известных в городе врачей.

Мой отец был в хороших отношениях с новым директором школы Василием Руденко. Будучи членом родительского комитета школы, он организовал в школе буфет, и ученики обеспечивались горячими завтраками.

Отец решил взять ситуацию под свой контроль. Он не хотел, чтобы по городу ходили слухи о том, что я получил медаль по знакомству отца с директором школы.

В понедельник, 5 июля 1948 года, отец оформил себе командировку в Чернигов и выехал вместе с директором школы. Отец договорился с ним, что будет ждать его вместе с заведующим облоно в одном из фешенебельных ресторанов Чернигова. Отец заказал в отдельном кабинете ресторана столик на три персоны. Он был мастером устраивать подобные «деловые встречи».

В назначенное время отец встретил в ресторане гостей. Блюда подавались самые изысканные, вино лилось рекой... Отец внушал заведующему: «Надо помочь ребятам». «Но я же не могу всем троим дать золотые медали», – возражал заведующий облоно. «А вы дайте им серебряные медали», – сказал отец. «Ну, это совсем другое дело», – согласился заведующий.

Вот так был разрешён сложный вопрос с награждением меня и моих одноклассников – Юрия и Соломона. Хочу заметить: в те послевоенные годы серебряные медали имели ту же силу, что и золотые медали. Обладатели обеих видов медалей принимались в вузы без вступительных экзаменов.

* * *

7 июля 1948 года в школе состоялся выпускной вечер, а спустя два дня я и дядя Арон выехали в Москву. Мы заехали к брату отца, дяде Грише, жившему с женой и годовалым сыном в посёлке Апрелевка Московско-Киевской железной дороги.

12 июля я с двумя дядями приехал в МЭИ, сдал свои документы в приёмную комиссию, а спустя три дня мне сообщили: я принят на первый курс электроэнергетического факультета МЭИ! Мы тут же дали телеграмму тёте Циле о моём зачислении в МЭИ.

На обратном пути в Новгород-Северский я чуть... не погиб! Вот как это произошло. В первые послевоенные годы железнодорожные пути были одноколейными. Наш поезд остановился на одной из промежуточных станций, не доезжая Брянска, в ожидании встречного поезда. Многие пассажиры, в их числе был и я, сошли с поезда и направились к зданию вокзала, в буфет.

Вскоре показался встречный поезд, который двигался по путям, расположенным ближе к вокзалу. Когда этот поезд

стал замедлять свой ход, я вскочил на ступеньки и взобрался на площадку между вагонами. В этот момент какая-то женщина обратилась ко мне с просьбой взять её ребёнка на руки. Я взял у неё малыша и хотел пробраться между двумя поручнями, где был достаточно большой просвет. Когда я оказался между этими поручнями, произошло торможение, поручни сблизились и сжали меня в области живота. Я закричал от нестерпимой боли! Ребёнка тут же взяли у меня, а я с огромным трудом вырвался из клещей, образованных поручнями... Я был в шоке... Болела спина в области выше поясницы... Добравшись до вагона, я залез на полку и несколько часов лежал неподвижно, находясь под впечатлением пережитого...

С тех пор прошло свыше... семи десятилетий, но я до сих пор помню тот кошмарный случай...

* * *

Спустя месяц, 15 августа 1948 года, из института пришло официальное уведомление о моём зачислении в МЭИ. 27 августа я уехал в Апрелевку, а спустя два дня я приехал в Москву, в институт. Поселился я в Лефортовском студенческом городке, в нескольких минутах ходьбы от института, в первом корпусе. Всего в студгородке было двенадцать корпусов. Более половины из них были здания панельного типа.

Комната, куда меня определили, находилась на шестом этаже, без лифта! В небольшой комнате стояли четыре кро-

вати (в два яруса) и ещё одна кровать возле окна. В этой комнате стоял стол и несколько стульев. Вот и всё убранство... Койки на верхнем ярусе были уже заняты, так что мне пришлось довольствоваться койкой на нижнем ярусе.

Накануне 1 сентября состоялась встреча первокурсников с деканом нашего факультета, профессором Иваном Ивановичем Соловьёвым. Он, кстати, был доктором технических наук и возглавлял кафедру релейной защиты и автоматизации энергосистем.

День первого сентября 1948 года стал началом моей студенческой жизни.

Глава 12. «Тяжела ты, шапка Мономаха...»

Первые лекции ошеломили меня! Во-первых, я ничего не мог разобрать на доске, на которой писал лектор. Во-вторых, я не в состоянии был осмыслить уравнения, формулы, геометрические построения, которые излагались в процессе лекции...

Когда я обратился к окулисту в студенческой поликлинике, выяснилось: я страдаю близорукостью... Мне выписали очки. Так что первая проблема была разрешена.

Гораздо хуже обстояло дело с усвоением материала. Осмыслить сказанное лектором, понять ход его рассуждений я был... не в состоянии! (Спустя полтора с лишним десятилетия врач-психиатр в поликлинике Института ядерной физики, где я в то время работал, поставит страшный диагноз: я страдаю... заторможенностью мышления!) Вот они, «плоды» врождённой психопатии и отравленного детства, бесчисленных болезней и ужасов минувшей войны с фашизмом...

Хочу подчеркнуть: темп лекционных занятий был неимоверный! Записать материал лекций было невозможно!

Вот память у меня была превосходной! Прошло свыше семи десятилетий после начала учёбы в институте, но я до сих пор помню, что в первом семестре нам читали лек-

ции по следующим предметам: математический анализ, аналитическая геометрия, начертательная геометрия и теоретическая механика. По этим предметам предстояло сдавать экзамены в зимнюю сессию. Кроме того, нам преподавали основы марксизма-ленинизма, техническое черчение, технологию металлов: теория и практические занятия в мастерских на металлообрабатывающих станках, сварочных аппаратах и т. д.

Чем больше проходило времени, тем настроение моё становилось всё хуже и хуже... Я сник, пал духом... Я часто вспоминал тётю Цилю, её материнскую заботу обо мне. Мне так хорошо было дома! У меня был свой небольшой письменный стол, полка с книгами, портрет мамы над моей кроватью... Спустя много лет я писал:

...И рябина, и берёза, куст сирени под окном,
Всё в душе моей, а слёзы тихо катят ручейком...

* * *

Не радовали меня и студенческие песни, одну из которых я помню до сих пор:

С первой же минуты Бог создал институты, и Адам студентом первым был.

Адам был парень смелый, ухаживал за Евой, и Бог его стипендии лишил...

От Евы и Адама пошёл народ упрямый, такой неунывающий народ.

Студент бывает весел в период между сессий, а сессии всего два раза в год.

День мы прогуляем, два мы проболтаем, а потом не знаем ни бум-бум!

Выпьем за гулявших, выпьем за несдавших, сессию сдававших наобум.

Без вина и водки сохнут наши глотки, но тому мы скажем наперёд:

«С наше поучите, с наше позубрите, с наше подавайте хоть бы год...»

А вот ещё одна шуточка-прибауточка:

Коперник много лет трудился, чтоб доказать земли
вращенье.

Дурак! Зачем он не напился? Тогда бы не было сомненья!

Так наливай, брат, наливай! И всё до капли выпивай!

Вино! Прекрасное вино! Оно на радость нам дано!

* * *

Заканчивалась вторая неделя моей жизни в Москве. Наступила осень, зарядили дожди... Я простудился, поднялась температура... Болело горло... Мне страстно захотелось бросить всё и как можно скорее бежать из Москвы! Я тут же написал письмо тётке Циле о том, что мне здесь очень

плохо, что я хочу поскорее вернуться домой!..

Ответ на моё письмо пришёл очень быстро. Оно было коротким, резким и обидным... «Какими глазами ты будешь смотреть на учителей, которые дали тебе такие прекрасные знания? – писала тётя Циля. – Ты, конечно, можешь приехать, но тебе придётся наниматься в пастухи, так как ни на что другое ты не способен!» Это письмо, как удар хлыста, отрезвило меня... Я хорошо осознал: обратного пути у меня... нет! Но что же мне делать?

После долгих и мучительных раздумий я пришёл к выводу: лекционный материал, излагаемый студентам, не является личным изобретением того или иного лектора. Наверняка об этом написано в специальных учебниках.

Когда я поправился, я сразу же пошёл в институтскую библиотеку. Моё предположение оправдалось: в толстых фолиантах учебников я нашёл абсолютно всё, о чём нам говорилось на лекциях. Подобно тому как альпинист, взбираясь на крутую гору, карабкаясь по скалам, цепляется за каждый выступ, так и я, читая одно предложение за другим, пытался уяснить его смысл, и лишь после этого, шаг за шагом, двигался дальше. Медленно, постепенно я стал хорошо ориентироваться в материалах лекций. Моя тренированная память сослужила мне верную службу.

Вот так, постепенно, с большим трудом, я начал своё восхождение к вершинам знаний. Одновременно я взялся за черчение. Купил себе готовальню – набор принадлежно-

стей для черчения. Наконец к концу сентября 1948 года я полностью «акклиматизировался»!

* * *

В начале декабря 1948 года началась зачётная сессия, которую я успешно сдал. На 30 декабря был назначен первый экзамен по начертательной геометрии. Не теряя ни минуты, я стал интенсивно готовиться к экзамену. В библиотеке я взял специальный атлас, содержащий решения сложнейших задач. Я разбирал эти решения, переходя от более простых задач к более сложным.

И вот наконец-то настал день экзамена. В экзаменационном билете были три задачи. Требовалось на отдельных форматах выполнить все построения (эпюры), обвести цветной тушью все линии. С этим заданием у меня проблем не возникло. А затем ассистент, его фамилия была Хенкин, стал задавать мне задачи на сообразительность. Это были так называемые задачи-блошки. Одна задача, вторая, третья... С каждой задачей возрастала её сложность. И когда число этих блошек достигло семи, экзамен был закончен, а в моей зачётной книжке появилась желанная оценка – «отлично»! Радость моя была безгранична!

7 января 1949 года я сдал с таким же результатом аналитическую геометрию. Третий экзамен, математический анализ, состоялся 14 января. И вот здесь я потерпел сокрушительное фиаско! Теорию я знал превосходно. Однако навы-

ков в применении этой теории к решению задач, к сожалению, не имел... В итоге – «удовлетворительно»...

Хочу заметить: в начале сентября 1948 года во всех вузах страны было введено положение, согласно которому студенты, получившие хотя бы одну оценку «удовлетворительно», лишались стипендии на весь следующий семестр.

Экзамен по матанализу я сдавал ассистенту кафедры математики. Лекции у нас на курсе читал доцент. Я подошёл к нему с просьбой о пересдаче экзамена. Лектор с пониманием отнёсся к моей просьбе. Он, по-видимому, заметил меня, когда я, сидя в первом ряду, ловил каждое его слово, конспектируя лекции.

«16 января я буду принимать экзамены в другой группе вашего курса, так что приходите с утра пораньше», – сказал мне доцент. Оставшиеся полтора дня я занимался до умопомрачения, в совершенстве овладев приёмами решения самых сложных задач. Я готовился к отчаянной схватке за место под солнцем. В назначенный день я пришёл в институт раньше всех студентов, но мне разрешили взять билет лишь после того, как первая группа студентов, сдав свои зачётные книжки, взяла билеты. Наконец дошла моя очередь. Взяв билет, я демонстративно сел впереди, прямо перед столом экзаменатора. На большом листе я подробно изложил первые два вопроса по теории матанализа. Третьим было дифференциальное уравнение, с которым я легко справился. Хотя билет я взял последним, но работу закончил первым. Я подал доцен-

ту свой труд, сел рядом с ним, ожидая, что он будет гонять меня по всему курсу матанализа. Но этого... не произошло! Не обнаружив у меня ни одной ошибки, лектор поставил мне оценку «хорошо». У меня хватило выдержки не просить его задать мне дополнительные вопросы. Я понимал: ему, еврею, не очень удобно было награждать меня высшей оценкой, если я за два дня до этого получил оценку «удовлетворительно». После сдачи этого экзамена я ходил в деканат и взял направление на пересдачу.

Четвёртый экзамен по теоретической механике я сдал на отлично и с радостью победителя уехал домой в Новгород-Северский на зимние каникулы. В городе моей юности меня ожидал сюрприз: я был приглашён на традиционный вечер встречи выпускников школы со старшеклассниками. 31 января 1949 года на этом вечере мне и моим «коллегам» – Юрию Иванову и Соломону Левину – были вручены серебряные медали.

6 февраля 1949 года я возвратился в Москву. Второй семестр (в психологическом плане) для меня оказался намного легче, хотя в весеннюю сессию мне пришлось сдавать шесть предметов. По четырём из них я получил отличные оценки. Остальные два предмета были сданы на хорошо.

* * *

Когда в конце июня 1949 года я приехал домой на летние каникулы, меня до глубины души поразила новость: в ап-

реле 1949 года на имя директора школы пришло из института письмо, подписанное нашим деканом, профессором И. И. Соловьёвым и комсоргом факультета Азарием Цейтлиным. В этом письме мне была дана блестящая характеристика. Одновременно с письмом был прислан проспект о факультетах МЭИ и высказано пожелание, чтобы среди выпускников школы были желающие поступить в наш институт.

Летние каникулы я использовал, чтобы укрепить своё здоровье. После завтрака уходил на реку Десна, купался, плавал, загорал. А по вечерам я ходил в Дом отдыха, танцевал с девушками, прибывшими из разных мест. К сожалению, отношения с девушкой, которую я любил многие годы, не сложились... О ней мой следующий рассказ.

Глава 13. Любовь первая – безответная...

*Я Вас любил безмолвно, безмятежно,
То робостью, то ревностью томим...
Я Вас любил так искренно, так нежно...*

А. С. Пушкин

*В человеке должно быть всё красиво: и лицо,
и одежда, и душа, и мысли.*

А. П. Чехов

В один из летних дней 1934 года в нашем детском саду появилась новая девочка. Её звали Белла. Она отличалась необыкновенной красотой и редкостным обаянием. На ней было нарядное платье и лаковые туфельки. Волосы были заплетены в две косички с голубыми бантами. Впервые в своей жизни я увидел такую красивую девочку!

Спустя несколько дней, преодолев робость, я подошёл к ней и спросил: «Хочешь, я покажу тебе пароход?» – «Хочу», – ответила малышка. Я взял Беллу за руку и повёл её к деревянному пароходу, стоявшему во дворе детского сада. Я быстро взобрался на палубу парохода, а Белла оробела. «Не бойся, залезай!» – позвал я подружку и протянул ей руку. Она преодолела страх и с моей помощью тоже оказалась на палубе. Я подвёл Беллу к капитанской рубке, ухва-

тился за штурвал и, энергично вращая его, громко воскликнул: «Мы плывём за океаны, в жаркие страны!» Белла была в восторге! Задумавшись на мгновение, она тут же достала из маленького кармана на фартуке небольшой квадратик из станиолевой бумаги и протянула его мне. Я спрятал этот квадратик в карман своих штанишек.

Придя домой, я развернул подарок Беллы и увидел внутри сложенный рубль. Вот так (в буквальном смысле слова!) Белла меня «рублём одарила».

Выше я писал о том, что с 1 сентября 1936 года я начал посещать школу. Однако после удаления миндалин в Киеве я был снова возвращён в детский сад и, таким образом, оказался в одной группе с Беллой.

В сентябре 1937 года я вторично поступил в первый класс. В этот же класс была зачислена и Белла, оказавшаяся впоследствии в числе любимчиков нашей первой учительницы Анастасии Ивановны Кузьменко. С первого класса Белла стала получать похвальные грамоты.

Когда вспыхнула война с фашистами, Белла эвакуировалась в Омск. В отличие от меня, потерявшего из-за эвакуации учебный год, Белла училась без перерыва. Осенью 1944 года она с родителями возвратилась в Новгород-Северский и стала учиться в восьмом классе, опережая меня на класс.

В конце 1944 года мы оба были избраны в комитет комсомола школы. Я стал комсоргом, а Белла – моим заместителем.

лем. Она занималась сбором членских взносов. Однако наша совместная общественная работа никоим образом не способствовала нашему сближению... Мы по-прежнему были далеки друг от друга...

Белла совершенно не знала о том, что я питаю к ней самые нежные чувства, вспыхнувшие в моей душе ещё в детском возрасте...

В начале 1947 года на школьных вечерах стал появляться демобилизованный из армии молодой человек по фамилии Ошеровский. Он был единственным сыном женщины-прокурора нашего города. Невысокого роста, смазливый, он буквально очаровал всех старшеклассниц нашей школы. Белла, к сожалению, не стала исключением...

Ошеровский сразу положил глаз на Беллу и стал навещать её в небольшой домик, в котором Белла жила со своими родителями и домработницей.

Белла не скрывала от меня свою дружбу с Ошеровским. Более того, она мне сказала, что будет поступать в Саратовский мединститут, поскольку Ошеровский намерен учиться в Саратовском юридическом институте.

Однажды, когда я был у Беллы и играл на фортепиано, знакомя свою возлюбленную с новыми советскими песнями военных лет, неожиданно пришёл... Ошеровский! Мне ничего не оставалось, как уйти...

Спустя некоторое время я случайно встретил Ошеровского на улице. Он сообщил мне «благую весть»: с Беллой он

больше не встречается. Она свободна. Но отношение Беллы ко мне не изменилось...

Выше я писал о том, что Белле была присуждена серебряная медаль. Юная медалистка без вступительных экзаменов была зачислена на первый курс Киевского мединститута. В августе 1947 года, в преддверии отъезда Беллы, я стал приходить к ней чуть ли не каждый день. Я предложил ей обменяться фотокарточками. Белла согласилась и подарила мне крошечное фото размером три на четыре сантиметра.

Спустя два дня я решил подарить Белле своё фото большего размера. Когда я пришёл к ней и сказал ей об этом, она, слегка смутившись, сказала мне: «А я не могу тебе вернуть твоё фото». – «Да ладно, не надо», – ответил я и вручил Белле свой второй фотоснимок.

* * *

Ещё раньше я впервые в своей жизни признался Белле в своей безграничной любви к ней. Я клятвенно заверил её в том, что буду любить её всю жизнь. Белла не ожидала от меня такого пылкого и страстного монолога. Она с нескрываемым интересом смотрела на меня: откуда у меня, худосочного недоучки, гадкого утёнка, такие пылкие признания, идущие из глубины сердца?

Перед самой разлукой я предложил Белле переписываться со мной, и мы обменялись адресами. После начала учебного года, в первой половине сентября 1947 года, я написал

Белле письмо. Спустя некоторое время я написал ей второе письмо, но от Беллы ни ответа, ни привета... Я стал теряться в догадках: почему Белла не отвечает на мои письма? Ведь мы же договорились переписываться друг с другом...

Но, как говорится, тайное стало явным... Вот как это произошло. В конце октября 1947 года учительница по русской литературе задала нам написать сочинение. Я уже не помню, на какую тему, но учительница настоятельно рекомендовала мне взять у неё книгу, содержащую критический разбор литературных произведений, изучавшихся в старших классах. Эта книга, по её мнению, должна была помочь мне лучше написать заданное нам сочинение.

Я исполнил просьбу учительницы. Когда, придя домой, я раскрыл книгу, то обнаружил в ней письмо... Беллы (!), адресованное её подруге Берте Рошаль, когда последняя находилась в Киеве и сдавала вступительные экзамены в институт.

При подготовке к экзаменам Берта воспользовалась книгой, взятой у учительницы. Возвращая книгу учительнице, Берта случайно оставила в ней письмо Беллы.

Учительница, естественно, прочла это злополучное письмо, в котором Белла сообщала Берте о том, что я надоедаю ей своими частыми посещениями. В доказательство своих слов Белла послала Берте мою первую фотокарточку.

Когда я прочёл это злополучное письмо, мне стало не по себе... Я был в шоке... «Как же так? – с горечью раз-

мышлял я. – Если я был Белле неинтересен, если надоедал ей своими посещениями, то почему не сказать мне об этом прямо? Зачем надо было быть двуличной?»

Это злополучное письмо поразило меня до глубины души... «Божество», которому я поклонялся долгие годы, явило свой отвратительный лик...

Когда утром следующего дня, придя в школу, я возвращал книгу учительнице, она, взглянув на меня, всё поняла... Злополучное письмо я спрятал на дно своего письменного стола.

* * *

31 января 1948 года в школе состоялся традиционный вечер встречи старшеклассников с выпускниками школы. На вечер пришла также Белла, но я к ней не подошёл. Я решил отложить разговор с ней до лета. На вечере я приглашал танцевать своих одноклассниц, а Беллу в упор не замечал... Самолюбие Беллы было задето, но она не догадывалась, в чём причина откровенного неприятия её.

Прошло около полугода. После окончания выпускных экзаменов в школе, в первой декаде июля 1948 года, я решил пойти к Белле и вручить ей это злополучное письмо. Был тёплый летний вечер. Я подошёл к дому Беллы и постучал. Дверь открыла Белла. «Заходи», – радушно пригласила она меня. «Мне нечего делать в вашем доме. Вот, возьми», – и я протянул ей сложенный вчетверо листок её письма. После

этого я повернулся и стал быстро удаляться от её дома. Моё сердце учащённо билось, кровь стучала в висках... Мне было безумно тяжело...

Я направился в Дом отдыха, однако танцевать не было настроения, и я вскоре ушёл домой...

* * *

Беллу поразило: каким образом её письмо оказалось у меня? Она заподозрила свою подругу БERTУ, но та клятвенно заверила Беллу: мне она письмо не отдавала.

Через пару дней, увидев меня на пляже, Белла подошла, легла рядом со мной и стала выведывать, каким образом её письмо оказалось у меня. За год Белла очень расплнела, её ядовито-бордовый купальник подчёркивал её формы... Я впервые в жизни видел своё бывшее «божество» в таком полюбнженном виде.

Вначале мне не хотелось рассказывать ей о том, как её письмо попало ко мне. Но потом я рассказал ей всё. К величайшему сожалению, Белла не испытывала ни малейшего угрызения совести. Удовлетворив своё любопытство, она тут же удалилась. Извиниться передо мной за свой отвратительный поступок она даже не подумала...

* * *

Прошло ещё полгода. Я уже писал о том, что 31 января 1949 года на вечере старшекласников с выпускниками

школы мне и моим бывшим одноклассникам, Юрию Иванову и Соломону Левину, были вручены серебряные медали. Одновременно серебряную медаль получила Белла.

Мы, все четверо медалистов, сидели за столом президиума и по очереди выступали с благодарственными речами по адресу наших учителей. После официальной части в актовом зале состоялся танцевальный вечер. Обида, нанесённая мне Беллой, к тому времени у меня прошла, и я пригласил её танцевать. Однако я чувствовал: Белла ко мне совершенно равнодушна...

5 февраля 1949 года, за день до моего отъезда в Москву, я решил напоследок сходить к Белле домой и попытаться как-то наладить наши отношения. Я пришёл к ней во второй половине дня. Мы беседовали с ней более двух часов. К величайшему сожалению, Белла была холодна и совершенно равнодушна ко мне. Короткий зимний день клонился к закату. Когда солнце скрылось за горизонтом, в моём сердце погасли последние искорки надежды на то, что мы когда-либо сможем соединить свои жизни, свои судьбы...

Этот свой печальный рассказ мне хочется завершить следующими стихотворными строчками:

Я Вас любил – Вы о другом мечтали,
И Вам в упрёк я много мог сказать...
Да Вы теперь и вспомните едва ли,
О том, что было много лет назад...
Я верил Вам, как верят лишь Надежде,

Но был для Вас ненужным и чужим.
Я Вас любил... Что ж, это было прежде...
Огонь угас... В душе остался дым...

* * *

Белла была красивой девушкой, способной к наукам, к музыке. Однако в морально-этическом отношении она была абсолютным нулём. Избалованная, изнеженная, единственная дочь состоятельных родителей-врачей, никогда не испытывавшая трудностей жизни, Белла уверовала в свою исключительность.

Белла оказалась неспособной ощутить биение моего трепетного сердца. Она не захотела заглянуть в мою душу и хладнокровно отвергла мою самозабвенную любовь к ней. Я любил Беллу... почти полтора десятилетия (!), однако моя любовь к ней оказалась безответной...

Испытав горечь безответной любви, я дал клятву: я люблю девушку лишь в том случае, если она полюбит меня.

Мне суждена была другая девушка. О ней мой следующий рассказ.

Глава 12. Девушка моей судьбы

Конец мая 1945 года. Минуло почти три недели, как закончилась война с немецким фашизмом. Отгремел праздничный салют в честь Великой Победы.

20 мая у меня начались экзамены за неполную среднюю школу – семилетку. В один из последних дней мая, готовясь к очередному экзамену, я услышал стук в дверь. Когда я открыл дверь, я увидел незнакомую девушку с длинными косами, в летнем нарядном платье.

«Вы – Володя?» – спросила меня незнакомка.

«Да», – удивился я.

«Меня послал ваш классный руководитель Адольф Захарович. Он сказал: „Обратитесь к нашему комсоргу. Он даст вам учебники по тем предметам, которые уже сдал“».

Я исполнил пожелание Адольфа Захаровича Бородина и, кроме учебников, отдал незнакомке также свои школьные тетради.

Второй раз я увидел эту девушку в пионерском клубе незадолго до окончания экзаменов. Наш классный руководитель решил подготовить нас к выпускному вечеру. С этой целью он собрал наш класс в пионерском клубе и показал нам элементы популярных в то время танцев: танго, вальс, фокстрот. Затем он распределил всех учеников по парам. Моей партнёршей оказалась новенькая – Роза Вайнштейн.

Так впервые в своей жизни я начал учиться танцевать с милой девушкой.

Пользуясь случаем, хочу подробно рассказать о Розе. Она родилась 27 апреля 1930 года в городе Проскурове (ныне город Хмельницкий) в еврейской семье. Отец Розы Исаак Аронович работал завскладом железоскобяных изделий. Мать Анна Израилевна была домохозяйкой. Роза была вторым ребёнком в семье. Первым был её брат Арон, который был старше Розы на десять лет.

Роза поступила в школу 1 сентября 1938 года. До войны она окончила три класса. В первый день войны их город Проскуров подвергся бомбардировке: фашистские самолёты совершили внезапный налёт... 3 июля 1941 года Роза с родителями на открытой платформе покинула город, спасаясь от немецких фашистов.

Вначале семья Розы приехала в Днепропетровск. Однако немецкие войска стремительно двигались на восток, и семья Розы вынуждена была бежать в Уфу, где жили дальние родственники её отца.

Брат Розы Арон, окончивший три курса Одесского медицинского института, в это время находился в Одессе. В конце августа 1941 года он пешком ушёл из Одессы. Случайно он узнал: девушка, которую он любил, Броня Гервиц, находится в городе Сальске Ростовской области. Арон прибыл туда, однако эвакуированным был запрещён выезд. Советское командование заверило всех эвакуированных (в основном евреев):

немцы в Сальск не придут. Тем не менее Арон решил увезти свою невесту. У Арона было предписание: прибыть в Уфимский мединститут для завершения учёбы – фронту нужны были квалифицированные медицинские кадры.

Чтобы Броню выпустили вместе с Ароном, молодые люди зарегистрировали свой брак 9 сентября 1941 года. Только после этого Арон смог увезти свою юную жену. До войны Броня училась на химическом факультете Харьковского университета и к началу войны окончила три курса. Весной 1943 года Арон, успешно окончив мединститут, ушёл добровольцем на фронт.

23 сентября 1943 года скоропостижно скончался отец Розы, а спустя неделю, 30 сентября, Броня родила сына. Весной 1944 года Роза с матерью, Броней и её сыном переехали в город Коканд (Узбекистан), а спустя год всё семейство переехало в наш город, где жила её тётя с мужем. Вот так Роза оказалась в городе моего детства и юности.

* * *

1 сентября 1945 года я и Роза приступили к занятиям в восьмом классе. Мы сели за одну парту. Я сразу обратил внимание: моя новая знакомая превосходит моих одноклассниц по своим способностям. Я не помню ни одного случая, чтобы Роза не смогла решить самую сложную задачу. Будучи коллективисткой, Роза считала своим долгом на контрольных работах помочь отстающим ученикам. Она быстро

решала свой вариант задания и отсылала шпаргалку по рядам. В этом, кстати, проявилась безрассудность Розы, поскольку передача шпаргалок была категорически запрещена. Я в этом отношении был законопослушным учеником и никогда не нарушал установленный порядок.

Я никогда не отказывал в помощи отстающим ученикам, но во время контрольной работы я всё внимание концентрировал на решении заданных примеров и задач.

* * *

В канун праздника Великого Октября одна из учениц нашего класса Мария Савченко, жившая в собственном доме, предложила всему классу собраться у неё на вечеринку. В этот вечер я много говорил с Розой «об жизни». Однако сближения между нами не произошло, поскольку в то время моё сердце было «оккупировано» Беллой. Поэтому установить с Розой более тесные отношения я не стремился. Любовь к Белле я хранил в глубокой тайне, и никто (включая Розу) об этом не знал.

Моё убийственное равнодушие к Розе задело её. Будучи девушкой эмоциональной, она приняла это близко к сердцу... В порыве откровения Роза поделилась своими переживаниями с женой брата Броней, которая была старше Розы на девять лет. «А давай мы пошлём ему анонимное письмо и назначим ему свидание», – предложила Броня. Роза с необыкновенным энтузиазмом восприняла эту идею.

Из старой открытки были вырезаны розочки и наклеены на лист бумаги.

Броня своей рукой написала короткое письмо, в котором, в частности, мне предлагалось встретиться в четыре часа дня у здания почты. Письмо было отправлено на адрес школы.

«Володя, зайдите к секретарю директора школы. Вам пришло письмо», – сказала мне на перемене одна из наших учительниц. Когда, принеся письмо в класс, я вскрыл конверт и прочёл письмо, то был немало озадачен: кто же является автором этого послания? Тем не менее в указанный в письме день и час я явился на свидание. Прождав возле почты примерно минут двадцать, я ушёл и с горечью подумал: кому это пришло в голову разыгрывать меня? А в это время Роза с Броней, стоя за углом, ликовали: их задумка сработала превосходно! Таким образом, Роза получила возможность убедиться в том, что я не являюсь женоненавистником и ничто человеческое мне не чуждо...

(В скобках хочу заметить: Роза стояла перед дилеммой – либо, клюнув на предложение Брони, послать мне лживую анонимку, либо воздержаться от этой глупой идеи. В этом малозначительном факте скрыт глубинный смысл: мстительность, граничащая с жестокостью, одержала верх над элементарной порядочностью...)

* * *

Весной 1946 года брат Розы Арон демобилизовался и,

приехав в Новгород-Северский, увёз всю семью на родину, в город Проскуров. Летом я получил от Розы письмо с просьбой передать ей её аттестат с оценками за седьмой класс. В письме Роза спросила, как я окончил восьмой класс, а также задала несколько вопросов о её бывших соучениках.

Я исполнил просьбу Розы и написал ей ответное письмо. Так началась наша переписка.

9 апреля 1947 года, когда мне исполнилось 18 лет, я получил от Розы поздравительную телеграмму. Я, в свою очередь, также поздравил её с днём рождения 27 апреля. Роза была моложе меня на один год.

В конце 1947 года, когда мне стало известно о двуличии Беллы, пославшей моё фото, а также письмо своей подружке Берте Рошаль, я по-новому взглянул на наши с Розой отношения. 15 декабря 1947 года я послал Розе в письме своё небольшое фото. Оно сохранилось до сих пор. На своём фото я написал: «На добрую, долгую память дорогой Розочке от её друга Володи. Храни и меня не забывай».

В ответном письме Роза прислала мне своё большое фото (размером с открытку), на котором написала всего два слова: «Лучшему другу».

* * *

Когда я поступил в институт, то вскоре (в начале сентября 1948 года) тётя Циля переслала мне письмо Розы. Однако в ту пору я находился в состоянии тяжелейшей депрессии

и на письмо Розы не ответил. Вот так, по моей вине, наша переписка прервалась...

И вот прошёл почти год. Я успешно закончил первый курс электроэнергетического факультета и приехал на каникулы в Новгород-Северский. Спустя месяц я получил письмо от... Розы! Боже мой! Как возликовала моя душа!

Я тут же написал Розе ответное письмо. Вот так Роза реанимировала нашу «эпистолярную» дружбу. Хочу подчеркнуть: письмо Розы, полученное мною летом 1949 года, ошеломило меня. Я подумал: если Роза (спустя год) снова написала мне, значит, она меня... любит!

В моей памяти всплыл фрагмент письма Татьяны к Евгению Онегину:

Я к Вам пишу – чего же боле?
Что я могу ещё сказать?
Теперь, я знаю, в Вашей воле
Меня презреньем наказать...

На уроке русской литературы учительница нам сказала о том, что только сильное чувство – пламенная любовь к Онегину – побудило Татьяну первой написать ему письмо.

Поэтому второе письмо Розы, полученное мною после почти годичного перерыва, я интерпретировал как проявление любви Розы ко мне. Как пелось в одной из послевоенных советских песен: «Каждому, каждому в лучшее верится...» Это было моим величайшим заблуждением и объясняется

моей склонностью к эйфории...

* * *

На втором курсе у меня сложилась тяжелейшая ситуация... Об этом я подробно расскажу в последующих главах. Именно поэтому письма Розы в тот трудный период моей студенческой жизни стали для меня той нравственной опорой, источником огромной духовной силы, в которой я очень нуждался...

Каждое письмо Розы я воспринимал как подарок Судьбы. Я несколько раз перечитывал драгоценное послание милой девушки. Именно тогда во мне пробудилось чувство большой Любви к своей бывшей однокласснице. Я писал Розе о своей безмерной любви к ней, рассказывал о событиях, происходивших в моей студенческой жизни.

Мои письма производили на Розу неизгладимое впечатление. В любую погоду Роза шла на почту, чтобы получить моё письмо. Так как в ту пору я писал Розе довольно часто, не дожидаясь ответа, то нередко бывали случаи, когда Роза получала одновременно два и даже три письма.

Поскольку Роза не хотела, чтобы кто-либо мог прочесть моё письмо, адресованное ей, то она пожелала, чтобы я писал ей «до востребования».

* * *

9 апреля 1950 года мне исполнился 21 год. В этот день я

написал Розе письмо, которое заканчивалось словами: «В будущем я хочу, чтобы моей женой стала девушка по имени Роза Вайнштейн». Это письмо произвело на Розу неизгладимое впечатление.

Летом 1950 года сестра покойного отца Розы Броня Казанджи пригласила Розу и её маму к себе в гости. Мама Розы-Анна Израилевна не склонна была ехать в Новгород-Северский, однако Роза сумела уговорить свою маму совершить эту поездку.

29 июля 1950 года они выехали из Проскурова (Хмельницкого). Именно в этот день Роза написала мне о своём предстоящем приезде.

3 августа, во второй половине дня, я получил это письмо. Для меня оно явилось полной неожиданностью! Ведь до этого Роза ни одним словом не заикнулась о своём предстоящем приезде. Это письмо я воспринял как гром среди ясного неба! «Роза приехала!» – вскричал я, потрясая её письмом.

Было примерно три часа дня. Светило яркое солнце. Погода была жаркая. Однако я облачился в свой единственный костюм и, обливаясь потом, быстро направился к Розе по указанному в письме адресу. Розу я не видел почти... четыре с половиной года! Когда я, как распаренный красный рак, пришёл к Розе, я её не узнал: она выросла, стала интересной, красивой девушкой! Роза угостила меня стаканом прохладного компота, который оказался более чем кстати.

Спустя некоторое время я предложил Розе пойти погу-

лять. Мы вышли из дома и направились в сквер. Однако я чувствовал себя скованно. Одно дело писать о своих чувствах в письме, а вот так, напрямую, сказать о них у меня не было смелости.

Однако льдинка отчуждения, возникшая в первый момент, со временем растаяла. Я взял Розу за руку. В тот вечер мы долго гуляли и договорились: утром пойдём на Десну купаться и загорать.

Утром следующего дня мы встретились у реки. Мы постелили коврик, Роза села, а я положил ей голову на колени. Роза гладила мои волосы... Спустя два дня, вечером, мы впервые поцеловались... Наша любовь была безгранична!

По утрам мы встречались на пляже, приносили с собой фрукты, а вечерами гуляли по улицам города, сидели на скамейках, обнимались и целовались. Мы много говорили о нашей будущей совместной жизни.

* * *

15 августа 1950 года я и Роза были приглашены на день рождения моего двоюродного брата Миши. Мой отец и Ида тоже устроили обед в честь Розы.

Наши отношения приблизились к той грани, за которой стоит... интимная близость! Однако Роза на это не пошла. Чтобы «узаконить» моё желание, я предложил Розе зарегистрировать наши отношения в загсе. Однако Роза мне ответила: замуж за меня она выйдет лишь после окончания уни-

верситета. В глубине души я понимал: Роза абсолютно права!

Быстро пролетели три с половиной недели наших замечательных каникул! 27 августа я и Роза расстались... Роза не скрывала своих слёз...

Ещё раз хочу повторить: мои прекрасные отношения с Розой, её нежная и трепетная любовь ко мне стали для меня источником огромной нравственной силы в тот период моей студенческой жизни, когда на меня обрушились величайшие невзгоды. Об этих тяжелейших испытаниях мой следующий рассказ...

Глава 15. Беда...

На первом курсе я жил в комнате с ребятами из интеллигентных семей. Это Сева Ситников, золотой медалист из Хабаровска, сын полковника. Вторым был Толя Машинский, мой соплеменник, родом из Свердловска (ныне Екатеринбург). Третьим был Эдик Гедвило, золотой медалист из Тернополя. Четвёртым был испанец Хосе.

У нас сложились нормальные человеческие отношения. Ребята уважали меня за серьёзное отношение к учёбе. Я не курил, не сквернословил, не имел пристрастия к алкогольным напиткам.

Весной 1949 года в конце последней лекции в аудиторию пришёл помощник декана и зачитал список студентов, которым необходимо явиться в семь часов вечера в большую физическую аудиторию. В числе приглашённых оказались двое ребят из нашей комнаты – Сева и Эдик.

Поздно вечером они рассказали мне и Толе (под большим секретом!): их приглашают перейти на вновь организуемый секретный факультет атомной энергетики, обещают повышенные стипендии. Позднее этот факультет получил кодовое название: факультет профессора Новикова.

Впоследствии Толя вычислил: ни один студент еврейского происхождения нашего курса не был приглашён на учёбу на этот секретный факультет. Лично я к этому отнёсся до-

статочно спокойно: меня вполне устраивал существующий способ получения электроэнергии. Однако Толю это событие поразило до глубины души... «Неужели ты не понимаешь? – говорил он, обращаясь ко мне. – Нам, евреям, плюнули в лицо!»

Кстати, одним из самых способных студентов нашего курса был круглый отличник Виктор Порудоминский, мой соплеменник. Он проявил инициативу и подал заявление на «секретный факультет». Однако ему дали от ворот поворот...

Как-то, спустя много лет, я подумал: если бы евреям не был закрыт путь в атомную энергетику, вполне возможно, Чернобыльская катастрофа не произошла бы...

Негативным результатом для меня в то время явилось формирование нашей комнаты. С 1 сентября 1949 года меня подселили в комнату, где жили два участника минувшей войны. При этом один из них был инвалидом: у него была ампутирована нижняя часть ноги... Чисто по-человечески мне было понятно: инвалиду было очень неприятно отстёгивать свой протез в присутствии физически здорового человека... Третий студент был моложе меня на год, но по национальности все они были русскими. За год они сдружились, и еврей (то есть я) им был ни к чему... За моей спиной они сговорились и спустя месяц заявили в студсовет общежития о том, что я неаккуратно выполняю свои обязанности, когда приходит моя очередь нести дежурство по уборке комнаты.

При этом никаких замечаний до этого они мне не делали...

Студсовет незамедлительно отреагировал на требование масс, и меня перевели в другую комнату, где жили студенты, приехавшие из подмосковного города Егорьевска.

Здесь мне стало совсем худо... Однажды утром, проснувшись, я увидел: штанины моих брюк были завязаны тугим узлом... Я был в шоке... Я даже обратился к начальнику студгородка, женщине средних лет. Она с пониманием выслушала мою жалобу, но ничего не смогла сделать...

Выручил меня Толя Машинский. Случайно встретившись с ним, я поведал ему о моей беде. «Я поговорю с нашими ребятами, – пообещал он. – Может быть, они согласятся тебя приютить».

Толя поговорил с ребятами, те дали своё добро, и я переселился к ним. Лично мне от них неприятностей не было, но сами они оставляли желать лучшего: курили, выпивали, играли в карты, ругались «по матушке»...

До восьми вечера я занимался в институтской библиотеке, а затем ходил, как неприкаянный, по улицам Лефортова. С жадностью, как бездомный пёс, я заглядывал в окна домов, где была совсем другая жизнь. Где люди, связанные кровными узами, жили тихо-мирно, слушали музыку, читали, растили детей... Боже мой, как я им завидовал!..

В конце учебного года мы с Толей решили подобрать близких нам по духу троих ребят и поселиться в отдельной комнате. Нам удалось это осуществить. В числе желающих

оказался Арнольд Кофнер, который учился на курс выше. Так что в последующие три с половиной года каких-либо проблем с проживанием у меня не было.

Однако второй курс ознаменовался ещё одной бедой – по комсомольской линии...

Глава 16. Преступление и наказание

В конце октября 1949 года комсорг нашего курса Яков Финкельштейн уведомил меня: решением партбюро факультета я включён в число правофланговых. Уже стало традицией назначать хорошо успевающих и дисциплинированных студентов в качестве правофланговых во время демонстрации на Красной площади.

Задача правофланговых – следить за порядком в своей шеренге, не допуская каких-либо недозволенных выходов. При необходимости надо было нести транспаранты и флаги.

Я спокойно воспринял это известие. Между тем 6 ноября в дневное время должна была приехать из Кисловодска тётя Циля. Я должен был встретить её на Курском вокзале и отвезти её с вещами к нашим родственникам, жившим на Большой Пироговской улице.

К большому сожалению, поезд опоздал на два часа, и я, боясь разминуться с тётей, всё это время пробыл на открытой платформе, обдуваемый холодным, пронизывающим ветром...

Наконец я встретил тётю и проводил её к нашим родственникам, у которых она намеревалась пробыть два дня.

Когда, выполнив свою миссию, я собрался уезжать к себе в общежитие, тётя, прикоснувшись ладонью к моему лбу, попросила дать ей термометр. Когда температура была изме-

рена, термометр показал... 39 градусов Цельсия! Тётя, апеллируя к нашим родственникам, заявила: «В таком состоянии возвращаться в общежитие нельзя ни в коем случае!» Я не стал возражать, тем более я почувствовал сильнейшую слабость и головокружение...

Два дня интенсивного лечения дали положительный результат: температура спала, я чувствовал себя более-менее удовлетворительно. Вечером 8 ноября я проводил тётю до Киевского вокзала и, усадив её в поезд Москва – Киев, поехал в Лефортовский студгородок, в общежитие.

Мой товарищ Толя Машинский рассказал мне: комсорг нашего курса Яков Финкельштейн 6 ноября несколько раз приходил и спрашивал меня. Дело в том, что я должен был нести транспарант, и комсорг хотел, чтобы я заранее взял этот транспарант. Толя мне сказал: мне грозят большие неприятности...

* * *

9 ноября 1949 года, в три часа дня, сразу после окончания лекций, комсорг созвал экстренное заседание комсомольского бюро, на котором был поставлен вопрос о моей неявке на демонстрацию. Даже не пригласив меня, чтобы выяснить причину моей неявки, бюро единогласно приняло решение: меня из комсомола... исключить!

После этого моё персональное дело было передано в факультетское бюро. Там мнения разделились. Я, кстати, был

приглашён на это бюро. Я откровенно обо всём рассказал, ничего не утаивая. Однако, к величайшему сожалению, мне... не поверили! Я внимательно смотрел на лица комсомольских фанатиков, втайне надеясь на то, что кто-либо из них спросит меня: «Кто может подтвердить, что ты действительно был болен и лежал в постели с высокой температурой?»»

Однако никто меня об этом не спросил... После рассмотрения моего персонального дела состоялось голосование. «Радикалы» сумели убедить «колеблющихся» в необходимости изгнать меня из славных рядов ВЛКСМ.

Моё дело переключалось в высшую инстанцию – институтский комитет ВЛКСМ, который обладал правами райкома комсомола. «Комитетчики» единогласно одобрили решения курсового и факультетского бюро. Однако для того чтобы принять окончательное решение о моём исключении из комсомола, требовалось этот вопрос согласовать с деканом нашего факультета, профессором, доктором технических наук И. И. Соловьёвым. Дело в том, что студент, исключённый из рядов ВЛКСМ, подлежал автоматическому отчислению из института.

И вот здесь у «комитетчиков» ничего не получилось: Иван Иванович наотрез отказался отчислять меня! (В скобках хочу напомнить: весной 1949 года на имя директора нашей школы Руденко было направлено из деканата письмо, в котором мне была дана блестящая характеристика отлично успе-

вающего студента.)

«Можете делать с ним всё, что хотите, но отчислять его я не буду!» – решительно заявил наш декан секретарю институтского комитета ВЛКСМ. В создавшейся ситуации комитет ВЛКСМ МЭИ принял решение: вклеить мне строгий выговор с занесением в личное дело...

С той поры (на протяжении свыше... двух с половиной лет!) моя фамилия, оказавшаяся в числе самых отпетых хулиганов и дебоширов, перекочёвывала из одного доклада в другой...

Каждый раз, когда на институтских собраниях и конференциях называлась моя фамилия, я готов был провалиться сквозь землю... Именно тогда я поклялся: никогда, ни за что не вступать в коммунистическую партию. И ныне, спустя десятилетия, я испытываю тайную гордость от того, что не польстился на партийные корочки...

Глава 17. Голубая мечта

В самом начале третьего курса всем студентам предложили выбрать одну из следующих специализаций нашего факультета:

1. техника высоких напряжений (ТВН);
2. релейная защита и автоматизация энергетических систем (РЗА);
3. гидроэлектростанции (ГЭС);
4. тепловые электростанции (ТЭС).

Я подал заявление с просьбой принять меня на ТВН, по которой для меня были бы открыты большие возможности в области конструирования и исследования сверхвысоковольтной аппаратуры. Однако, к сожалению, мне отказали из-за моего еврейского происхождения... В группу численностью двенадцать человек приняли лишь одного еврея – Витю Порудоминского, круглого отличника, которому, кстати, отказали в переводе на факультет атомной энергетики.

Из оставшихся трёх вариантов я отдал предпочтение ГЭС. Специализация по РЗА меня отталкивала из-за невероятной сложности вторичных электрических цепей. Когда я смотрел на чертежах хитросплетения сложнейших схем, мне стало не по себе... Где-то на подсознательном уровне я убедился в том, что я не технарь...

* * *

По окончании третьего курса я в составе группы студентов выехал на свою первую производственную практику – Свирскую ГЭС под Ленинградом.

Из Ленинграда мы доехали поездом до посёлка Лодейное поле, а оттуда на пароходе – на саму ГЭС. Разместили нас в здании школы, выписали пропуска, и вот мы на ГЭС. Всех студентов разделили на три группы, закрепив каждую за ДИ-Сом – дежурным инженером станции.

Вначале мы совершили экскурсию по гидротехническим сооружениям, побывали в турбинном цехе, и вот, наконец, мы попали в святая святых ГЭС: главный щит управления! На 20 пульт-панелях (по числу гидроагрегатов) подрагивали стрелки электроизмерительных приборов. Красные лампочки сигнализировали о включённом положении высоковольтной аппаратуры. За пульт-панелями располагались большие металлические щиты с бесчисленным множеством сверхчувствительных устройств релейной защиты и автоматики.

Как-то пришлось мне с ребятами выйти в ночную смену. Я вышел на смотровую площадку, обращённую к водохранилищу. В небе светила луна, и лунная дорожка прочертила след по водной глади. А на глубине 25 метров мощные потоки воды, врываясь в спиральные камеры, обрушивались на лопасти гидравлических турбин, заставляя их вращаться с бешеной скоростью. Турбины вращали роторы генераторов, создающих сильное магнитное поле, пересека-

ющее обмотки статоров, на выводах которого индуцируется смертоносное напряжение в 6000 вольт, которое посредством трансформаторов повышается до 220 тысяч вольт. Электроэнергия уходит по проводам высоковольтных линий электропередач, обеспечивая миллионам людей свет и тепло, необходимые для нормальной жизни.

* * *

Разумеется, за минувшие полвека техника шагнула вперёд. Появились телевидение и магнитофоны, персональные компьютеры и телекоммуникации. Но все они мертвы без эликсира жизни, каковой является электрическая энергия!

Для меня, делавшего в детстве уроки при свете керосиновой лампы, а в эвакуации – при свете коптилки, стать специалистом в деле получения чудесного «эликсира жизни» было в высшей степени почётно.

Немаловажную роль сыграло другое обстоятельство. Уроженец маленького провинциального города, находящегося на берегу Десны, я очень любил Новгород-Северский, уютный зелёный городок, утопающий в вишнёвых и яблоневых садах. Мне нравился старинный тенистый парк, зелёные склоны холмов, подступающих к реке, песчаный пляж на берегу Десны, окаймляющей город, имеющий тысячелетнюю историю.

ГЭС – это удивительное сочетание новейших достижений электроэнергетики и природы: река, острова, лес. Уютный

посёлок энергетиков Свирской ГЭС, благоустроенные дома, палисадники и фруктовые деревья – всё это напоминало мне город моего детства и юности...

Вот так в моей душе сформировалась голубая мечта – жить и работать на ГЭС!

В свободное от производственной практики время мы с моим приятелем Артёмом Бондаренко брали лодку у одного из ДИСов и уплывали вверх по реке. Причалив к берегу, мы плавали, загорали, одним словом – наслаждались жизнью! Однако эти маленькие радости были омрачены новой большой бедой...

Глава 18. Беда не приходит одна...

С дядей Ароном я прожил многие годы. Если тётя Циля действительно заменила мне мою покойную маму, то дядя Арон если и не проявлял ко мне каких-либо отцовских чувств, то по крайней мере относился терпимо к моим капризам.

Минувшие годы сблизили нас, и когда дядя ушёл на фронт, я часто писал ему. Его солдатские письма-треугольники со штампом «Проверено военной цензурой» всегда доставляли мне и тёте Циле огромную радость. Летом 1944 года, когда от дяди не было писем больше месяца, я чуть с ума не сошёл, опасаясь, что он погиб...

Мы с тётей были безмерно рады, когда дядя, здоровый и невредимый, после демобилизации в июле 1945 года вернулся домой. Я гордился им, его боевыми наградами. Для меня его слово было законом. Как-то вскоре после его прибытия я попросил дать мне папиросу. «Тебе курить нельзя, – сказал он мне. – С таким здоровьем, как у тебя, не курят». Вот эта забота, внимание ко мне поразили меня до глубины души... С той поры я никогда не курил!

В этой связи мне вспомнился другой случай. 6 ноября 1944 года в единственной в городе столовой, входившей в состав горторга, был устроен праздничный вечер по случаю 27-й годовщины Октябрьской революции.

Проработав во время летних каникул в горторге три месяца, я на законных основаниях также пришёл в эту столовую. На столах, сдвинутых в две линии, были поставлены разнообразные кушанья, а также сосуды с выпивкой. Желая продемонстрировать, какой я крутой, я налил себе полный стакан водки и залпом выпил эту водку под одобрительные возгласы окружающих... Когда вскоре появился мой отец, сотрудники рассказали ему о моём «подвиге». Отец очень спокойно воспринял эту мою выходку... Он должен был знать: алкоголь для всех людей, и для меня в особенности, является сильнейшим ядом!

* * *

После возвращения из армии дядя стал работать на престижной должности заведующего базой. Он ездил за товарами, в числе которых была водка. В ту послевоенную пору стеклотара была в большом дефиците, поэтому водка продавалась населению «в разлив».

На одном из ликёроводочных заводов, куда мой дядя приехал за товаром, ему предложили очень выгодное дело: ему будут отпускать не водку, а... спирт-ректификат! Дядя должен будет путём разбавления этого спирта обычной водой довести этот раствор до кондиции, то есть до 40 градусов. К величайшему сожалению, у дяди не хватило силы воли отвергнуть это коварное предложение...

Хочу обратить внимание на следующее чрезвычайное об-

стоятельство. Каждый человек, будь то завбазой или рядовой продавец магазина, должен быть знаком со зловещей аббревиатурой ОБХСС – отдел борьбы с хищениями социалистической собственности, который непременно существует в каждом райотделе МВД СССР.

И поэтому дядя должен был в принципе отвергнуть это скользкое предложение. Он должен был популярно объяснить: он не намерен мотать срок, будучи в заключении. Кстати, работники этого завода тоже осознавали: им тоже грозят неприятности, если дядя привезёт с этого завода спирт-ректификат. Поэтому они рекомендовали дяде по пути в наш город остановиться в каком-либо селе и взять воду из колодца.

Этот факт был замечен грузчиком Бельдягой, который по прибытии в наш город настучал в органы. Дядя был арестован и доставлен в милицию...

Когда дядя не пришёл с работы, проведя всю ночь в КПЗ – камере предварительного заключения, я и тётя Циля не сомкнули глаз всю ночь... Я тогда решил после окончания школы поступить в военное училище, чтобы быть на государственном обеспечении...

Поскольку мой отец был в хороших отношениях с начальником ОБХСС, то было решено это дело замять, но этот начальник поставил условие: дядя должен быть отстранён от должности заведующего базой и переведён на другую работу. Дядю перевели на должность рядового продавца в один

из продовольственных магазинов.

Однако «ищейки» ОБХСС на этом не успокоились: ведь дядя отделался малой кровью... Они решили подстроить дяде ловушку: они подговорили какую-то женщину прийти в магазин и купить полкило сливочного масла второго сорта, а затем заявить в торговую инспекцию о том, что дядя взял с неё деньги по цене первого сорта. Хочу обратить внимание на следующее обстоятельство: в первые послевоенные годы не было кассовых аппаратов, и поэтому деньги брались наличными, без выдачи чека.

Пришёл торговый инспектор и в присутствии этой женщины, с её слов, составил акт о так называемой пересортице...

Дядя, испытывавший прелести пребывания в КПЗ, очень испугался. Вместо того чтобы пожаловаться моему отцу на случившееся, он, охваченный страхом, примчался домой, натолкал в дорожную сумку необходимые вещи, взял свои документы, не выписавшись в паспортном столе, бежал из города...

* * *

Дядя поехал к брату моего отца, дяде Грише, жившему в Апрелевке Московской области. Однако устроиться там на работу он не смог, поскольку требовалась подмосковная прописка...

Дядя решил уехать в Саратов к своей сестре Анне Перель-

ман. Перед поездкой в Саратов дядя заехал ко мне в общежитие, чтобы повидаться. Это была грустная встреча... Я никак не мог помочь дяде...

В Саратове дядя встретился со своим племянником Се-вой, который за десять лет своей службы прошёл путь от рядового преподавателя танкового училища до его начальника! Он имел звание полковника и сумел договориться о прописке в Саратове. После этого дядя устроился на работу, а 10 августа 1950 года к нему поехала тётя Циля. Я тогда перешёл жить к отцу. Хочу напомнить: в то время в наш город приезжала Роза, и я всё время проводил с ней.

* * *

В январе 1951 года во время зимних каникул я ездил в Саратов повидаться с тётей и дядей. Они снимали комнату в частном доме, худо-бедно как-то устроились. Дядя работал, а тётя занималась домашним хозяйством.

После отъезда из Саратова я регулярно писал им и получал их ответные письма. Однако поздней весной 1951 года я обратил внимание на то, что отвечала на мои письма только тётя. Мне показалось это странным, но я не придал этому значения: вскоре должны были начаться экзамены.

После летней сессии я с группой студентов уехал на практику: на Свирскую ГЭС. Вернувшись в Москву в конце июля 1951 года, я спустя два дня выехал со своими сокурсниками в город Батайск Ростовской обл., на лагерные сборы в Батай-

ское высшее авиационное училище лётчиков-истребителей имени Анатолия Серова.

Дело в том, что сразу после окончания Великой Отечественной войны в целом ряде технических вузов были созданы военные кафедры. Не стал исключением и МЭИ. Нашу военную кафедру возглавлял генерал-лейтенант авиации Грендаль. Нас готовили военными инженерами по электро- и радиооборудованию боевых самолётов.

После сборов я снова вернулся в Москву. В общежитии производился ремонт, поэтому я вынужден был заехать к нашим родственникам. У них я и узнал страшную весть: в Саратове дядя Арон был... арестован! Тётя Циля вернулась одна в Новгород-Северский... Это известие для меня явилось сильнейшим ударом...

* * *

В то время лето было в самом разгаре. Купить билет на поезд из Москвы удалось лишь спустя неделю. Мне пришлось эту неделю торчать в Москве и жить у родственников. Чтобы не обременять их, я с утра пораньше уходил на целый день из квартиры, слонялся по паркам, скверам, думая свою горькую думу...

23 августа 1951 года я прибыл в Новгород-Северский. По случайному совпадению в этот день состоялся суд над дядей Ароном... Его осудили на... пять лет (!) тюремного заключения... Мы с тётей Цилей оказались в тяжелейшем

шоке... Мне было стыдно выйти на улицу... Спустя неделю, 30 августа, я уехал в Москву...

Завершая это печальное повествование, хочу дополнить его следующим фактом. Вскоре после начала занятий я получил от дяди Арона письмо, в котором он просил меня присылать ему сахар и сливочное масло в стеклянных банках, чтобы ублажать тюремного врача, который мог дать ему освобождение от тяжёлых физических работ...

В ту послевоенную пору посылки с продуктами из Москвы и Московской области не принимались. Мне приходилось по воскресеньям вставать рано утром и выезжать в Тульскую область, чтобы отправить эти посылки... Возвращался я под вечер, скрывая от своих ребят по комнате, куда и с какой целью я отправляю эти посылки...

* * *

Моего отца также не миновала чаша страданий... Правда, это было совсем по другому поводу... Вот как это случилось. Новый заведующий базой Добкин и завмаг Агроновский решили (в целях выполнения товарооборота), нагрузив автомашину товарами (посуда, кухонная утварь и другое), съездить в близлежащий промышленный город Шостка Сумской области и реализовать на рынке привезённую продукцию. Торговля шла бойко. Однако «коммерсанты» завысили цены по сравнению с теми ценами, которые были указаны в накладной.

«Ищейки» ОБХСС Шосткинского ОВД засекали факт спекуляции... «Варяги» из Новгорода-Северского были схвачены. О случившемся тут же было поставлено в известность областное УВД (в городе Сумы). Дело приобрело широкий размах... В конечном итоге не только арестованные работники Новгород-Северского горторга, но и мой отец, возглавлявший это учреждение, сели на скамью подсудимых... Добкин и Аграновский загремели на тюремные нары, а отец (за проявление халатности) был отстранён от занимаемой должности... Ему присудили отдавать 20% будущей зарплаты (в течение года) в пользу государства... По партийной линии он схлопотал «строгача с занесением...»

Многие годы безупречного труда на ниве советской торговли были перечёркнуты этим нелепым случаем...

* * *

Хочу заметить: отец хорошо знал нравы советской власти. Он был убеждён: с советской властью нельзя шутить. Советскую власть надо любить! И отец любил её.

Высшая городская элита: первый секретарь райкома партии, председатель горисполкома, начальник горотдела милиции, прокурор города и другие «шишки» – систематически получала дары от отца.

Отец хорошо знал нормативы естественной убыли товаров: усушки, утруски и так далее. Эти нормативы позволяют

накапливать излишки. Вот за счёт накопления этих излишков в магазинах горторга комплектовались картонные коробки с дорогостоящими товарами: вина, копчёные колбасы, цитрусовые, шоколад, конфеты, консервы, которые по распоряжению отца и от его имени развозились по квартирам вышеупомянутых должностных лиц.

* * *

Желая укрепить свою «дружбу» с властями, отец устраивал по праздникам пышные застолья, где вино лилось рекой... Он напаивал именитых гостей, а затем откалывал лезгинку. «Асса!» – восклицал громко он, веселя гостей... Мне было горько и больно смотреть на отца, как он изгаляется перед властями города... Умом я хорошо понимал: с его трёхклассным образованием это был единственный способ удержаться в директорском кресле. И тем не менее на душе было отвратительно...

Забегая вперёд, хочу добавить: отец с Идой и 18-летней Викторией вынуждены были переехать в эту злосчастную Шостку, где можно было устроиться на работу. На пороге своего 50-летия отец устроился... экспедитором (!) в отдел снабжения завода химических реактивов. Это случилось весной 1952 года.

А в конце августа 1951 года, когда отцу ничто не предвещало беды, лишь жестокая драма дяди Арона отравляла жизнь всех нас, кто был лично с ним связан...

* * *

Перед отъездом в Москву на занятия в МЭИ я зашёл к отцу попрощаться. Когда я пришёл к нему на квартиру, он протянул мне письмо от... дяди Саввы! Мамин брат обращался к отцу с просьбой сообщить ему... о судьбе Владика! Оказывается, дядя Савва через Центральное адресное бюро в Москве узнал координаты отца и написал ему письмо в достаточно корректной форме. Это письмо я воспринял как гром среди ясного неба!

По прибытии в Москву я сразу написал письмо в Батуми и рассказал всё о себе. Благо мой «имидж»: обладатель школьной медали, студент-отличник одного из лучших технических вузов страны – давал мне возможность представить себя в самом лучшем свете. Лишь о жестокой драме дяди Арона я умолчал...

Так завязалась моя переписка с родственниками моей покойной мамы. Ответили мне тётя Мария и её дочь Лидия, которая была моложе меня на один год. Меня пригласили приехать летом 1952 года в Батуми.

* * *

Окончание четвёртого курса ознаменовалось приятным для меня событием: в многотиражной институтской газете «Энергетик» я был упомянут как один из самых примерных студентов нашего электроэнергетического факультета.

На своём четвёртом курсе я стал лидером по курсовому проекту «Сети электрических систем». Вот так, спустя два с половиной года, ушло в небытие моё «позорное прошлое» – неявка на демонстрацию 7 ноября 1949 года.

В преддверии второй производственной практики я попросил направить меня на Краснополянскую ГЭС в районе города Сочи, откуда до Батуми рукой подать. Однако число мест для размещения практикантов было невелико, и мне отказали... Правда, взамен предложили практику на Баксанской ГЭС, находящейся на Кавказе, в Кабардино-Балкарии, в сорока километрах от города Нальчик.

* * *

30 мая 1952 года я вместе с группой сокурсников выехал на производственную практику. Поезд Москва – Нальчик стремительно мчался на юг. В окна вагона влетал свежий ветер с зелёных полей. Становилось всё теплее и теплее. По истечении трёх суток мы прибыли к месту назначения – в посёлок энергетиков возле самой ГЭС. Нас разместили в общежитии, в трёхкомнатной квартире.

Практика на Баксанской ГЭС мне запомнилась на всю жизнь... Именно там молодая учительница по имени Мадина преподавала мне впечатляющие «уроки», о которых речь пойдёт в следующей главе.

Глава 19. Магина и её «уроки»...

Начало июня 1952 года. Производственная практика ничего интересного не дала. Станция маленькая. После смены на ГЭС мы были предоставлены самим себе. Никому до нас не было дела. Поэтому когда кто-то из ребят объявил о том, что в клубе посёлка энергетиков состоится вечер танцев, я охотно пошёл вместе со своими сокурсниками.

Придя в клуб, я обратил внимание на высокую эффектную блондинку и пригласил её на танец. Однако, к величайшему сожалению, она танцевала неуклюже, скованно. По видимому, из-за своего роста в танцах она была ведущей, а в роли ведомой она не могла освоиться. Впору было прервать с ней танец, но я пощадил самолюбие девушки и худо-бедно всё-таки танцевал с ней до конца.

Уже во время танца с ней я стал смотреть на других абorigенок. Мне повезло: я заметил девушку с приятной внешностью. Как только я закончил танец с блондинкой, я сразу же оставил её, а сам направился в сторону той девушки, которая мне понравилась. Эта другая девушка стояла вместе со своими подругами и что-то им рассказывала.

Как только заиграла музыка, я тут же подошёл к этой девушке и пригласил её на танец. «Прошу», – обратился я к ней. Мы начали танцевать. Незнакомка танцевала превосходно! Среднего роста, шатенка, в нарядном платье. Кашта-

новые локоны, ниспадая на плечи, окаймляли её красивое лицо с правильными чертами.

Когда правой рукой я обнял её за талию, я ощутил под тонким шёлковым платьем её упругое тело... Я не удержался и крепко прижал её к своей груди... И в этот момент кровь закипела в моих жилах, я ощутил сильное влечение к ней. Её губы оказались в нескольких сантиметрах от моих губ... Мои мысли смешались, я не знал, о чём говорить с незнакомкой, как начать разговор.

Однако девушка сама проявила инициативу. До сих пор помню наш диалог во время танцев. Забегая вперёд, скажу: девушку звали Мадина. Она окончила учительский институт и работала учительницей в младших классах.

«Вы приехали к нам из Москвы?» – спросила Мадина.

«Да, на практику, на вашу ГЭС», – ответил я.

«Ну и как Вам наша станция?» – задала снова свой вопрос Мадина.

«Ваша ГЭС очень маленькая, всего три гидротурбины. Только за счёт напора в сто метров удаётся получить приемлемую мощность, – профессионально разъяснил я. – Вот в прошлом году я был на практике на Свирской ГЭС под Ленинградом. Вот это действительно станция! В машинном зале размещены двадцать гидрогенераторов, стоят как на параде», – добавил я.

«Наверное, Вы скучаете по Москве?» – вновь спросила Мадина.

«Да нет, представьте себе, совершенно не скучаю, – ответил я. – Ведь я не москвич. Я приехал из маленького украинского городка Новгород-Северский. Вы, наверное, помните „Слово о полку Игореве“? Так вот, легендарный князь Игорь, воевавший с половцами в конце двенадцатого века, был князем Новгород-Северским!» – с гордостью произнёс я.

«Трудно было сдавать вступительные экзамены в институт?» – продолжила «допрос» молодая учительница.

«А я не сдавал вступительные экзамены», – ответил я.

«Как не сдавали?» – не поняла девушка.

«А я окончил школу с медалью», – с гордостью ответил я.

«Ну а на экзаменах во время сессий были тройки?» – не унималась Мадина.

«Ни одной! – торжественно провозгласил я. – Вы ведь знаете: с тройками лишают стипендии».

«У Вас есть девушка в Москве?» – спросила Мадина. И вот здесь я как-то стушевался, сразу не ответил, и Мадина это сразу заметила...

«Да нет у меня никакой девушки в Москве», – честно признался я. О том, что у меня есть девушка во Львове, я не сказал.

Однако с этого момента Мадина мне уже не верила. Она прекрасно видела, как я прикипел к ней, танцую только с ней. Да и сам я высокий, атлетического сложения, отличник учёбы, спортсмен. Не может быть, чтобы у меня в Москве не было девушки!

Между тем наша беседа продолжалась.

«Вообще, у вас здесь очень хорошо, много зелени, так легко дышится после загазованной Москвы. А ваш парк – это просто чудо!» – воскликнул я.

В этот момент в танцах был объявлен перерыв.

«Вы, наверное, хотите покурить?» – спросила Мадина.

«Да нет, я вообще-то не курю», – уточнил я.

«Вы ещё скажете, что не выпиваете», – заявила Мадина.

«Ну конечно, я спиртное в рот не беру!» – сказал я.

«Не может этого быть!» – воскликнула Мадина.

«Честное слово!» – решительно заявил я своей новой знакомой.

Наконец вечер танцев закончился, и молодёжь направилась к выходу из зала. Было ещё довольно светло. Мне совершенно не хотелось расставаться с милой девушкой, и я спросил её: «Вы не возражаете, если я провожу Вас до дома?» – «Не возражаю», – с улыбкой ответила Мадина, однако недоверие ко мне ещё больше усилилось... Так кто же я такой на самом деле? Эта мысль бередила душу Мадины.

Что касается меня, то я оказался в состоянии величайшей эйфории! За эти пару часов, которые я провёл на вечере танцев с Мадinou, я почувствовал к ней сильное влечение... У меня возникло ощущение, что я знаю Мадину многие годы...

Не спрашивая её разрешения, я по-свойски взял её за руку и крепко сжал её ладошку. Этот мой поступок ещё больше

обеспокоил Мадину...

Мы пошли в сторону посёлка Баксан, расположенного западнее посёлка энергетиков. Проходя мимо спортивной (волейбольной) площадки, я увидел скамейку. «Давайте посидим», – предложил я Мадине. Она согласилась, однако её нервное напряжение достигло апогея, о чём я совершенно не догадывался... «Чего это он удумал?» – по-видимому, размышляла Мадина...

Когда мы сели на скамейку, я полуобнял Мадину. И тогда произошло невероятное: Мадина, словно ужаленная, вскочила со скамейки и, отбежав на несколько шагов, обрушилась на меня шквал несусветных обвинений! С невиданным пылом и страстью она стала кричать на меня, обвиняя меня в... сексуальных домогательствах! Это было невероятно! Это было чудовищное обвинение! Я был ошеломлён!.. У меня вообще не было никакого опыта сексуального общения! Что касается Мадины, то самое большее, на что я рассчитывал, – это поцеловать её...

Между тем Мадина на разные лады твердила: все мы, мужики, одним миром мазаны. Нам бы только получить удовольствие, а что потом будет с девушкой – нам на это наплевать!..

* * *

Эта внезапная психологическая атака буквально парализовала меня! Моё тело налилось какой-то тяжестью... Я

не мог рта раскрыть, языком пошевелить, чтобы хоть что-то сказать в своё оправдание... Я не мог вымолвить ни одного слова! Моё молчание ещё больше распалило Мадину: она была совершенно убеждена в своей правоте!..

Я сидел на скамейке, втянув голову в плечи, и не мог пошелохнуться... Мне хотелось только одного: чтобы Мадина поскорее умолкла... Выслушивать её несусветные обвинения у меня не было никаких сил...

Исчерпав полностью весь запас своего красноречия, Мадина в конце концов умолкла, будучи совершенно уверенной в том, что я и есть один из тех наглецов, кто губит невинные девичьи жизни...

Воцарилась гнетущая тишина... До меня наконец-то дошло: надо что-то делать. С невероятным усилием я поднялся со скамейки. Мне было не по себе... Втайне я надеялся, что теперь-то Мадина наверняка откажется от моих услуг. Я спросил её, еле выговаривая слова: «Так Вас проводить или теперь уже не требуется?» – «Проводите!» – резко и недовольно ответила Мадина.

* * *

Мы снова продолжили путь к её дому. Я шёл рядом с ней, стремясь не задеть её локтем. Каждый из нас думал о своём. Мы шли в скорбном молчании...

Я полностью утратил представление о времени. Мою душу терзала лишь одна мысль: как бы поскорее расстаться

с этой буйной амазонкой...

Наконец Мадина произнесла: «Вот мой дом». Не говоря ей ни слова, я круто повернулся на 180 градусов и быстрым шагом стал удаляться от этой злобной мегеры.

В небе ярко светила луна. Вокруг – ни души! Я шёл посреди дороги, не испытывая ни малейшего страха. Лишь одно терзало мою душу: как мог скрываться под неотразимой, восхитительной внешностью прелестной девушки сущий дьявол! И невдомёк мне было, что я сам спровоцировал своими безрассудными поступками безумную выходку Мадины...

* * *

Наконец вдали показались дома посёлка Энергетиков. Вскоре я подошёл к дому, где было наше общежитие. К счастью, дверь была не заперта, и я, осторожно ступая, прошёл в комнату, где находилась моя койка. Я тихо разделся и улёгся в постель, однако заснуть никак не мог: сильнейшее потрясение, пережитое мною, бередило мою неприкаемую душу... Лишь под утро я задремал, однако вскоре (в семь утра) один за другим встали мои товарищи. Мне ничего не оставалось, как последовать их примеру. Я только опасался, что ребята начнут спрашивать меня, где это я так поздно шлялся. Но, к счастью, всё обошлось.

Мы все торопились на ГЭС, и ребятам было не до меня. По пути мы зашли в столовую, чтобы позавтракать, а отту-

да – на станцию.

В этот день на ГЭС проводились ремонтные работы, и нам велели заниматься в техническом отделе, изучать чертежи и электрические схемы электрооборудования.

Мне достался толстый том чертежей релейной защиты гидрогенератора. Я развернул огромный чертёж и тупо смотрел на бесчисленные линии электрических соединений. У меня нестерпимо болела голова... В глазах рябило... Этот день после практически бессонной ночи обернулся для меня сущей пыткой...

* * *

Лишь спустя трое суток я наконец-то пришёл в нормальное состояние, а пережитое после злополучного вечера танцев вспоминалось мне как страшный, кошмарный сон...

Спустя несколько дней кто-то из ребят снова объявил: в клубе энергетиков состоится вечер танцев. При одном воспоминании, чем закончился для меня предыдущий вечер танцев, мне стало не по себе... Поэтому я твёрдо решил: больше моей ноги в клубе не будет!

Ребята ушли на танцы, а я, взяв с тумбочки кем-то привезённую из Москвы книгу Василия Ажаева «Далеко от Москвы», ушёл в парк.

Усевшись на скамейку на центральной аллее парка, я углубился в чтение. Роман оказался очень интересным.

Спустя некоторое время я услышал, как кто-то произнёс

рядом со мной: «Здравствуйтесь!» – «Здравствуйтесь», – машинально ответил я и, подняв голову, увидел перед собой... Мадину! Я глазам своим не поверил и оторопел от неожиданности...

Уж кого-кого, но эту фурию я никак не ожидал увидеть возле себя... Затравленным взором я уставился на эту буйную дамочку и ждал: что же будет дальше?

Мадина, как и в прошлый раз, была одета в нарядное платье. От неё исходил тонкий аромат духов, а лицо озаряла приветливая улыбка.

Однако я не разделял оптимизма Мадины. В моей памяти тотчас же всплыла отвратительная картина скандала, который закатила мне Мадина после танцев на спортплощадке...

«Можно мне присесть на скамейку?» – невинным и кротким голосом спросила непрошенная гостья. «Садитесь», – недовольно ответил я, а сам (на всякий случай) сместился на самый край скамейки, давая Мадине ясно понять: никаких отношений с ней я иметь не желаю! Мне было очень неприятно видеть эту особу, доставившую мне столько неприятных переживаний...

«Вы, наверное, всё ещё сердитесь на меня?» – спросила Мадина.

«Да чего уж там...» – мрачно ответил я и опустил голову, упёршись взглядом в землю, давая ясно понять Мадине: убиралась бы от меня как можно скорее...

«Нет, я чувствую: Вы продолжаете на меня сердиться!» –

с ангельской улыбкой и игривым тоном настаивала Мадина. Я не стал разубеждать её в этом... «Сердиться» – это не то слово! Я откровенно ненавидел появившуюся нежданно-негаданно строптивую собеседницу... И вообще – лучше бы она сматывалась отсюда подобру-поздорову...

Встать самому и уйти от неё у меня, к величайшему сожалению, не было никакой решимости...

* * *

Между тем моя отчуждённость лишь раззадорила Мадину. Повиниться передо мной, попросить прощения за содеянное – на это Мадина оказалась не способной...

Тем не менее она решила во что бы то ни стало восстановить между нами те отношения, которые возникли в клубе на вечере танцев.

Мадина решила воздействовать на меня по-другому. Женская интуиция подсказала ей, что надо сделать.

«Можно мне Вас поцеловать?» – неожиданно спросила меня Мадина. Я посмотрел на неё непонимающим взглядом.

«Что она себе думает? Да как она может такое говорить?» – эти вопросы захлестнули меня. Я онемел от изумления! На вечере танцев я почитал бы за счастье припасть к её чувственным, обольстительным устам. Но после того страшного скандала как вообще можно заикаться об этом?! Просто невероятно!

Однако Мадина, не ожидая моего согласия, быстро вста-

ла со скамейки и, наклонившись ко мне, схватила ладонями мою голову и впиалась своими губами в мои губы!

Всё произошло так быстро, что я не мог опомниться, а её страстный поцелуй был таким долгим, что я чуть не задохнулся...

Когда я, в свою очередь, хотел Мадину поцеловать, она тут же сказала: «Давайте уйдём отсюда за эти кусты. Там есть другая скамейка. Здесь нас могут увидеть...»

Я покорно повиновался обольстительнице.

* * *

Примерно в десяти метрах от главной аллеи, в кустах, стояла точно такая же скамейка. Когда мы уселись, я сжал Мадину в своих объятиях и стал осыпать её лицо жаркими поцелуями. Меня охватила безумная страсть...

Спустя некоторое время я немного утихомирился. Мадина была явно смущена: она никак не ожидала такого бурного проявления моего природного инстинкта...

«А Вы тоже хороши, – сказала она. – Не успели познакомиться, а Вы стали обнимать меня... Ведь я бог весть что о Вас подумала. Откуда я знала, что Вы ещё мальчик?»

Но в тот момент мне было всё равно, кто я – мальчик или девочка... Обольстительная Мадина была в моих объятиях, и я мог целовать её столько раз, сколько мне захочется!

Вот этот всплеск безумной страсти к Мадине затмил мой разум... Видеть Мадину, слышать её ласковый голос, ощу-

щать на себе её любящий взгляд, видеть её нежную улыбку – большего счастья для меня не было! Мадина буквально околдовала меня... Я думал только о ней и ни о ком другом! Я готов был идти за Мудиной куда угодно, хоть на край света!..

* * *

О том, что я «мальчик», Мадина узнала от наших ребят. Ещё ночью, когда я пошёл провожать её, вопреки учинённому ею скандалу, в душе Мадины зародилось сомнение: а может быть, она напрасно набросилась на меня? Возможно, у меня и в мыслях не было намерения... изнасиловать её?!

Несколько дней Мадину терзали сомнения: так кто же я – прекрасный молодой человек или... сексуальный маньяк?!

Спустя неделю, придя на танцы и, не увидев меня, Мадина подошла к нашим ребятам и спросила обо мне. Одновременно она узнала: всё, что я рассказывал о себе, – это истинная правда!

Мадина, осознав, что она совершенно напрасно набросилась на меня с руганью и несусветными обвинениями, решила во что бы то ни стало восстановить наши первоначальные отношения! Своё намерение она осуществила превосходно!

* * *

Вскоре Мадина сообщила мне: в столице Кабардино-Балкарии, городе Нальчике, состоится республиканский смотр

учителей начальных школ. Мадина спросила меня: хочу ли я поехать вместе с ней. Я не раздумывая ответил согласием.

И вот мы мчимся в грузовой машине, расположившись в кузове на охапках сена. Мы лежали в обнимку, не замечая ничего на свете, не стесняясь директора школы, который сидел в кабине грузовика рядом с шофёром.

К сожалению, эта поездка не прошла для меня бесследно: меня продуло, и на глазу появился ячмень... Пришлось потом делать примочки из крепко заваренного чая...

* * *

Однажды Мадина сообщила мне: её друзья, супружеская пара, хотят познакомиться со мной. Они пригласили её и меня на пикник, на водохранилище ГЭС.

Утром, в воскресный день, на берегу водохранилища, расположенного на высоте ста метров по отношению к зданию ГЭС, я предстал перед друзьями Мадины, которая расхвалила меня как образцово-показательного молодого человека.

Когда муж подружки Мадины начал разливать спиртное в гранёные стаканы, я тут же сказал о том, что я не пью. «Да, он не пьёт», – поддержала меня Мадина. Закуска была отменная! Свежие помидоры и огурцы, зелёный лук, укроп, ломтики домашней колбасы и сала, крутые яйца и так далее.

Во время трапезы меня расспрашивали о Москве, видел ли я «товарища Сталина». Одним словом, на меня смотрели как на... инопланетянина!

* * *

Вскоре супружеская чета отбыла на своём катере, а мы с Мاديной решили искупаться. В водохранилище вода, образованная в результате таяния снега в горах Кавказа, оказалась очень холодной, поэтому я смог пробыть в воде лишь считанные минуты, а Мадина плавала достаточно долго. Когда она вышла из воды, я невольно залюбовался её восхитительной фигурой!

Между тем солнце поднималось всё выше, стало очень жарко, и мы с Мاديной переместились в тень под густым кустарником. Мадина постелила принесённый ею из дома коврик, и мы улеглись рядом, предаваясь нашим любовным утехам... Однако вид полуобнажённой Мадины (на ней были бюстгальтер и трусики из плотной ткани) пробудил во мне страстное желание к... интимной близости! Моя робкая попытка пробиться к её заветному месту натолкнулась на сопротивление Мадины... Нет, она ничего мне не говорила, а только с улыбкой отводила мою руку, когда я пытался обнажить её... Мадина была подобно гранитной скале, о которую разбивались волны моих безумных желаний...

В принципе, Мадина могла бы охладить мой пыл, мою жгучую страсть... Она бы могла сказать примерно следующее: «Володя! Ведь ты неглупый парень, можно сказать, без пяти минут инженер. Ну подумай: я соглашусь уступить твоему желанию, „пообщаюсь“ с тобой, а через девять месяцев я

рожу ребёнка, мальчика или девочку, который никогда не будет знать, кто его отец? Неужели ты хочешь этого? Неужели ты хочешь, чтобы твой будущий ребёнок страдал от безотцовщины, чтобы он завидовал детям, у которых есть отцы? И всё это ради минутного наслаждения?..»

Однако Мадина ничего такого мне не сказала... Она решила преподать мне ещё один урок и привести меня в чувство... Вот как это было. Через пару дней после вышеописанных событий на водохранилище Мадина, придя на свидание, предложила пойти к ней домой. В принципе она могла бы оставить меня в парке, а сама вернуться домой, если ей это так нужно было. Но Мадина позвала меня, и я согласился идти к ней.

Была вторая половина дня. Мы пришли к её дому. Теперь я мог хорошо разглядеть здание барачного типа, в котором жила моя подруга. Это было двухэтажное строение: полуподвал и второй этаж. Жильё Мадины было расположено в полуподвале. Когда мы вошли в её квартиру, меня поразило убожество жилища... На всём царила неухоженность, беспорядок, откровенная нищета, которая никоим образом не гармонировала с элегантно одетой Модиной...

Но больше всего меня поразил... малыш! Он стоял в своей кроватке, держась за одну из боковых стенок. «Это мой сын!» – скороговоркой произнесла Мадина... Я остолбенел и лишился дара речи... Выходит, Мадина не девушка, а женщина! Более того, она... мать-одиночка! Это неожиданное

открытие поразило меня до глубины души!.. А я то был уверен в том, что Мадина, юная, непорочная девушка – олицетворение благочестия и святости!..

Я уставился на малыша, а Мадина ушла в другую комнату. Вскоре она вернулась и обратила моё внимание на разбитое окно, в которое была вставлена подушка. «Это мальчишки разбили, причём уже во второй раз», – разъяснила она.

* * *

Мы вышли из её дома. Я уже не помню, о чём мы с ней говорили. Однако, придя к себе в общежитие, я с горечью размышлял об обездоленном малыше, о горькой участи Мадины...

Да, у неё были все основания ненавидеть мерзкое племя двуногих самцов, которые калечат жизни милых девушек... Именно в тот вечер чары Мадины рассеялись «как дым, как утренний туман...» Я испытывал горький стыд, что был соучастником Мадины, оставлявшей своего крошечного ребёнка, лишая его заботы и материнской ласки...

* * *

Однако, к величайшему сожалению, осознав свою вину «в соучастии», я не додумался до элементарной истины... Связавшись с Мудиной, я предал Розу, втоптал в грязь её нежную и трепетную любовь ко мне... Своими пылкими и страстными письмами я взрастил эту любовь к девушке

моей мечты – обаятельной, красивой. Талантливой, одарённой... Она верила мне как Богу, а я оказался форменным подонком... Более того, я скрыл от Розы свою связь с Мадией. Если бы я рассказал Розе всю правду, она бы без всякого сомнения отвергла меня. И правильно бы сделала! Моё грехопадение, хотя и не завершившееся интимной близостью (благодаря стойкости Мадии), тем не менее не осталось безнаказанным... Судьба отомстила мне... Подробно об этом я написал в своём втором автобиографическом романе «Отравленная жизнь (Исповедь узника искалеченного брака)».

* * *

Учительница начальных классов посёлка Баксан Мадина преподавала мне три урока. Первый урок я получил на спортплощадке, когда Мадина обрушила на меня шквал обвинений, подозревая меня в сексуальных намерениях. Моя воля была... парализована! Психика – подавлена! А я сам, 23-летний молодой человек атлетического сложения, был низведён до состояния... немощного старика! Если бы я задумался тогда о состоянии своей психики, если бы обратился к психиатру, у меня, возможно, была бы совсем другая жизнь...

* * *

Второй урок Мадина преподавала мне в парке, когда своим страстным поцелуем пробудила во мне природный ин-

стинкт, затмила мой рассудок... Моя нравственность оказалась... нулевой!

Третий урок Мадина провела у себя дома, показав мне своего ребёнка... Она таким образом убедилась: моя безумная страсть к ней не имеет ничего общего с чувством Большой Любви... Моё человеческое начало оказалось близким к нулю...

Если бы я в своё время осмыслил преподанные мне уроки, моя жизнь сложилась бы иначе...

* * *

Эти строки я пишу спустя шесть с лишним десятилетий... Мысленно я обращаюсь к Мадине: «Милая Мадина! Я благодарю тебя за твою любовь ко мне, за твои ласки. Спасибо тебе за то, что ты сохранила в чистоте мои отношения с тобой. Именно ты оказалась Личностью, а не я! Твой образ замечательной учительницы я буду хранить в своей памяти. Я прошу простить меня за равнодушие к тебе...»

Завершая свой рассказ о Мадине, хочу подчеркнуть: после того как я узнал, что у Мадины есть ребёнок, я полностью к ней охладел... Мне уже совсем не хотелось видеть её...

Между тем производственная практика на ГЭС близилась к завершению. Я решил договориться с дежурным инженером, в смене которого я проходил практику, о том, чтобы уехать на несколько дней раньше.

Вечером накануне своего отъезда я лежал на своей койке

в общежитии и снова размышлял о Мадине. Я принял тогда твёрдое решение: женщина с ребёнком мне не нужна! Мне нужна юная, непорочная девушка, а именно Роза, моя бывшая одноклассница, девушка моей мечты! А нужен ли я Розе после того, как я связался с Мадиной, – об этом я не подумал. И ещё я не подумал о том, не окажется ли Роза, человек очень активный, эмоционально возбудимый, Мадиной номер два? Ведь в семейной жизни всякое бывает... Можно ли соединить свою жизнь, свою судьбу с девушкой, которая, устроив скандал, может превратить меня в живой труп?!

Спустя многие годы я осознал: мне нужна была девушка кроткая, смиренная, которая прониклась бы болью за моё отравленное, искалеченное детство, которая смогла бы быть мне верным и преданным другом...

* * *

Поздно вечером пришли мои сокурсники и рассказали мне, что видели в парке Мадину. Она, несомненно, искала меня, хотела увидеть напоследок, попрощаться, а я, как трусливый заяц, окопался в общежитии, проявив вопиющее равнодушие к женщине, полюбившей меня всей душой...

Рано утром следующего дня я навсегда покинул посёлок Баксан и на рейсовом автобусе отбыл в Нальчик.

Послесловие

После случая с Мاديной на спортплощадке прошли годы... Моя неспособность адекватно реагировать на скандал, устроенный Мاديной, объясняется слабостью моей психики... Пройдёт тринадцать лет, и летом 1965 году психиатр поликлиники при Институте ядерной физики Сибирского отделения Академии наук СССР, где я в то время работал, поставит диагноз: психастения...

Я уже писал в начале романа о том, что моя нервная система начала формироваться тогда, когда я находился в эмбриональном состоянии. Моя покойная мама, приехавшая на родину моего отца, сразу начала испытывать негативные воздействия на нервную систему...

10-летний детдомовец Савва, брат моей мамы, тоже внёс свою лепту в межличностные отношения между моими родителями... В итоге из-за сильных нервных переживаний моя мама заболела «сахарной болезнью» (диабетом) и скончалась в возрасте... 22 лет!..

Когда Мадина внезапно закатила мне скандал на спортплощадке, меня поразило внезапное превращение прелестной девушки в злобную мегеру. А то, что я, тренированный молодой человек, которому пошёл двадцать четвёртый год, не сумел рта раскрыть, чтобы остановить зарвавшуюся смазливую бабёнку, – вот это должно было поразить меня до глубины души... Не зря говорят: «В чужом глазу соломинку ты видишь, а в своём не замечаешь и бревна»...

Глава 20. Поездка в Батуми

По прибытии в город Нальчик я купил билет на другой автобус, который направлялся в столицу Северной Осетии город Орджоникидзе (ныне Владикавказ). В этом городе я переночевал в «Доме колхозника», а затем утром следующего дня поехал на автобусе по знаменитой Военно-Грузинской дороге, проходящей через Кавказский хребет. В конце второго дня моего путешествия поздно вечером я добрался до Тбилиси.

Было начало июля 1952 года. Курортный сезон был в самом разгаре! С невероятными трудностями мне удалось попасть на поезд Тбилиси – Батуми.

И вот наконец-то солнечным утром я прибыл в Батуми – город юности моей покойной мамы... На вокзале с букетами цветов меня встретили дядя Савва, тётя Мария с двумя дочерьми, Лидией и Людмилой, а также тётя Поля с сыном Валерием.

Все мои родственники собрались в доме у тёти Марии, у которой была только одна комната. Был накрыт праздничный стол. Дядя Савва взял на себя роль тамады и руководил «парадом». Встреча была душевной. Я был растроган до глубины души...

Спустя шестнадцать лет, минувших после кончины моей мамы, ушла из жизни мамина сестра – тётя Катя... Тётя Ри-

та погибла во время войны в блокадном Ленинграде... Дядя Савва воевал на фронте, лишился левой руки... У тёти Марии жизнь тоже не сложилась... Ей одной пришлось растить двух дочерей... Тётя Поля была замужем, но и ей было несладко: её муж крепко пил...

Спустя несколько дней после моего приезда мы все поехали на кладбище. Я впервые в своей жизни пришёл на могилу мамы... Рядом была могила тёти Кати... В скорбном молчании я смотрел на гранитную плиту, где похоронена моя мама...

И лишь когда мы приехали домой к тёте Марии, нервы мои не выдержали... Рыдания сотрясали мою грудь... Никогда в своей жизни я так не плакал, как в этот вечер... Вот так, впервые в своей жизни, я оплакал свою маму...

Перед моим отъездом в Москву мы все снова побывали на кладбище...

* * *

Время, проведённое в Батуми, а также на турбазе «Зелёный мыс», где дядя Савва работал культработником, было омрачено желанием тёти Марии и в особенности дяди Саввы, чтобы я перешёл на фамилию мамы. Тётя Мария внушала мне: моя мама погибла по вине моего отца, поэтому я должен отречься от него...

Психологически к этому я не был готов. В то время я считал: я не могу быть судьёй между моей покойной мамой и от-

цом... Да и что это может изменить? Тем не менее я обязан был сообщить об этом тётё Циле, которая в то время жила в Шостке, снимала угол и, работая в столовой, носила передачи дяде Арону, который находился в концлагере местного значения...

Дядя Арон трудился на строительстве ТЭЦ. По иронии судьбы, спустя четыре года я стал работать на этой ТЭЦ начальником электротехнической лаборатории.

Тётя Циля, получив моё письмо из Батуми, очень разволновалась и умоляла меня не предпринимать никаких шагов в этом направлении. Да мне и самому не хотелось это сделать, особенно учитывая то обстоятельство, что отец был отброшен «на задворки жизни...», а дядя Арон и вовсе находился в заключении...

Я не мог предать тех, кто вскормил меня, тем более родственники моей мамы свыше... двух десятилетий (!) совершенно не интересовались моей жизнью, моей судьбой...

Лишь спустя сорок лет, находясь в Канаде, я впервые опубликовал острополюемическую статью, подписав её своим литературным псевдонимом «Владлен Анжело».

Эти строки я пишу в конце июля 2019 года. Месяц тому назад была опубликована моя трилогия «Отец Русской революции» в Санкт-Петербурге.

* * *

Моё нежелание последовать совету тётё Марии и дяди

Саввы резко охладило наши взаимоотношения...

И ещё хочется рассказать об одном случае. Зимой 1952 года, до моего приезда в Батуми, я получил от тёти Марии письмо, в котором она писала: она передала мне посылочку с некоей Ниной – сестрой её зятя Ивана (мужа Лидии).

Нина училась на четвёртом курсе Института народного хозяйства имени Плеханова. Когда я приехал в общежитие к Нине, она встретила меня благожелательно, угостила чаем с вареньем, а потом проводила меня до метро.

И вот спустя полгода, когда я приехал в Батуми, я с удивлением узнал: дядя Савва, которому было 34 года, воспылил нежными чувствами к... Нине (!), которая была совершенно равнодушна к своему великовозрастному поклоннику... К величайшему сожалению, дядя Савва не осознавал: он не пара Нине. К тому же он был инвалид... У него была ампутирована левая рука... И, наконец, самое неприятное: дядя Савва страдал... алкоголизмом! После получения зарплаты он уходил в запой... Часто после этого тётя Мария находила его в придорожной канаве...

Администрация турбазы тем не менее вынуждена была мириться с этим недугом, поскольку дядя Савва был отличный экскурсовод, профессиональный фотограф. Но самое главное – он был великолепным организатором вечеров отдыха. Дядя Савва обладал неиссякаемым чувством юмора. Он великолепно демонстрировал всевозможные фокусы. Дочь тёти Марии Лидия была его неизменной ассистенткой.

* * *

Как-то вечером мы гуляли по набережной, которая в то время называлась проспектом Сталина. Кроме меня в прогулке приняли участие дядя Савва, тётя Мария с дочерьми Лидой и Людмилой, а также Нина.

До сих пор помню: Нина была одета в нарядный белый костюм. Она была неотразима! Неслучайно дядя Савва прикипел к ней...

Во время этой прогулки Лида отозвала меня в сторону и сообщила: Нина хочет подружиться со мной. Однако после любовной истории с Мадриной я твёрдо решил: свою жизнь и свою судьбу я свяжу с Розой.

Именно в эти августовские дни 1952 года я получил письмо от Розы, предложившей мне приехать в Москву и там встретиться с ней. В конверт вместе с письмом было вложено её фото. Прелестная девушка очень похудела. Она всё так же была прекрасна, однако её вид свидетельствовал о её сильнейших переживаниях... На обратной стороне снимка Роза писала: «Милый Владенька! Пусть твердят, что и моря мелеют, но я не верю, чтоб прошла любовь...», 18 августа 1952 года, город Львов.

Ехать из курортного Батуми в загазованную Москву мне очень не хотелось. Тем более мне негде было жить. В общезжитии я мог поселиться лишь в самом конце августа.

Поэтому, чтобы успокоить Розу, я твёрдо заверил её: я по-

прежнему её люблю. Более того, во время предстоящих зимних каникул я непременно приеду во Львов, и мы поженимся!

* * *

Поэтому, когда Лида передала мне о желании Нины дружить со мной, я рассказал Лиде о Розе. Буквально на следующий день у меня состоялся разговор с тётёй Марией. До сих пор помню её слова: «Владик! Если ты действительно любишь Розу, ты должен непременно на ней жениться. Если же ты не собираешься на ней жениться, ты должен оставить её в покое и не морочить ей голову».

С мнением тётёи Марии я был согласен целиком и полностью. Почти два месяца, проведённые в Батуми, оставили неизгладимые впечатления на многие годы...

И мысленно я благодарю родственников моей покойной мамы за заботу и внимание ко мне.

30 августа 1952 года я отбыл из Батуми в Москву.

Глава 21. Женитьба

1 сентября 1952 года я приступил к занятиям на пятом курсе ЭЭФ МЭИ. Эта пятая студенческая осень ознаменовалась моим самым сокровенным желанием: как можно скорее встретиться с моей любимой Розуленькой и жениться на ней... Своей возлюбленной я писал чуть ли не каждый день! И вот наконец настала зимняя экзаменационная сессия. Экзамены я решил сдавать досрочно. Последний, пятый экзамен по релейной защите и автоматизации энергосистем я сдавал утром 12 января 1953 года. Получил оценку «хорошо», а вечером того же дня я выехал во Львов.

Утром 13 января, находясь проездом в Киеве, я услышал по радио страшное сообщение: в Москве арестована большая группа врачей-евреев, которых обвинили в том, что они хотели погубить кремлёвское руководство во главе со Сталиным!.. Меня это ужасное известие поразило до глубины души!.. В эти чудовищные обвинения я не поверил!

* * *

Утром 14 января, в одиннадцать часов, поезд прибыл во Львов. На вокзале меня встретила Роза. Мы поехали к ней домой. Роза со своей мамой снимали крошечную комнату в большой квартире. Хозяева квартиры отнеслись крайне негативно к моему приезду... Однако мы с Розой не обра-

щали на это никакого внимания.

Почти два с половиной года мы с Розой не виделись! Мы были безгранично счастливы! На следующий день, 15 января, мы пошли Ленинский райотдел загса и заполнили соответствующие анкеты. Нам сообщили дату предстоящей регистрации – 18 января, в воскресенье, в двенадцать часов дня.

Между тем Розе предстояло сдать 16 января последний экзамен – по истории химии. Вечером 15 января Роза ушла к своей подруге Нине Ивановой и занималась с ней... всю ночь! Утром 16 января она сдала этот предмет с оценкой «хорошо».

18 января 1953 года состоялась регистрация нашего брака, а вечером у родственников Розы состоялась наша свадьба. Со своего курса Роза пригласила пять своих подруг. Праздничный вечер прошёл хорошо.

Мама Розы Анна Израилевна осталась ночевать у родственников. Утром она пришла к нам, стала готовить обед, а поздно вечером снова ушла к родственникам.

Конечно, долго так продолжаться не могло. С другой стороны, брат Розы Арон, служивший в армии, живший с женой и сыном в местечке Ладыжин Винницкой области, не смог приехать на свадьбу. Поэтому Роза предложила мне поехать с ней к её брату и его семье.

Вечером 25 января мы выехали в наше свадебное путешествие в Винницкую область. Время, проведённое в Ладыжине, пролетело незаметно. Оно ознаменовалось счастьем на-

шей большой любви... Эти божественные мгновения навсегда остались в моей памяти...

Расставаться нам очень не хотелось, однако 7 февраля я должен был приступить к занятиям в своём институте. Идя навстречу желаниям Розы, я остался ещё на некоторое время. Наученный горьким опытом своего неучастия в демонстрации 7 ноября 1949 года на Красной площади, я за несколько дней до начала занятий послал на имя декана нашего факультета, профессора И. И. Соловьёва телеграмму следующего содержания: «В связи со знаменательным событием в моей жизни – женитьбой – вынужден задержаться».

Когда в середине февраля 1953 года я приехал в Москву, почти весь наш курс знал о моей женитьбе...

* * *

По пути в Москву я заехал буквально на один день в город Шостка Сумской области, расположенный в тридцати километрах от Новгорода-Северского, где в то время жили мой отец, мачеха и их дочь Виктория. Тётя Циля также жила в Шостке. Она снимала угол в частном доме и работала в столовой на кухне – корнечисткой...

Когда мы с отцом, встретившим меня на вокзале, навестили тётю Цилю, у меня сердце обливалось кровью... Тётя имела койку в каком-то закутке...

Тётю и отца я не видел целый год, так как всё лето я провёл на Кавказе – сначала на практике на Баксанской ГЭС,

а потом в Батуми.

Дядя Арон по-прежнему мотал свой срок в концлагере... Так что безмерная радость, связанная с моей женитьбой, была отравлена ужасным положением, в котором находились близкие мне люди... Расставание было более чем грустным...

Глава 22. Пятьдесят третий год

Как я уже писал выше, в середине февраля 1953 года я возвратился в Москву. Занятия уже шли полным ходом. Сразу по прибытии в институт меня поразила новость: двум группам гидростанционников сокращён срок обучения на два месяца. Таким образом, вместо конца февраля 1954 года я должен буду окончить институт в конце декабря 1953 года. Меня эта новость очень обрадовала: я смогу гораздо раньше воссоединиться со своей ненаглядной жёнушкой!

* * *

5 марта 1953 года внезапно скончался Сталин! Когда я узнал об этом, в моей душе вспыхнула необыкновенная радость! Дело в том, что после моей эпопеи, связанной с неявкой на демонстрацию 7 ноября 1949 года, я возненавидел и комсомол, и компартию, и самого товарища Сталина, установившего в стране режим коммунистической деспотии!..

В отличие от большинства советских граждан, проливавших горькие слёзы в связи с кончиной самого жестокого тирана в истории человеческой цивилизации, я в душе ликовал и всеми силами пытался скрыть свою безмерную радость!

Когда кто-то из сокурсников предложил мне поехать в Колонный зал Дома Союзов, чтобы проститься с усопшим во-

ждём, я под благовидным предлогом отказался...

* * *

В связи с ускоренным выпуском лекции и семинарские занятия длились с девяти часов утра до пяти часов дня. Последний, десятый семестр оказался коротким, но очень напряжённым!

В первых числах апреля 1953 года началась экзаменационная сессия. Все пять экзаменов я сдал на отлично! Это был второй случай за все пять лет учёбы в институте, когда я стал отличником!

21 апреля, на следующий день после сдачи последнего экзамена, к девяти часам утра я пришёл на кафедру гидроэнергетики к своему консультанту по дипломному проекту – ассистентке Ирине Анисимовой. Ирина Анатольевна, молоденькая преподавательница, два года тому назад блестяще окончила гидроэнергетический факультет и со своим мужем-сокурсником была оставлена на преподавательскую работу.

Ирина была назначена консультантом по гидроэнергетической части моего дипломного проекта. Она посоветовала мне воспользоваться методическим пособием для дипломного проектирования, разработанным сотрудниками кафедры.

Утром в начале десятого, 21 апреля, я покинул эту кафедру и напрямиком направился в административно-управленче-

ский корпус, на пятом этаже которого (без лифта!) находился проектный кабинет. В эти утренние часы я оказался первым студентом-дипломником.

Взяв у сотрудницы кабинета необходимое мне пособие, я с трепетным волнением приступил к работе... Вот он, благословенный час, когда я начал штурм одиннадцатого перевала: приступил к выполнению дипломного проекта!

Работа шла успешно. По сути, подобную работу я выполнял ещё на третьем курсе. Тогда я изучал курс по гидротурбинам и гидротехническим сооружениям и выполнил курсовой проект.

В два часа дня я спустился на первый этаж, где находилась студенческая столовая, пообедал и тут же вернулся на пятый этаж, в проектный кабинет.

Работал я очень интенсивно, не чувствуя усталости. Мне очень хотелось закончить все аналитические расчёты как можно скорее! И вот наконец-то, за пятнадцать минут до закрытия проектного кабинета, в девять часов сорок пять минут вечера, я завершил всю работу!

* * *

22 апреля 1953 года, среда. Девять часов утра. Я снова на кафедре гидроэнергетики. Когда Анисимова меня увидела, она недовольным тоном спросила меня: «Вам что-либо непонятно?»

«Нет, мне всё понятно», – спокойно ответил я.

«Так чего же Вы пришли?!» – с изумлением воскликнула Ирина.

«А я всё сделал, – невозмутимо и спокойно ответил я. – Вот, можете посмотреть».

С этими словами я положил на стол ассистентки стопку листов бумаги с аналитическими расчётами гидроэнергетической части моего дипломного проекта.

Увидев мои расчёты, Ирина судорожно схватила со стола логарифмическую линейку и стала выборочно проверять мои вычисления. Анисимова была убеждена: за один день такую работу выполнить совершенно невозможно! Оказавшись во власти эмоций, она хотела найти хоть какую-либо ошибку, чтобы осадить меня, доказать мне мою поспешность и несерьёзность. Однако все вычисления были безошибочны!

Наконец Ирина дошла до той части моего проекта, где я производил выбор мощности гидротурбин. При мощности Ковровской ГЭС 360 мегаватт я выбрал три гидротурбины по 120 мегаватт каждая.

«А почему Вы не выбрали четыре гидротурбины по 90 мегаватт?» – спросила меня Ирина.

«Потому что этот вариант с тремя гидротурбинами более экономичен», – спокойно ответил я.

«А вот это Вы и докажите!» – с ликованием в голосе воскликнула Анисимова.

«Хорошо», – спокойно ответил я, молча собрал свои ли-

сты с расчётами и несолоно хлебавши покинул помещение кафедры гидроэнергетики. Я так надеялся, что сегодня, 22 апреля, смогу приступить к графическому оформлению своего дипломного проекта, но не тут-то было...

* * *

Я вышел из подъезда, пересёк улицу Красноказарменную и по ступенькам взобрался на пятый этаж. В проектном кабинете, как и накануне, было безлюдно.

Рассчитать параллельный вариант для меня не составило никакого труда. Спустя несколько часов задание Анисимовой было выполнено!

При этом я испытал огромное удовлетворение! Я оказался прав! Как по капитальным затратам, так и по ежегодным эксплуатационным расходам первоначально выбранный мною вариант оказался более экономичным! Я не отказал себе в удовольствии продемонстрировать большой экономический эффект от использования варианта с тремя гидротурбинами!

Окончив вычисления, я покинул проектный кабинет. По пути в общежитие я зашёл в студенческую столовую и пообедал. Благо занятия ещё не кончились, и в столовой было почти безлюдно. Оставшиеся полдня я посвятил различным хозяйственным делам, которых накопилось предостаточно.

* * *

23 апреля, четверг, девять часов утра. Едва я появился на пороге кафедры гидроэнергетики, как Анисимова тут же спросила меня: «Ну как, рассчитали?»

«Да, конечно», – спокойно ответил я.

«Ну и что же у Вас получилось?» – вновь задала мне вопрос Ирина.

«Ну я же Вам вчера говорил», – снисходительным тоном, не скрывая своего злорадства, проговорил я.

На этот раз ассистентка была настроена миролюбиво и вела себя спокойно и корректно.

«Возьмите стул и садитесь здесь», – сказала Ирина, показав мне место рядом с собой. «Давайте Ваши расчёты», – продолжала преподавательница. Я положил перед ней все свои вычисления. На этот раз Ирина стала не спеша, шаг за шагом, проверять сделанные мною расчёты по предложенному ею варианту с четырьмя гидротурбинами по 90 мегаватт каждая.

Оказавшись рядом с Ириной, я имел возможность внимательно рассмотреть её. У неё были правильные черты лица. Каштановые локоны обрамляли её прелестный лик, а её выразительный бюст не оставил меня равнодушным...

«А теперь посмотрим, как Вы выбрали коэффициент полезного действия гидротурбин», – сказала Ирина и раскрыла атлас круговых диаграмм энергетических характеристик гидравлических турбин. Этот атлас был составлен сотрудниками кафедры гидроэнергетики под руководством профес-

сора, доктора технических наук Теодора Лазаревича Золотарёва.

Я невольно склонился над диаграммой, которую рассматривала Ирина, и в этот момент её локон коснулся моей щеки... Меня будто огнём обожгло, кровь закипела в моих жилах, я почувствовал к Ирине... сильное влечение! Я в ужасе отшатнулся: этого ещё не хватало... «Что с Вами?» – спросила ассистентка. «Да так, ничего...» – смущённо ответил я. Краска стыда залила моё лицо... К счастью, Анисимова, занятая проверкой моих вычислений, ни о чём не догадалась...

Наконец она завершила свою работу. Я наивно полагал: Ирина похвалит меня за усердие и прилежание, что она отметит мою инженерную интуицию при выборе количества гидротурбин, но... увы!

Вместо этого преподавательница неожиданно спросила меня: «Что Вы знаете о прямоточных гидротурбинах?» Я честно признал: ничего о них не слышал. И тогда Ирина рассказала мне удивительную историю об одном учёном. Фамилию этого учёного я уже не помню. Поэтому для удобства изложения назову его Никитиным.

Так вот, этот учёный изобрёл так называемую прямоточную гидротурбину, ось которой расположена горизонтально, в отличие от обычных гидротурбин, имеющих вертикальную ось.

Достоинством прямоточной гидротурбины является достаточно высокий коэффициент полезного действия, по-

сколькx поток воды непосредственно падает на лопасти турбины. Такой турбине не нужны специальные спиральные камеры, в которых поток воды частично теряет свою энергию.

«Я советую Вам непременно встретиться с Никитиным, – сказала Ирина. – Вы представляете? – продолжала она. – Вам не придётся строить здание ГЭС. Ваши турбины можно будет разместить в теле водосливной плотины. Вы получите огромный экономический эффект!»

Ассистентка вся раскраснелась, увлечённая своей идеей. Я же не разделял энтузиазма своей преподавательницы. Мне хотелось как можно скорее приступить к графическому оформлению гидроэнергетической части своего дипломного проекта. А это четыре больших листа ватмана размером 576 на 814 квадратных миллиметров. Кстати, весь дипломный проект должен содержать тринадцать таких листов, а также пояснительную записку с аналитическими расчётами.

Тем не менее я не стал оспаривать решение преподавательницы. По указанному Ириной адресу я на трамвае доехал до НИИ гидроэнергетики. Там мне сказали, где работает Никитин. Он, кстати, имел учёную степень кандидата технических наук и заведовал лабораторией.

Когда я приехал к учёному, тот был весьма польщён: на кафедре гидроэнергетики МЭИ проявлен интерес к его изобретению.

Никитин с увлечением стал рассказывать о своём детище.

Я снисходительно слушал его. И, хотя я был только ещё дипломник, тем не менее я хорошо понимал: внедрение этого изобретения будет сопряжено с величайшими трудностями и вряд ли будет реализовано в обозримом будущем...

Закончив свой рассказ, Никитин подарил мне несколько эскизов своей прямоточной турбины. Я поблагодарил учёного и отправился в обратный путь.

Вторые полдня я не знал, куда себя деть. Под вечер я пошёл на спортплощадку и поиграл там в волейбол.

* * *

24 апреля, пятница. Девять часов утра. И снова я на кафедре гидроэнергетики. Как только Ирина увидела меня, она тут же спросила: «Ну как, встречались с Никитиным?»

«Да, конечно», – ответил я и положил перед ней эскизы прямоточной гидротурбины. Анисимова была растрогана до глубины души... Она посмотрела на меня таким нежным взглядом, что я простил ей её предвзятое отношение ко мне, проявленное вначале. Просто Ирина не могла поверить, что среди дипломников нашёлся фанат, чьё усердие и прилежание были безграничны!

«Будем ставить прямоточные турбины», – решительным тоном заявила Анисимова.

«Но у нас нет энергетических характеристик этих турбин», – возразил я.

«А мы будем использовать характеристики существующих»

щих турбин», – сказала мой научный консультант. В принципе – это неправильно! Однако я не стал спорить. В конце концов, не всё ли мне равно?

«Приступайте к графическому оформлению проекта», – сказала Ирина. Наконец-то я дождался желанной команды!

* * *

Несколько дней я затратил на то, чтобы все четыре листа ватмана были выполнены в карандаше. Когда я принёс эти чертежи на кафедру гидроэнергетики, Ирина, бегло взглянув на мой труд, дала мне команду: «Можете обводить тушью».

И вновь я пропал из поля зрения Ирины на несколько дней. Закончив обводить тушью свои чертежи, я вновь пришёл на кафедру. Не глядя, Ирина сразу же подписала все мои чертежи и поставила высшую оценку – «отлично»! Я поблагодарил Анисимову и навсегда распрощался с ней...

* * *

Теперь на очереди была электротехническая часть дипломного проекта, однако приступить к её выполнению я не мог, поскольку мой научный руководитель, доктор технических наук, профессор Борис Сергеевич Успенский работал в МЭИ по совместительству и начнёт консультировать дипломников лишь с 1 сентября 1953 года.

Что же делать? Бездельничать свыше месяца в общежитии?

Ни за что! Я решил до начала своей преддипломной практики съездить во Львов, к своей ненаглядной жёнушке. Однако просто так уехать я не решился: ещё свежа была в моей памяти крайне неприятная история с моей неявкой на демонстрацию 7 ноября 1949 года, когда меня чуть не выгнали из института...

Поэтому я написал на имя декана нашего факультета профессора И. И. Соловьёва заявление с просьбой разрешить мне уехать из Москвы по семейным обстоятельствам.

Взяв свои чертежи и аналитические расчёты, я пришёл в деканат. «Мне нужно к Ивану Ивановичу», – сказал я секретарю деканата и положил перед ней своё заявление.

«Иван Иванович занят. У него в кабинете проходит заседание кафедры», – ответила мне девушка. Я хочу уточнить: наш декан был заведующим кафедрой релейной защиты и автоматизации энергосистем.

«Но что же мне делать?» – с горечью сказал я.

«Ладно, не огорчайтесь. Я скажу ему о Вас», – сказала секретарь деканата и вошла в кабинет декана. Вскоре из кабинета вышел декан. Прочитав на столе моё заявление, он патетически воскликнул: «Ох уж эти женатики!» Потом он спокойно сказал секретарю деканата, чтобы та подготовила соответствующее распоряжение. На мои труды он даже не взглянул. Потом я догадался: ход дипломного проектирования у студентов ускоренного выпуска контролировался ежедневно! Так что моё досрочное окончание гидроэнерге-

тической части дипломного проекта декану было хорошо известно.

Получив добро на свою поездку, я тут же вернулся в общежитие, собрал необходимые для поездки летние вещи, а все остальные вещи и свой проект я сдал в камеру хранения в общежитии. Вечером того же дня я отбыл во Львов.

* * *

Моя встреча с Розой вновь наполнила меня удивительной радостью! Свыше трёх месяцев минуло со дня нашей разлуки. Кстати, Роза с мамой сменили жильё, и когда я приехал, то с удовлетворением отметил: просторная комната, обставленная приличной мебелью.

Когда прибыл во Львов, я узнал: Розе предстоит сдать последний государственный экзамен – по основам марксизма-ленинизма.

К величайшему сожалению, мой приезд крайне негативно отразился на подготовке Розы к этому экзамену... Она никак не могла, в отличие от своих сокурсниц, заставить себя с утра до вечера сидеть в читальном зале библиотеки и штудировать труды основоположников марксизма-ленинизма, бесчисленные постановления пленумов ЦК КПСС. В итоге на экзамене ей поставили... «удовлетворительно»! Это была единственная тройка за все пять лет учёбы в университете... Эта тройка не позволила Розе стать обладателем диплома с отличием...

А в остальном всё у нас было хорошо. Мы много гуляли в парке, размышляли о нашей предстоящей семейной жизни, когда мы никогда не должны будем разлучаться...

* * *

В конце июня 1953 года я отбыл в город Запорожье для прохождения преддипломной производственной практики на жемчужине советской энергетики – Днепровской ГЭС.

Во время войны с фашизмом эта ГЭС была взорвана. После её восстановления мощность резко возросла за счёт увеличения числа гидрогенераторов.

Во время прохождения практики из Москвы приехал профессор П. Г. Грудинский, читавший нам курс по электрооборудованию ГЭС. Именно ему было поручено принять у нас зачёт по практике.

При подготовке к зачёту я досконально проработал брошюру, посвящённую восстановлению Днепровской ГЭС. Обладая превосходной памятью, я демонстрировал количественные данные не только по электрооборудованию ГЭС, но также по гидротехническим сооружениям. Пётр Григорьевич был поражён моей осведомлённостью и поставил мне высшую оценку – «отлично».

В тот день, когда закончилась практика, я зашёл в управление Днепроэнерго на приём к главному инженеру. Я обратился к нему с просьбой послать на меня в институт заявку о направлении меня на работу на ДнепроГЭС. Однако он

мне ответил: штат инженеров на ГЭС полностью укомплектован...

Мог ли я думать о том, что последний день моей преддипломной практики станет... последним днём в моей жизни (!), когда я побывал на действующей ГЭС? Если бы кто-либо тогда об этом мне сказал, я бы ни за что не поверил!

Однако, к величайшему сожалению, я, специализируясь по эксплуатации электрооборудования ГЭС, ни одного дня на ГЭС не проработал...

* * *

В конце июля 1953 года, после возвращения в Москву, я отбыл с сокурсниками на 20-дневные лагерные сборы на один из военных аэродромов в Калининградской области. В отличие от предыдущих военных сборов в Батайске Ростовской области, когда мы страдали от нестерпимой жары, вторые сборы были просто чудо! Мягкий климат, чистый воздух – всё это радовало мою душу!

В середине августа 1953 года я прибыл в Новгород-Северский, а 17 августа я встретился с Розой и её мамой.

* * *

Ещё весной 1953 года, на комиссии по распределению на работу молодых специалистов во Львовском университете, Роза отказалась от престижной должности младшего научного сотрудника в одном из НИИ в городе Краснода-

ре и выбрала должность инженера на Новокуйбышевском нефтеперерабатывающем заводе, преследуя единственную цель: меня непременно должны будут направить на работу на строящуюся Куйбышевскую ГЭС – первую «великую сталинскую стройку коммунизма». Расчёт Розы оправдался: меня действительно направили на Куйбышевгидрострой, где нам пришлось испить горькую чашу немислимых страданий...

* * *

Вскоре после прибытия Розы и её мамы тётя Циля устроила торжественный вечер, связанный с моей женитьбой, на который была приглашена вся наша родня.

Дядя Арон был освобождён из заключения в июле 1953 года по амнистии, проведённой в связи со смертью Сталина.

* * *

В конце августа 1953 года мы с Розой и её мамой выехали в Новокуйбышевск, находящийся в сорока километрах западнее Куйбышева. По прибытии туда, 30 августа, мы с вещами нагрянули в жилищно-коммунальный отдел завода. Оставив меня и Анну Израилевну в ЖКО, Роза сразу же поехала на завод, находящийся в нескольких километрах от города. У Розы в направлении на работу было специально указано о предоставлении нам отдельной жилплощади. Одна-

ко главный инженер завода заявил: свободных комнат нет... Розе могут дать... место в общежитии! Для Розы, её мамы и меня это явилось величайшим потрясением... Мы были в отчаянии...

В конце рабочего дня, когда сотрудники ЖКО ушли с работы, мы в одной из комнат вымыли пол, постелили на полу имевшиеся у нас одеяла и другие постельные принадлежности и худо-бедно переночевали... Утром мы всё убрали, сели в уголке, как бедные родственники, а Роза снова ушла на завод.

Так прошло три дня... На четвёртый день Роза случайно встретила выпускницу химфака Львовского госуниверситета. Отработав положенные три года, она возвращалась обратно во Львов. Эта девушка предложила Розе вселиться в её небольшую комнату (восемь квадратных метров) в двухкомнатной квартире. Хозяйка другой комнаты (17 квадратных метров), Татьяна Алексеевна, радушно приняла нас, не спрашивая ордер на освобождающуюся комнату.

* * *

Администрация завода была поставлена перед свершившимся фактом. Более того, на меня был дан запрос в мой институт с просьбой направить меня на работу на ТЭЦ этого завода. Роза, со своей стороны, взяла в отделе кадров завода справку о том, что она работает инженером на этом заводе. С этими документами я отбыл в начале сентября в Москву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.